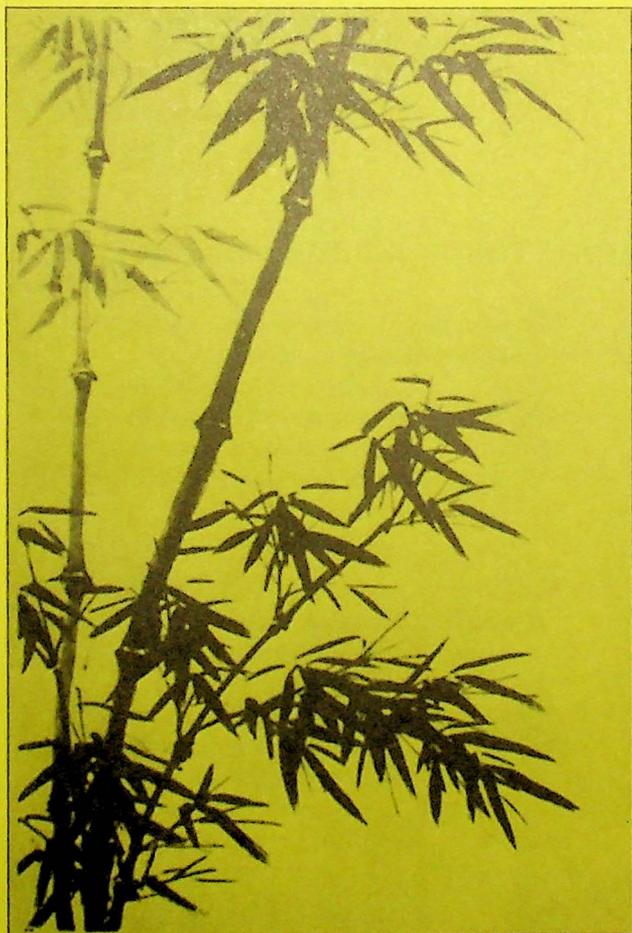

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/2011

ISSN 0131-2812

Ученые-китаеведы — лауреаты
Государственной премии

●
Экономика КНР
на пороге 12-й пятилетки

●
Экономические дискуссии
в Китае в посткризисный период

●
Китайско-американские отношения
на современном этапе

●
Дзи Сяопин в Москве (1926–1927)

●
Московскому корееведению — 65 лет

2.5.9К3.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/2011

Июль — Август

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Издается с марта 1972 года

УЧЕНЫЕ-КИТАЕВЕДЫ — ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РФ

Указ Президента Российской Федерации о присуждении Государственных премий Российской Федерации в области науки и технологий 2010 года	3
Высокая награда российских китаеведов.....	4
Выступления российских китаеведов — лауреатов Государственной премии при вручении награды в Кремле	6
<i>А. Кобзев.</i> Энциклопедизм как форма взаимопознания русской и китайской культур	7

ДОКУМЕНТЫ

Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики в связи с 10-летием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.....	10
Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам.....	13
Астанинская декларация десятилетия Шанхайской организации сотрудничества	14

2-4 экз

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ КНР

<i>А. Островский.</i> Экономика КНР на пороге 12-й пятилетки: итоги и перспективы.....	23
<i>В. Жигулева.</i> Взаимодействие внутреннего и внешнего факторов роста китайской экономики	33
<i>З. Мурамцева.</i> Промышленная политика КНР в 2006–2015 гг. в свете задач индустриализации нового типа	42
<i>А. Салицкий, И. Томберг.</i> Внешнеэкономические связи КНР: новые тенденции.....	48

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

<i>А. Ларин.</i> Китайская модернизация: некоторые подсказки для России.....	56
<i>А. Крушинский.</i> Постсоветский фактор «китайского чуда».....	70

ПОЛИТИКА

<i>А. Давыдов.</i> Китайско-американские отношения на новом этапе: что впереди?	86
<i>А. Семин.</i> Токио-Пекин: конфликтный потенциал сохраняется?	104

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Л. Бадалян, В. Криворотов.</i> Особый путь Китая: новая парадигма производства — объектно-ориентированный дизайн и проблемы освоения труднодоступных территорий.....	110
<i>О. Борох.</i> Экономические дискуссии в КНР в посткризисный период	126

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>А. Сидорова.</i> Проблема безработицы среди выпускников вузов КНР в свете реформы высшего образования.....	140
---	-----

ИСТОРИЯ

<i>А. Панцов, Д. Спичак.</i> Дэн Сяопин в Москве (1926–1927): идейное становление революционера и будущего реформатора	151
<i>Д. Сенина.</i> Становление и этапы развития банковской системы Японии	161

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. Дмитриева.</i> Московскому корееведению — 65 лет	170
Визит экс-президента Республики Корея Ким Ён Сама	179
<i>А. Давыдов, В. Портяков.</i> Российские китаеведы во Вьетнаме	181

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Вадиму Ивановичу Шабалину — 80 лет.....	183
Contents.....	186
Summary	187

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

Ученые-китаеведы — лауреаты Государственной премии РФ

Указ Президента Российской Федерации

О присуждении Государственных премий Российской Федерации в области науки и технологий 2010 года

Рассмотрев предложения Совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию, постановляю:

Присудить Государственные премии Российской Федерации в области науки и технологий 2010 года и присвоить почетное звание лауреата Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий:

<...>

Кобзеву Артему Игоревичу, доктору философских наук, главному научному сотруднику учреждения Российской академии наук Институт востоковедения РАН, Лукьянову Анатолию Евгеньевичу, доктору философских наук, руководителю центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии учреждения Российской академии наук Институт Дальнего Востока РАН, Титаренко Михаилу Леонтьевичу, доктору философских наук, академику Российской академии наук, директору того же учреждения, — за выдающиеся достижения в развитии отечественного и мирового китаеведения и подготовку фундаментальной академической энциклопедии «Духовная культура Китая».

Президент Российской Федерации Д. Медведев

Москва, Кремль
8 июня 2011 года
№ 724

Высокая награда российских китаеведов

А.Н. Кобзев, А.Е. Лукьянов, М.Л. Титаренко — ученые-востоковеды с мировыми именами. Достигнутые ими научные результаты в области изучения китайской культуры далеко выходят за пределы традиционной синологии, имеют общенаучное и общекультурное значение. Их творческое и практическое сотрудничество обобщает все значимые достижения мировой синологии и представляет Китай как целостный и уникальный историко-культурный и цивилизационный феномен.

Фундаментальная работа коллектива охватывает все формы четырехтысячелетней китайской духовной культуры: философию, мифологию и религию, литературу и искусство, язык и письменность, историческую и политико-правовую мысль, науку, техническую и военную мысль, здравоохранение и образование, архитектуру, живопись, музыку и ремесла.

Энциклопедия по широте тематики, точности фактов и глубине теоретической проработки не имеет аналогов, значительно обогащает программы профессиональной подготовки отечественных китаеведов, открывает новые стратегические направления изучения Китая, создает прочные основы построения конструктивного диалога цивилизаций на евразийском континенте, способствует преодолению культурной и политической конфронтации в Восточно-Азиатском регионе.

* * *

Артём Игоревич Кобзев родился 15 октября 1953 г. в г. Москве.

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. **А.И. Кобзев** — выдающийся китаевед, признанный в отечественном и зарубежном востоковедении, автор более тысячи переведенных и изданных во многих странах Востока и Запада публикаций по этническим и правовым вопросам, философским учениям Китая. Один из редких ученых, исследующих китайскую философию во всех ее многообразных формах и на протяжении всей истории, создатель знаменитой культурологической концепции противостояния «Восток—Запад», известной среди синологов во всем мире, в том числе — в самом Китае. Первым предсказал реанимацию неоконфуцианства в КНР и описал общую историю западной и восточной китаистики. Будучи ведущим автором и заместителем главного редактора энциклопедии «Духовная культура Китая», обогатил эту уникальную работу сотнями статей и материалов, которые легли в основу множества вузовских учебников.

Анатолий Евгеньевич Лукьянов родился 28 октября 1948 г. в г. Иваново.

Доктор философских наук, профессор, руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии Института Дальнего Востока РАН. **А.Е. Лукьянов** — заместитель главного редактора энциклопедии «Духовная культура Китая», крупный ученый и общественный деятель, положивший начало новым исследовательским направлениям в отечественной и зарубежной синологии. Автор многочисленных научных работ, учебников, десятков научных и публицистических статей и очерков в журналах, сборниках, энциклопедиях, впервые представивший культурогенную концепцию китайской философии. Он предложил современную типологию восточных и западных цивилизаций и варианты их культурного диалога. **А.Е. Лукьянов** является заместителем председателя Международной конфуцианской ассоциации, членом правления Международной ассоциации ицзинистики, советником Сычуаньского центра изучения современной России, заместителем председателя Общества российско-китайской дружбы. Удостоен высоких наград КНР за выдающийся вклад в культурный обмен между Китаем и зарубежными странами, за перевод и публикацию китайских книг.

Михаил Леонтьевич Титаренко родился 27 апреля 1934 г. в с. Лакомая Буда Климовского района Брянской обл.

Академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, директор Института Дальнего Востока РАН. **М.Л. Титаренко** — новатор отечественного и мирового востоковедения, исследователь и переводчик классической китайской литературы. Организатор, руководитель, главный редактор и автор уникального труда мировой гуманитарной науки: 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая».

Академик **М.Л. Титаренко** — автор первых в отечественном китаеведении антологий, словарей и энциклопедий по древнекитайской и мировой философии. Заложил основы изучения особенностей диалога культур Востока и Запада, научной адаптации России к процессам экономической глобализации в Восточно-Азиатском регионе. Обосновал государственные подходы к развитию Сибири и Дальнего Востока в контексте сотрудничества нашей страны с государствами-членами ШОС и АСЕАН. В течение многих лет является бессменным председателем Общества российско-китайской дружбы. Почетный профессор Академии общественных наук Китая, ряда университетов Китая, Республики Корея, Вьетнама, Кубы, Турции, США (Стэнфордский университет), обладатель высоких наград России и КНР.

* * *

12 июня в День России состоялась торжественная церемония награждения лауреатов Государственной премии РФ в области науки и технологий 2010 г. Президент РФ Д.А. Медведев вручил ее в Кремле, в числе прочих награжденных, выдающимся отечественным китаеведам **А.И. Кобзеву, А.Е. Лукьянову и М.Л. Титаренко.**

Выступления российских китаеведов — лауреатов Государственной премии при вручении награды в Кремле

А.И. Кобзев

Высокоцитимый Дмитрий Анатольевич, глубокоуважаемые дамы и господа!

Слыша в нашем гимне о «хранимой Богом родной земле», я вспоминаю, что Святая Русь в XIII веке входила в единое государство с Китаем, и наши особые отношения отражает само название Китая, отличное от принятых на Западе. Вслед за созданием Российской империи Петр Великий создал отечественную китаистику, и она два века развивалась трудами Духовной миссии в Пекине. На первое издание китайско-русского словаря Александр I утвердил грандиозную сумму — 140 тыс. руб. (это в начале XIX века), а Большой китайско-русский словарь в СССР также получил Госпремию. Само сочетание: Государственная премия России и «Духовная культура Китая» — символично, поскольку российская синология генетически — государственная и духовная наука. Да не оскудеет рука дающего, осененная высшими государственными и духовными силами!

Как Земной шар, мир двуполюрен, и одним из его полюсов почти всю историю человечества был и в XXI веке будет Китай. Его книга книг «Канон перемен» — предшественница двончного кода всех компьютерных программ, а иероглифика — претендент на роль языка международного общения в Интернете. Даже сегодня среди награжденных — мастера изобразительных искусств, а не мастера слова. Картинки побеждают слова. Мы живем в визуальном мире, и древняя культура иероглифических изображений обретает в нем вторую молодость. Поэтому синология становится универсальной наукой о прошлом и будущем человечества, о диалоге цивилизаций и судьбе России. Надеюсь, что дальнейшее применение в ней современных научных методов даст то знание, которое есть сила, воспетая в нашем гимне.

А.Е. Лукьянов

Уважаемый господин Президент!

Уважаемые дамы и господа!

Сегодня знаменательная дата — День России. В этот День нам вручается награда — Премия высшего государственного достоинства за создание Энциклопедии «Духовная культура Китая». Это фундаментальный научный труд, который дает уникальную методологию сущностного изучения цивилизаций стран Северо-Восточной Азии. Уже сейчас Энциклопедия способствует возникновению новых синологических школ России. Несомненно, они пойдут дальше в создании симфонического единства духовных культур на Евразийском континенте.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Спасибо за признание нашего энциклопедического синологического труда, который стимулирует творчество новых поколений сиологов России!

М.Л. Титаренко

Уважаемый господин Президент!

Позвольте от имени большого авторского коллектива китаеведов сердечно поблагодарить Вас за высокую награду!

Шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая» — свидетельство большого потенциала российской науки и отечественного китаеведения. Должен сказать, что это далеко не единственный знаковый фундаментальный труд наших востоковедов.

Наш труд — знак глубокого уважения и интереса к великой культуре нашего соседа! Выход томов энциклопедии стал подарком национальным годам России и Китая,

которые проходили под Вашим руководством. Создание энциклопедии — показатель большого потенциала отечественного китаеведения.

Радует то, что добрая весть о признании прозвучала в дни, когда наши страны готовятся торжественно отметить 10-ю годовщину Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Энциклопедия — плод этого сотрудничества, который обогатит нашу культуру.

Спасибо.

Энциклопедизм как форма взаимопознания русской и китайской культуры

Трудно переоценить значение любого справочного, тем более энциклопедического, издания о Китае. Древнейшая непрерывно развивавшаяся цивилизация стала в современном глобализованном мире самым большим этносом, демонстрирующим передовому «золотому миллиарду» Запада не менее эффективный способ альтернативного существования с сохранением кардинально иных и совершенно самобытных культурных устоев. Столь впечатляющие успехи требуют адекватного осознания, невозможного без обладания достаточной критической массой достоверных и многосторонних сведений об этом феномене.

К концу XX в. в мире сформировалась очевидная потребность в аккумуляции весьма значительного массива информации, накопленной за четыреста лет знакомства и двести лет научного исследования Китая. Как любая наука, синология, развиваясь, настолько дифференцировалась, что стала делом не энциклопедистов, а специалистов, которым необходимы энциклопедии. Этот процесс в 1980-е гг. бурно пошел в самом Китае, что также было стимулировано модернизацией внутри страны и глобализацией вовне. Начался он и на Западе, разумеется в значительно меньшем масштабе.

После более чем десятилетней подготовки и предварительного выпуска новаторского энциклопедического словаря «Китайская философия» (М., 1994) российские синологи во главе с директором Института Дальнего Востока РАН, академиком М.Л. Титаренко, заведующим сектором идеологии и культуры Китая Института востоковедения РАН, проф. А.И. Кобзевым и руководителем Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии ИДВ РАН, проф. А.Е. Лукьяновым в 2006 г. начали выпускать в свет энциклопедию «Духовная культура Китая».

Издание сопоставимо с самыми солидными аналогами на Западе: *Science and Civilization in China* / Ed. by J. Needham; *The Cambridge History of China*. Труд рассчитан на всех читателей, интересующихся и самой китайской культурой, и основами научных знаний о ней, представляемых специальной междисциплинарной наукой — синологией, сложившейся в России раньше, чем в большинстве развитых стран Запада.

К многолетней работе над изданием был привлечен самый широкий круг отечественных специалистов-синологов, а также китайские коллеги и спонсоры: прежде всего, Китайский банк развития во главе с его президентом, почетным доктором ИДВ РАН г-н Чэнь Юанем. Одна из генеральных целей проекта состояла в том, чтобы представить китайскую духовную культуру так, как она выглядит сквозь призму российской синологии. Поэтому список его участников включает большинство виднейших представителей отечественного китаеведения второй половины XX — начала XXI в., а в число авторов т. 2 «Мифология. Религия» (М., 2007), кроме того, входят и патриарх российской китаистики, генеральный консул в Пекине П.С. Попов (1842–1913), и современные молодые ученые.

В коротком информационном материале нет возможности перечислить всех членов авторского коллектива Энциклопедии. Упомянем лишь тех, чей вклад в ее составление и публикацию был особо значимым. Среди них известные российские китаеведы,

специалисты в различных областях изучения Китая, его истории, философии, языка, культуры, экономики и других отраслей синологии: Кравцова М.Е., Сорокин В.Ф., Рифтин Б.Л., Спешнев Н.А., Завьялова О.И., Торопцев С.А., Усов В.Н., Переломов Л.С., Фектистов В.Ф., Еремеев В.Е., Пивоварова Э.П., Борох О.Н., Островский А.В., Неглинская М.А. и целый ряд других.

На 728 страницах тома 1 располагаются более 350 подробных, снабженных научным аппаратом статей, написанных 41 автором из всех основных востоковедных центров России (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Улан-Удэ, Владивосток), и более 340 иллюстраций. Еще больший объем (870 с.), большее количество статей и иллюстраций (порядка 500) имеет том 2, созданный усилиями 43 авторов, а также том 3 «Литература. Язык и письменность» (М., 2008. 855 с., 352 статьи, 48 авторов). Самыми объемными стали том 4 «Историческая мысль, политическая и правовая культура» (М., 2009. 936 с., около 300 статей, 49 авторов) и том 5 «Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование» (М., 2009, около 1088 с., более 200 статей, около 1300 иллюстраций, 30 авторов). В июне 2010 г. увидел свет столь же капитальный том 6 «Искусство» (более 360 ст., 52 автора). Настоящий труд уникальным образом сочетает в себе высшие теоретические достижения современной науки с огромным массивом конкретной фактической информации и богатейшим иллюстративным оформлением, основанным, в частности, на фондах крупнейшей в стране Российской государственной библиотеки и эксклюзивных материалах частных коллекций. Он публикуется лучшим в России востоковедным издательством «Восточная литература» Российской академии наук.

Художественное оформление и макет издания осуществлены И.И. Меланьиным.

Публикация т. 1 «Философия» в 2006 г символично совпала с Годом России в Китае и XIII Пекинской международной книжной ярмаркой (30.8–2.9.2006), на которой присутствовал будущий Президент РФ Д.А. Медведев и где прошла презентация Энциклопедии. В России начало публикации Энциклопедии вызвало самые благожелательные отзывы и рецензии, опубликованные на страницах журналов «История и современность», «Вопросы философии», «Проблемы Дальнего Востока» и «Восток». М.Л. Титаренко провел презентацию тома 2 в Москве, в Доме ученых 9 октября 2007 г. в рамках VIII Российско-китайского форума по общественным наукам, А.И. Кобзев — двух первых томов на о. Родос (Греция) 11 октября 2007 г. в рамках V международного общественного форума «Диалог цивилизаций», в КНР на о. Хайнань (г. Санья) 19 ноября 2007 г. в рамках I международного форума «Китай и Россия: прошлое, настоящее, будущее» и пяти томов в г. Даляне 25 октября 2009 г. на Российско-китайском форуме «Язык, культура и образование — будущим поколениям России и Китая». Презентацию тома 3 провел А.Е. Лукьянов на VI Съезде российских востоковедов в Улан-Удэ 20 сентября 2008 г., а тома 4 — А.И. Кобзев и В.Н. Усов на XXII Московской международной книжной выставке-ярмарке 4 сентября 2009 г. Выдающееся значение Энциклопедии было отмечено в Большой Российской Энциклопедии (Т. 14. М., 2009. С. 73).

Энциклопедия получила также освещение в СМИ: на Центральном телевидении КНР, Центральном телевидении РФ, в российских и зарубежных печатных изданиях. Из огромного количества положительных откликов приведем всего три: «ЭДКК — беспрецедентное явление не только в российской, но и во всей мировой синологии. Ни на Западе, ни в самом Китае до сих пор ничего подобного не было. Эпохальный труд создан коллективом, но в нем, что характерно для немногих трудов такого рода, редакторы выступили не только и не столько как руководители-организаторы, но и как главные исполнители... Издание уникальным образом сочетает в себе высшие теоретические достижения современной науки и огромный массив конкретной фактической информации на фоне информационно богатейшего иллюстративного материала. Можно сказать, что данное издание является выдающимся достижением российской науки». (История и современность. 2006, № 2).

«Смело задуманный грандиозный проект энциклопедии стал важнейшей, уникальной вехой в мировом китаеведении конца XX — начала XXI вв. Как хороший оклад, который не скрывает, а подчеркивает дух оберегаемой им старинной иконы, данная энциклопедия сберегает и выявляет в новом свете успешно накопленные всем китаеведческим миром знания и представления о сокровищах многотысячелетней духовной культуры Китая» (Восток. 2010. № 1).

«Настоящий труд во многом итоговый, и этот итог самым неопровержимым образом свидетельствует, что российская наука сохраняет и продолжает наращивать мощный духовный потенциал вопреки всем объективным трудностям, делая это, казалось бы, невозможным. Очевидно также, что настоящее издание всецело обращено в будущее, ибо ему с неизбежностью суждено стать одним из столпов китаеведного образования и просвещения в нашей стране» (Россия—Китай XXI век. 2006. № 10).

Как отмечается в поздравлении Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ г-на Ли Хуэя по поводу высокой государственной награды, направленном в адрес директора ИДВ РАН, академика М.Л. Титаренко, выход в свет шеститомной Энциклопедии накануне торжественно отмеченного в РФ и КНР 10-летия подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между двумя нашими странами «имеет символическое значение», является уникальным подарком российской синологии к этой знаменательной дате.

© 2011

*А. Кобзев, д. филос. н. проф.
лауреат Государственной премии
Российской Федерации*

Документы

Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики в связи с 10-летием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой

16 июня 2011 года

I

16 июля 2001 года главы государств России и Китая подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.

Вобрав в себя многовековой позитивный опыт развития связей между Россией и Китаем и опираясь на общепризнанные принципы и нормы международного права, Договор стал основополагающим международно-правовым актом современных российско-китайских отношений. Он в полной мере отражает глубокие исторические традиции добрососедства и дружбы между российским и китайским народами, миролюбивую внешнюю политику обоих государств.

Закрепленная в Договоре модель отношений России и Китая — равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие — сохраняет свою актуальность. Отношения между Россией и Китаем строятся на деидеологизированной основе, равенстве и взаимном доверии, признании территориальной целостности и уважении интересов друг друга, уважении суверенного права выбора общественного устройства и пути развития, невмешательстве во внутренние дела, взаимной поддержке в ключевых вопросах суверенитета, безопасности и развития, взаимной выгоде, всестороннем сотрудничестве, отказе от конфронтации. Они не являются союзническими и не направлены против третьих стран.

Договор не только подвел итоги развития российско-китайских отношений к началу нынешнего века, но и наметил пути их дальнейшего всестороннего развития. Успешно реализуемые сторонами планы действий по выполнению положений Договора проникнуты его целями, принципами и духом.

II

Прошедшие с момента заключения Договора десять лет отмечены динамичным развитием всех направлений российско-китайских отношений, которые по многим показателям вышли на самый высокий в истории уровень. В настоящее время поддерживается интенсивный диалог на высшем и высоком уровнях, качественно укрепилось политическое взаимодоверие. Курс на развитие двусторонних отношений — один из приоритетов во внешней политике обоих государств. Окончательно урегулирована пограничная проблема, российско-китайская граница на всем ее протяжении стала поясом мира и многопланового сотрудничества между Россией и Китаем.

Практическое взаимодействие между нашими странами в торговой, экономической, инвестиционной, финансовой, энергетической, научно-технической, межрегиональной и иных сферах развивается быстрыми темпами. Эффективно функционирует разветвленный механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая, в состав которого входят несколько десятков двусторонних комиссий, подкомиссий и рабочих групп, охватывающие практически все сферы двустороннего сотрудничества.

Существенно упрочилась социальная база российско-китайских отношений. В результате реализации масштабных проектов, связанных с проведением Года России в Китае и Года Китая в России, а также Года русского языка в Китае и Года китайского языка в России, сделан важный шаг в развитии гуманитарных связей, укреплении взаимопонимания и дружбы между народами двух стран.

Договор и практика его реализации имеют важное международное измерение, демонстрируя всему миру успешный пример выстраивания гармоничных, конструктивных, равноправных, доверительных и взаимовыгодных отношений между крупнейшими державами. Осуществляемое на основе Договора российско-китайское внешнеполитическое стратегическое взаимодействие стало весомым фактором международной жизни, способствующим формированию нового, справедливого и рационального миропорядка многополярного мира и демократизации международных отношений.

Последовательное и всестороннее развитие российско-китайских отношений отвечает коренным интересам России и Китая. Оно принесло реальную пользу народам двух стран, служит делу упрочения мира, безопасности и стабильности в региональном и глобальном измерениях. Итоги реализации на протяжении последних десяти лет Договора и заложенный в нем потенциал развития российско-китайского партнерства и стратегического взаимодействия дают все основания с оптимизмом смотреть в будущее и на перспективы отношений между нашими странами.

III

Второе десятилетие после подписания Договора открывает новые возможности для дальнейшего масштабного развития двусторонних отношений между Россией и Китаем. Стороны продолжают воплощать в жизнь принципы Договора, следовать его духу и приложат усилия для развития отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства в духе равноправия, доверительности, взаимной поддержки, совместного процветания и дружбы, передающейся из поколения в поколение.

В этих целях стороны договорились:

1. Продолжать тесные контакты на высшем и высоком уровнях, последовательно укреплять взаимное доверие, твердо поддерживать друг друга в следовании по избранному пути развития, а также в вопросах защиты суверенитета, государственного единства и территориальной целостности, рассматривать развитие российско-китайских отношений в качестве одного из приоритетных направлений своей внешней политики.

2. Всемерно углублять сотрудничество двух стран в практических областях.

В сфере торговли создавать необходимые условия для увеличения объема двустороннего товарооборота до 100 млрд долларов США к 2015 году и до 200 млрд долларов США — к 2020 году. Совершенствовать механизм организации и проведения российско-китайских инвестиционных форумов, активно выполнять План российско-китайского инвестиционного сотрудничества, непрерывно наращивать объемы взаимных инвестиций.

В области энергетики придерживаться комплексного подхода, продвигать сотрудничество в нефтегазовой, атомной, угольной, электроэнергетической сферах, а также в сфере развития возобновляемых источников энергии, сформировать стратегические, долгосрочные отношения энергетического партнерства на взаимовыгодной основе. Интенсифицировать поиск новых форм научно-технического и инновационного сотрудничества в интересах обеспечения комплексного взаимодействия при проведении совместных фундаментальных исследований и высокотехнологичных разработок по приоритетным направлениям, а также в процессе их коммерциализации и внедрения результатов научных исследований в производство.

Расширять и углублять межрегиональное сотрудничество. Активизировать реализацию Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.). Вносить необходимые коррективы в перечень проектов межрегионального сотрудничества в соответствии с национальными стратегиями социально-экономического развития двух стран.

3. Оказывать всестороннее содействие по государственной и общественной линиям сотрудничеству между Россией и Китаем в области образования, культуры, здравоохранения, спорта, средств массовой информации, туризма, киноискусства, архивного дела, молодежных обменов. Способствовать укреплению дружбы между народами двух стран, упрочению социальной основы дальнейшего развития российско-китайских отношений и формированию общественного консенсуса в их поддержку.

4. Развивать контакты и сотрудничество и укреплять традиционную дружбу между вооруженными силами России и Китая как важный компонент российско-китайских отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства.

5. Продолжая придерживаться целей и принципов, зафиксированных в Уставе Организации Объединенных Наций, осуществлять еще более плотную координацию и взаимодействие в международных и региональных делах, наращивать сотрудничество в рамках Организации Объединенных Наций, «Группы двадцати» и других многосторонних форматов, всемерно развивать такие механизмы сотрудничества, как Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС, формат Россия—Индия—Китай. Поддерживать мир, безопасность и стабильность в региональном и глобальном масштабе, неустанно прилагать все усилия для достижения прочного мира, совместного процветания, построения гармоничного миропорядка.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам

16 июня 2011 года

Российская Федерация и Китайская Народная Республика (далее именуемые сторонами), исходя из общности позиций по основным международным вопросам, отмечая важность формирования позитивной, объединительной повестки дня в международных отношениях, поиска солидарных ответов на современные вызовы в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития, а также растущую взаимозависимость государств и необходимость упрочения многосторонних правовых начал в мировой политике, заявляют о нижеследующем:

1. Стороны отмечают, что сегодня, в условиях стремительных процессов глобализации, усиливающейся взаимозависимости государств, взаимопроникновения экономик и культур, вся система международных отношений находится на переломном этапе, переживает перемены. Мировой финансовый кризис продемонстрировал неэффективность существующей системы глобального управления, не отражающей реалии современной политики, экономики и финансов. Активно идет процесс ее трансформации на полицентричной основе. На первый план в международных отношениях выходит общая для всех стран задача реформирования финансовой архитектуры таким образом, чтобы не допустить повторения масштабных кризисных явлений в будущем. Наряду с этим сохраняются такие угрозы, как региональные и локальные конфликты, стихийные бедствия и техногенные катастрофы, распространение оружия массового уничтожения, терроризм, трансграничная преступность, дефицит продовольствия, изменение климата. Эффективно противодействовать подобным вызовам и угрозам, имеющим глобальный характер, можно только солидарными усилиями всех государств.

2. Стороны поддерживают центральную координирующую роль ООН в международных делах, обеспечении мира, содействии развитию и многостороннему сотрудничеству. Они намерены развивать взаимодействие по вопросу реформирования Совета Безопасности ООН при общем понимании необходимости повышения представительности Совета и поддержания его эффективности. Стороны выразили поддержку действующему формату межправительственных переговоров, в ходе которых открытая и равноправная дискуссия по реформе Совета Безопасности ООН была бы ориентирована на достижение «пакетного» решения, пользующегося максимально широким согласием государств-членов ООН, не ограничивалась бы искусственными временными рамками и включала бы все предлагаемые модели реформирования. Стороны считают, что принятые модели, предусматривающей поэтапное решение этого вопроса, и поспешное продвижение предложений по реформе Совета Безопасности ООН не способствуют достижению согласия.

3. Стороны поддерживают усилия «Группы двадцати» в сфере совершенствования управления глобальной экономикой и финансами, рассматривают ее в качестве главного форума международного экономического сотрудничества. Они выступают за наращивание темпов работы «Группы двадцати» в целях стабилизации международных финансовых рынков, достижения уверенного, устойчивого и сбалансированного роста, реформирования мировой валютно-финансовой системы, противодействия торговому протекционизму, а также повышения внимания к проблематике развития. Китайская сторона приветствует инициативу российской стороны принять саммит «Группы двадцати» в 2013 году.

Китайская сторона выступает за присоединение Российской Федерации к Всемирной торговой организации до конца 2011 года.

4. Стороны подчеркивают важное значение, которое они придают сотрудничеству в рамках БРИКС. Они приветствуют итоги Третьей встречи глав государств и правительств БРИКС, прошедшей 14 апреля 2011 года в г. Санья (о. Хайнань, КНР) и продемонстрировавшей рост международного авторитета данного объединения. Присоединение к нему ЮАР имеет важное значение для содействия сотрудничеству в рамках БРИКС. Стороны будут и далее усиливать координацию и наращивать сотрудничество в рамках БРИКС и совместно с остальными участниками объединения реализовывать Саньяскую декларацию и План действий, принятые на Третьей встрече глав государств и правительств БРИКС.

5. Стороны приветствуют итоги состоявшегося в г. Астане 15 июня 2011 года юбилейного заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и с удовлетворением отмечают важную роль, которую ШОС играет в поддержании региональной безопасности, углублении взаимного доверия и добрососедства, развитии практического сотрудничества между государствами-членами.

Стороны намерены наращивать взаимодействие в интересах поддержания мира и стабильности в регионе ШОС. Стороны придают большое значение дальнейшему совершенствованию договорно-правовой базы ШОС в области противодействия новым угрозам и вызовам, а также наращиванию практических шагов по борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и оргпреступностью. Стороны подтверждают намерение развивать сотрудничество в соответствии с вступившим в силу Соглашением между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 года.

Стороны считают необходимым укреплять экономическое и гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС, концентрируя усилия на реализации конкретных проектов. Стороны продолжают тесное взаимодействие по всем вопросам повестки дня ШОС в период председательства в ней Китайской Народной Республики (2011–2012 годы).

Стороны привержены основополагающему принципу открытости ШОС, зафиксированному в ее Хартии, и считают, что утверждение типового Меморандума об обязательствах государства – заявителя в целях получения статуса государства-члена ШОС стало новым шагом на пути формирования правовой базы расширения ШОС.

6. Стороны настроены на дальнейшую активизацию сотрудничества в формате Россия – Индия – Китай, подтверждают готовность углублять трехстороннее взаимодействие по глобальным и региональным проблемам, в том числе координацию усилий трех стран в рамках ООН и многосторонних объединений в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

7. Стороны поддерживают дальнейшее укрепление сотрудничества в борьбе с терроризмом на основе международных антитеррористических конвенций, Глобальной контртеррористической стратегии ООН и резолюций Совета Безопасности ООН по борьбе с терроризмом. Стороны договорились совместными усилиями развивать взаимодействие в сфере борьбы с новыми вызовами и угрозами между секретариатами ШОС и АСЕАН, подчеркивают значимость работы Специальной группы АТЭС по борьбе с терроризмом.

8. Стороны подтверждают свою поддержку высокой цели построения безъядерного мира и намерение двигаться к ее достижению на основе принципов поддержания стратегической стабильности и отсутствия ущерба для безопасности государств.

Стороны считают, что проблемы распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки должны решаться прежде всего политическими и дипломатическими методами в рамках норм международного права и в интересах укрепления международной безопасности. Они выступают за развитие сотрудничества в области мирного атома при условии выполнения международных обязательств о нераспространении ядерного оружия, а также за содействие универсализации Соглашения с МАГАТЭ о гарантиях и Дополнительного протокола к нему.

Стороны подчеркивают важное значение Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и намерены всемерно содействовать реализации Плана действий, принятого в мае 2010 года на Конференции по рассмотрению действия Договора.

9. Стороны придадут большое значение углублению взаимопонимания по проблемам противоракетной обороны, подчеркивают приоритетность политико-дипломатических методов противодействия вызовам и угрозам в ракетной области, необходимость сохранения глобального стратегического баланса и стабильности, учета интересов всех государств в вопросах безопасности.

Стороны обращают внимание на необходимость обеспечения безопасности космического пространства, предотвращения возникновения конфликтных ситуаций любого рода и гарантирования свободы доступа в космос. Они выступают за консолидацию усилий международного сообщества по обеспечению безопасности в космосе, содействию его мирному использованию, выработке в рамках Конференции по разоружению в Женеве юридически обязывающего Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов.

10. Стороны намерены укреплять сотрудничество в целях продвижения международного сообщества к принятию в рамках ООН правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности.

11. Стороны осознают, что проблема климатических изменений является серьезным вызовом, стоящим перед всем человечеством. Международное сообщество должно усилить сотрудничество на основе Рамочной конвенции ООН по изменению климата и ее Киотского протокола, совместно противостоять климатическим изменениям. Стороны согласились развернуть сотрудничество с тем, чтобы добиваться на Дурбанской конференции в соответствии с мандатом Балийской дорожной карты, на основе принципа «общей, но дифференцированной ответственности» позитивных результатов в деле всесторонней, эффективной и устойчивой реализации Конвенции и ее протокола.

12. Стороны намерены активно укреплять доверие и сотрудничество, содействовать формированию общего и неделимого пространства безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом и Евразийском регионах без разделительных линий, конфликтов, сфер влияния и зон с разным уровнем безопасности.

Стороны отмечают, что российская инициатива Договора о европейской безопасности придала импульс развитию конструктивной дискуссии о путях построения системы общерегиональной коллективной безопасности и сотрудничества по самому широкому спектру вопросов.

13. Стороны считают, что сотрудничество в АТР должно строиться на открытости, инклюзивности, поиске точек соприкосновения, взаимопонимания и компромиссов, общих интересах. Стороны подтверждают намерение предпринимать скоординированные усилия, способствующие созданию в регионе открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на нормах и принципах международного права, признании неделимости безопасности и учете взаимных интересов всех государств. Стороны будут активно взаимодействовать друг с другом и го-

сударствами АТР в деле продвижения принципов совместной российско-китайской инициативы по сотрудничеству в АТР, содержащейся в Совместном заявлении о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия от 27 сентября 2010 года.

Стороны исходят из того, что стратегическое партнерство и сотрудничество между ними являются весомым фактором поддержания мира, стабильности и процветания в АТР. Стороны накопили богатый опыт двустороннего сотрудничества в вопросах безопасности и готовы делиться им с другими государствами региона.

14. Стороны выступают за укрепление роли различных многосторонних объединений в АТР и их взаимодополняемость в целях создания благоприятных условий для мира, стабильности и процветания в регионе.

Стороны придают особое значение механизму Восточноазиатских саммитов как важному форуму, объединяющему государства АТР. Стороны продолжают укреплять роль Восточноазиатских саммитов как основной площадки стратегического диалога с участием лидеров государств АТР в интересах развития региона и поддержания в нем безопасности.

Стороны также высоко оценивают вклад в укрепление безопасности и сотрудничества в АТР таких региональных объединений, как ШОС, Региональный форум АСЕАН по безопасности, механизм Совещания министров обороны государств-членов АСЕАН с партнерами по диалогу, форум «Азия – Европа», Ассоциация регионального сотрудничества государств Южной Азии, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Диалог по сотрудничеству в Азии, Балийский демократический форум.

Стороны подтверждают готовность к тесному двустороннему взаимодействию по вопросам повестки дня многосторонних региональных форумов, участниками которых они являются.

15. Стороны поддерживают важную роль форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» в углублении торгово-экономического сотрудничества в АТР, выступают за дальнейшее развитие региональной экономической интеграции на открытой, всеобщей, взаимовыгодной и недискриминационной основе. Они намерены расширять взаимодействие в рамках АТЭС, особенно в контексте предстоящего в 2012 году председательства Российской Федерации в этом форуме, в том числе по таким направлениям, как либерализация и облегчение условий торговли и инвестиций, технико-экономическое сотрудничество, региональная экономическая интеграция, продовольственная безопасность, совершенствование транспортно-логистических систем, активное изучение возможностей сотрудничества в целях модернизации.

16. Китайская сторона подтверждает поддержку усилий Российской Федерации по защите своих коренных интересов и содействию региональному миру и стабильности в Закавказье и в Содружестве Независимых Государств, развитию сотрудничества и интеграции на пространстве Содружества Независимых Государств.

Поддержание мира и стабильности в Центральной Азии, стимулирование экономического развития и процветания являются приоритетными задачами всех дружественных народов, проживающих в регионе. Стороны продолжают на двусторонней основе и в рамках ШОС укреплять взаимодействие с государствами региона в сферах политики, безопасности, торговли и экономики.

Стороны отмечают важность усилий руководства Киргизской Республики, направленных на преодоление существующих в стране трудностей, обеспечение ее продвижения по пути демократии, межнационального согласия и экономического развития, готовы и в дальнейшем оказывать необходимую помощь и поддержку народу Киргизии.

17. Стороны согласны в том, что ядерная проблема Корейского полуострова может быть решена только политико-дипломатическими методами в рамках шестисторонних переговоров, подтверждают готовность продолжать тесное взаимодействие друг с другом и остальными участниками переговоров в целях скорейшего восстановления

шестистороннего процесса на основе неукоснительного выполнения Совместного заявления КНР, КНДР, России, РК, США и Японии от 19 сентября 2005 года.

Стороны убеждены, что формированию условий для возобновления переговоров способствовало бы снижение уровня военной активности в регионе. Они также выражают намерение продолжать прилагать усилия в целях создания в Северо-Восточной Азии многостороннего механизма обеспечения мира и безопасности.

18. Стороны будут неукоснительно придерживаться курса на скорейшее урегулирование ситуации вокруг иранской ядерной программы политико-дипломатическими средствами, обеспечение права Ирана на мирное использование атомной энергии в качестве государства – члена ДНЯО и одновременное восстановление уверенности международного сообщества в исключительно мирном характере иранской ядерной программы. Решение этого вопроса будет способствовать развитию полномасштабного сотрудничества Ирана и международного сообщества в различных сферах и укрепит режим нераспространения и международную безопасность. Стороны считают, что диалог и переговоры, развернутые на основе последовательности, равноправия и взаимной выгоды, являются единственно верным путем для всестороннего, долговременного и должного решения данной проблемы.

19. Стороны считают, что поиск разрешения ситуации в странах Ближнего Востока и Северной Африки должен происходить в правовом поле и политическим путем, через развертывание широкого национального диалога о восстановлении стабильности и общественного порядка, продвижение демократических и экономических реформ. Стороны призывают разрешать споры мирными средствами. Международное сообщество может предоставить конструктивную помощь в целях скорейшей стабилизации обстановки в регионе и в соответствующих странах в целях недопущения осложнения ситуации, однако внешние силы не должны вмешиваться во внутренние процессы в странах региона.

20. Стороны выражают озабоченность кризисной ситуацией в Ливии. Во избежание дальнейшей эскалации насилия необходимо обеспечить неукоснительное соблюдение всеми вовлеченными сторонами резолюций Совета Безопасности ООН 1970 и 1973, не допускать их произвольного толкования и расширительного применения. Важным является скорейшее прекращение огня, решение ливийской проблемы политико-дипломатическими методами. Стороны намерены и далее всемерно содействовать реализации этих целей через совместные усилия в Совете Безопасности ООН и поддержку инициатив Африканского союза по внутриливийскому конфликту.

21. Стороны поддерживают становление Афганистана в качестве мирного, независимого, нейтрального государства с устойчивой экономикой. Они подчеркивают необходимость скоординированной борьбы мирового сообщества с угрожающим международному миру и стабильности незаконным оборотом афганских наркотиков. Стороны поддерживают процесс национального примирения и восстановления Афганистана, а также передачу властям Афганистана полномочий по управлению своей страной. Стороны рассматривают ШОС как важную площадку для регионального сотрудничества в целях стабилизации и восстановления Афганистана, борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью.

22. Стороны выражают искренние соболезнования в связи с трагическими последствиями землетрясения и цунами в Японии 11 марта 2011 г., подтверждают поддержку усилий правительства и народа Японии по восстановлению после катастрофы и оживлению экономики страны, продолжают оказывать Японии необходимое содействие.

Стороны придают важное значение вопросам безопасности объектов атомной энергетики и разделяют общее мнение о том, что авария на АЭС в Японии превратилась в обеспечение ядерной безопасности в актуальную международную проблему. Стороны выступают за ведущую роль МАГАТЭ в этом вопросе, поддерживают проведение международным сообществом его широкого всестороннего обсуждения.

Астанинская декларация десятилетия Шанхайской организации сотрудничества

15 июня 2011 года

Главы государств-членов Шанхайской организации сотрудничества по итогам состоявшегося в Астане 15 июня 2011 года в десятую годовщину образования ШОС заседания Совета глав государств заявляют о следующем.

I

Принятое десять лет назад решение о создании Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС, или Организация) явилось стратегически выверенным историческим шагом. За истекший период ШОС стала общепризнанным и авторитетным многосторонним объединением, которое активно содействует миру и развитию в регионе, эффективно противостоит вызовам и угрозам современности.

Выбор, сделанный государствами-членами ШОС в начале XXI века на пути углубления добрососедских, дружественных и партнерских отношений в регионе, стал достойным примером для мирового сообщества в деле достижения реальных и важных результатов в области совместного развития.

Государства-члены Организации, строго следуя принципам и положениям Хартии ШОС и Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Организации, заложили прочную основу для эффективного функционирования ШОС в целях совместного обеспечения мира, безопасности и стабильности, а также развития многостороннего сотрудничества на пространстве ШОС в политической, экономической, гуманитарной и других сферах.

II

За десять лет Шанхайская организация сотрудничества успешно прошла путь от институционализации до формирования эффективно функционирующих механизмов взаимодействия в различных сферах.

1. Высокий уровень взаимного доверия, присущий встречам в рамках регулярных заседаний основных органов ШОС – Совета глав государств, Совета глав правительств и Совета министров иностранных дел, – обеспечивает принятие согласованных решений по наиболее важным аспектам деятельности Организации, способствует продвижению взаимовыгодного сотрудничества в различных областях.

2. Налажено эффективное сотрудничество в сфере безопасности, направленное на противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму, незаконному обороту наркотиков и оружия, трансграничной организованной преступности. Созданы механизмы регулярных совещаний и встреч на уровне секретарей Советов безопасности, генеральных прокуроров, верховных судей, министров обороны и чрезвычайных ситуаций, внутренних дел и общественной безопасности, руководителей антинаркотических структур,

позволяющие решать актуальные вопросы совместной борьбы с новыми вызовами и угрозами.

3. Приняты долгосрочные программы и планы в торгово-экономической области, реализация которых нацелена на обеспечение социально-экономического развития государств-членов ШОС. Достижению поставленных целей способствуют встречи министров, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность, транспорта, сельского хозяйства, финансов и председателей национальных банков. В практическую плоскость переходит деятельность Делового Совета и Межбанковского объединения.

4. Крепнет культурно-гуманитарное сотрудничество, способствующее духовному сближению, межкультурному диалогу народов государств-членов ШОС. Углубляется взаимодействие в рамках встреч министров культуры, здравоохранения, науки и техники, а также Форума ШОС.

5. Налажена эффективная работа постоянно действующих органов – Секретариата в Пекине и Региональной антитеррористической структуры в Ташкенте, играющих важную роль в практической реализации соглашений и договоренностей, достигнутых в рамках Организации. Принятие Правил процедуры ШОС и Положения о персонале постоянно действующих органов ШОС способствовало систематизации деятельности Организации.

6. ШОС демонстрирует открытость к сотрудничеству с другими государствами, международными и региональными организациями. К многопрофильному взаимодействию в ее рамках подключаются государства-наблюдатели – Индия, Иран, Монголия и Пакистан, партнеры по диалогу – Беларусь и Шри-Ланка. Установлены партнерские связи с ООН, СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, АСЕАН, ЭСКАТО и ОЭС.

III

Главы государств с удовлетворением констатируют широкое созвучие подходов государств-членов ШОС к глобальным и региональным проблемам и подтверждают готовность к тесному взаимодействию на мировой арене.

В международных отношениях происходят серьезные фундаментальные перемены и преобразования. Стремительно меняются реалии современной политики, экономики и финансов. На первый план выходят общие для всех государств проблемы эффективного солидарного противодействия глобальным вызовам безопасности и обеспечения устойчивого развития.

Приоритетными задачами становятся формирование пространства неделимой безопасности для всех без исключения государств, сотрудничество и процветание на основе согласованного понимания современных реалий при отказе от попыток обеспечить собственную безопасность за счет безопасности других.

Человечество по-прежнему сталкивается с такими угрозами и вызовами, как финансово-экономическая нестабильность, региональные конфликты, распространение ОМУ, терроризм, трансграничная преступность, дефицит продовольствия, изменение климата. Недавние трагические события в Японии подтвердили необходимость солидарных действий мирового сообщества по нейтрализации угроз современности, в том числе по разработке мер оказания своевременной помощи странам, пострадавшим от стихийных бедствий и техногенных катастроф.

Главы государств, выражая серьезную озабоченность нестабильностью в Северной Африке и на Ближнем Востоке, выступают за скорейшую стабилизацию обстановки в этом регионе. Государства-члены ШОС поддерживают продвижение государств региона по пути демократического развития с учетом их специфики и культурно-исторических особенностей. Отмечено, что внутренние конфликты и кризисы должны урегулироваться

исключительно мирными средствами, путем политического диалога, а действия междуна-
родного сообщества – быть направлены на содействие процессам национального при-
мирения и осуществляться строго на основе международного права, при полном уваже-
нии независимости, суверенитета и территориальной целостности, а также соблюдении
принципа невмешательства во внутренние дела каждого государства. В этом контексте
государства-члены ШОС подчеркивают необходимость прекращения вооруженной кон-
фронтации в Ливии, императив строгого соблюдения всеми вовлеченными сторонами
резолюций 1970 и 1973 СБ ООН.

Государства-члены ШОС готовы вместе с другими членами международного со-
общества содействовать миру, стабильности и развитию на региональном и глобальном
уровнях, способствовать демократизации международных отношений и обеспечению
верховенства международного права в мировых делах.

IV

Главы государств подчеркивают, что приоритетным направлением в междуна-
родной деятельности ШОС является укрепление и развитие связей с Организацией Объ-
единенных Наций в области борьбы с новыми вызовами и угрозами, экономического,
социального, гуманитарного и культурного развития.

ООН как уникальная организация, обладающая общепризнанной легитимно-
стью, играет центральную роль в деле поддержания мира и безопасности на планете, со-
действия всеобщему развитию, углубления международного сотрудничества. Государст-
ва-члены ШОС поддерживают укрепление авторитета и повышение эффективности
ООН путем постепенного реформирования, а также непрерывное усиление ее потенциа-
ла в целях адекватного и оперативного реагирования на вызовы и угрозы.

Государства-члены подчеркивают, что всем заинтересованным сторонам необхо-
димо продолжать многосторонние консультации в целях выработки комплексного подхо-
да к вопросу о реформировании ООН и ее Совета Безопасности, который пользовался бы
максимально широкой поддержкой. В целях обеспечения сплоченности между странами-
членами ООН не следует искусственно устанавливать временные рамки переговорного
процесса, а также преждевременно выносить на обсуждение какие-либо проекты, в том
числе вычлняющие отдельные аспекты переговорного процесса, не пользующиеся на
данном этапе поддержкой подавляющего большинства стран-членов.

Государства-члены ШОС рассматривают платформу ООН как основополагаю-
щий элемент своего антитеррористического взаимодействия на международной арене и
полагают важным сообща работать в целях осуществления Глобальной контртеррори-
стической стратегии ООН, а также имплементации норм универсальных антитеррори-
стических конвенций и выполнения соответствующих резолюций СБ ООН.

V

Государства-члены ШОС выступают за неукоснительное соблюдение положений
Договора о нераспространении ядерного оружия, которые направлены на сдерживание
угрозы расползания ядерного оружия, обеспечение продвижения по пути ядерного разо-
ружения и гарантирование развития широкого международного сотрудничества в обла-
сти использования атомной энергии в мирных целях.

Создание в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, является
важным элементом обеспечения регионального мира и безопасности, способным внести
существенный вклад в укрепление режима ядерного нераспространения, повышение
уровня региональной и международной безопасности. Эффективным шагом в этом на-
правлении станет подписание всеми государствами, обладающими ядерным оружием,

соответствующего Протокола к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии.

Государства-члены полагают, что одностороннее и неограниченное наращивание ПРО одним государством или узкой группой государств может нанести ущерб стратегической стабильности и международной безопасности.

Государства-члены выступают за использование космического пространства исключительно в мирных целях, подчеркивают необходимость обеспечения безопасности в космической деятельности и разработки в рамках Конференции по разоружению в Женеве проекта юридически обязывающего договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов.

VI

Главы государств с удовлетворением констатируют, что за десять лет, прошедших с момента создания ШОС, Организация стала важным элементом формирующейся в АТР партнерской сети многосторонних объединений.

Шанхайская организация сотрудничества выступает за поддержание в Азиатско-Тихоокеанском регионе мира, стабильности и процветания, в пользу формирования открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на нормах и принципах международного права, внеблоковых началах и учете законных интересов всех стран.

VII

Главными приоритетами ШОС в сфере безопасности остаются задачи борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Решительно осуждая любые их проявления, государства-члены ШОС нацелены на дальнейшую совместную работу по реализации положений Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и Конвенции ШОС против терроризма.

Государства-члены ШОС отметили, что трансграничная преступность и незаконный оборот наркотиков несут в себе серьезные угрозы для современного общества. Антинаркотическая стратегия государств – членов ШОС на 2011–2016 годы призвана укрепить практическое взаимодействие в целях совместного предотвращения негативного воздействия наркотической угрозы на пространстве ШОС и обеспечения устойчивого развития в регионе.

Серьезную озабоченность вызывают реально возникающие угрозы безопасности в информационной сфере. Проблема киберпреступности, выходящая на глобальный и транснациональный уровень, требует объединения усилий и широкого международного сотрудничества. Государства-члены ШОС готовы укреплять взаимодействие в области международной информационной безопасности.

С учетом динамики развития ситуации и угроз в мире особую актуальность приобретает задача по созданию политических, социальных и иных условий, которые бы препятствовали воспроизведению идеологии экстремизма и пропаганде террора.

ШОС выступает за становление Афганистана в качестве независимого, нейтрального, мирного и процветающего государства. Достижение мира и стабильности в Афганистане является одним из главных факторов обеспечения региональной и международной безопасности. Государства-члены ШОС продолжают содействовать дружественному афганскому народу в его усилиях по возрождению страны.

VIII

Важнейшей целью Организации является повышение благосостояния и качества жизни народов входящих в ШОС стран.

Государства-члены ШОС считают, что в центре внимания Организации должна оставаться реализация совместных планов по преодолению последствий глобального финансово-экономического кризиса и обеспечению устойчивого и сбалансированного роста национальных экономик. Государства-члены ШОС выступают за дальнейшую реформу международного финансового регулирования, за усиление координации политики и сотрудничества в области финансового регулирования и контроля. Будет продолжен диалог по вопросам эффективного обеспечения стабильности финансовых систем государств-членов.

Государства-члены ШОС намерены продвигать крупномасштабные совместные проекты в таких сферах, как транспорт и коммуникации, агропромышленное производство, инновационные и энергосберегающие технологии, торговля и туризм. Будет ускорено создание механизмов их финансового сопровождения. Внедрение этих проектов значительно расширит взаимный товарооборот, создаст новые рынки, придаст существенный импульс региональному развитию и диверсифицирует транспортные коридоры между Азией и Европой.

Содействию экономическому росту государств-членов ШОС будет способствовать последовательное осуществление Плана мероприятий по реализации Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества между государствами-членами ШОС, утвержденного 30 октября 2008 года в Астане.

Главы государств высказались за дальнейшую интенсификацию торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия на пространстве ШОС, в том числе с привлечением потенциала государств-наблюдателей и партнеров по диалогу.

IX

Государства-члены отмечают важное значение культурно-гуманитарной составляющей в деятельности Организации, основными целями которой являются укрепление взаимообогащающих отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества. Большое внимание в последующей деятельности Организации будет уделяться укреплению сотрудничества в области культуры, охраны окружающей среды, науки, техники и инноваций, здравоохранения, туризма и спорта.

Важным является также продолжение сотрудничества в сфере противодействия угрозам природных и техногенных катастроф.

X

Приоритетным курсом Организации и в дальнейшем будет оставаться сотрудничество в сферах безопасности, экономики и улучшения благосостояния населения. Основываясь на достижениях прошлых лет, государства-члены намерены и дальше крепить сотрудничество в духе взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, взаимных консультаций, уважения к многообразию культур, стремления к совместному развитию, сообща претворять в жизнь все основные цели и принципы базовых документов ШОС.

В связи с десятилетием Шанхайской организации сотрудничества, мы, главы государств – членов ШОС, заявляем в настоящей Декларации, что Шанхайская организация сотрудничества будет эффективно выполнять поставленные перед ней цели и задачи для обеспечения мира, стабильности и процветания на пространстве ШОС.

Итоги и задачи пятилетнего плана развития КНР

Экономика КНР на пороге 12-й пятилетки: итоги и перспективы

© 2011

А. Островский

На 4-й сессии ВСНП 11-го созыва в марте 2011 г. было принято решение «О создании процветающего общества в Китае к 2020 году». Ключевым звеном должен стать 12-й пятилетний план социально-экономического развития народного хозяйства КНР на 2011–2015 гг., который является частью экономической стратегии Китая к 2050 г. по выходу на второе место после США по показателям национальной мощи. Принятый руководством КНР план развития экономики на 2006–2010 гг. и внесенные в него последующие корректировки позволил стране избежать наиболее серьезных последствий мирового финансового кризиса. Но для решения поставленных задач Китай должен будет совершить переход к развитию инновационной экономики за годы 12-й.

Ключевые слова: 12-й пятилетний план, мировой финансовый кризис, национальная мощь, расширение внутреннего спроса, переход к инновационной экономике.

В октябре 2010 г. в КНР завершил свою работу 5-й пленум ЦК КПК 17-го созыва, на котором было принято решение «о создании процветающего общества в Китае к 2020 году». Ключевым звеном в решении этого вопроса должен стать 12-й пятилетний план социально-экономического развития народного хозяйства КНР на 2011–2015 гг., основными задачами которого являются стабильный и относительно быстрый экономический рост, сохранение стабильных цен, создание большего количества рабочих мест, достижение более сбалансированного международного платежного баланса Китая и повышение качества экономического роста. Следует отметить, что 12-й пятилетний план (2011–2015 гг.) является только частью экономической стратегии, направленной на выход Китая на 2-е место после США по показателям национальной мощи к 2050 г. Академия общественных наук Китая распространила свой доклад, в котором было сделано заявление о том, что «к 2050 году Китай станет второй по совокупной мощи державой мира».

уступая только США», а «к 2020 году будет бороться за место среди пяти самых конкурентоспособных стран из группы G20».

На проходившей в марте 2011 г. 4-й сессии ВСНП 11-го созыва обсуждались доклады о работе правительства КНР, о плане экономического развития страны в 2011 г., основные положения плана на 12-ю пятилетку (2011–2015 гг.). Незадолго до сессии ВСНП проект Доклада о работе правительства и проект 12-го пятилетнего плана социально-экономического развития КНР были обсуждены на заседании Политбюро ЦК КПК, проведенном незадолго до сессии ВСНП. На нем был отмечен рост производительных сил и комплексной национальной мощи Китая, повышение жизненного уровня населения и усиление международного влияния Китая на мировой арене. После заседания Политбюро ЦК КПК премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао провел интерактивное общение с населением для выявления общественного мнения о ходе и результатах реформы. В ходе общения с населением в Интернете он особо отметил, что «основной задачей развития общества на 12-ю пятилетку будет являться рост жизненного уровня населения, повышение его качества жизни, чтобы население чувствовало себя уверенно в будущем».

По итогам социально-экономического развития КНР в 11-й пятилетке (2006–2010 гг.) можно сделать вывод, что Китай вышел из мирового финансового кризиса с наименьшими потерями по сравнению с другими странами мира, что связано со спецификой осуществляемой в стране модели экономической реформы перехода к рынку. Эта китайская модель перехода к рынку направлена в большей степени на развитие реальной экономики — «второй сферы» (промышленность и капитальное строительство), а не «третьей сферы» (торговля, сфера услуг, финансовая сфера), то есть не на увеличение количества финансовых инструментов (акции, облигации, векселя и прочие деривативы), в значительной степени оторванных от развития производства.

По основным экономическим показателям — объем ВВП, внешней торговли, привлеченных иностранных инвестиций, золотовалютных резервов и прочих показателей Китай уже представляет силу, с которой вынуждены считаться все страны мира. В настоящее время Китай занимает 2-е место по объему ВВП — 39,8 трлн юаней, что на 84,3% превышает показатель 2006 г., и 2-е место по объему внешней торговли — 2973 млрд долл. За годы 11-й пятилетки в 2006–2010 гг. среднегодовые темпы роста ВВП КНР составляли свыше 10% и даже в 2009 г. после мирового финансового кризиса этот показатель составил 9,2% в год (1-е место в мире). В 2010 г. по объему валютных резервов КНР занимал 1-е место в мире — 2,85 трлн долл., а валовой сбор зерна постоянно увеличивался с 498 млн т в 2006 г. до 546,1 млн т в 2010 г., несмотря на неблагоприятные погодные условия в течение нескольких лет¹. В результате в стране был создан значительный резервный фонд зерна, и Китай встречает намечающийся мировой продовольственный кризис с большими запасами зерна и продовольствия.

Переход к «обществу потребления» в Китае. По планам 12-й пятилетки, согласно заявлению премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, «при сохранении разумных масштабов общественной аккумуляции средств намечено увеличить денежную массу M2 на 16% в 2011 году», что позволит и в дальнейшем реализовывать большое количество инвестиционных программ и обеспечит необходимые условия для перехода от экстенсивных к интенсивным формам развития производства и повышения производительности труда за счет внедрения большого количества инноваций.

Выдвинутый руководством КНР курс на всемерное расширение внутреннего спроса в значительной степени связан с возможностями реализации задач 12-й пятилетки на 4-й сессии ВСНП в марте 2011 г. Относительно низкий уровень доходов населения Китая и недостаточно развитая система социального обеспечения, особенно в сельской местности, приводит к тому, что население привыкло ограничивать свои расходы, и доля сбережений населения в объеме ВВП в настоящее время крайне высока — около 75%.

Расширение внутреннего рынка при ограничении экспортных возможностей в условиях кризиса возможно только на пути роста доходов населения и увеличения доли потребления в национальном доходе страны.

В целом пока в стране сохраняется социальная стабильность, которая определяется быстрым ростом производства, устойчивостью финансовой системы за счет больших объемов банковских депозитов и малой зависимостью китайской экономики от внешнего рынка. Более того, в годы 12-й пятилетки предусматривается дальнейший отход от ориентации на экспорт продукции и переход к расширению внутреннего рынка и росту внутреннего спроса. Нетрудно предположить, что постоянный рост доходов огромного населения страны вполне может обеспечить определенную независимость экономики КНР от конъюнктурных колебаний мирового рынка.

В конце октября 2009 г. в г. Хайкоу на острове Хайнань Китайский институт реформ и развития организовал международную конференцию по проблемам развивающихся экономик в посткризисный период, на которой обсуждались дальнейшие пути развития экономик развивающихся стран и, в первую очередь, КНР. Директор Института реформ и развития Чи Фулинь в своем докладе отметил, что осуществляется переход Китая от страны производящей к стране потребляющей, и это влечет за собой смену модели развития китайского общества. По его мнению, «для реализации этой модели необходимо обеспечить реализацию трех условий: 1) переход от правительственного спроса к рыночному; 2) реформирование социальной сферы таким образом, чтобы экономическое и социальное развитие стали ускорителем процессов интеграции города и села и развития внутреннего спроса; 3) реформа административной системы для создания равного доступа к разным услугам»².

В дальнейшем Институт реформ и развития сформулировал свою концепцию перехода Китая к потребительскому обществу. В опубликованной в конце 2010 г. коллективной монографии Института реформ и развития была окончательно сформулирована основная идея «второго перехода» к равенству и устойчивому развитию, который должен начаться в годы 12-й пятилетки (2011–2015 гг.). По мнению ученых из этого Института, в модели социально-экономического развития Китая должны произойти важные изменения, связанные с ликвидацией экспортно ориентированной модели экономики, экономической модели развития, основу которой составляют накопление для роста инвестиций и увеличение показателя валового внутреннего продукта. Для обеспечения «второго перехода» должны быть реализованы задачи роста потребления, развития инноваций, охраны окружающей среды и равенства. Однако, по мнению ученых из Института реформ, на пути решения поставленных задач с целью осуществления «второго перехода» и создания потребительского общества в Китае стоит пять проблем, которые необходимо решать в условиях перехода к потребительскому обществу: 1) повышение уровня потребления; 2) рост урбанизации; 3) интеграция города и деревни; 4) нехватка общественных услуг; 5) создание низкоуглеродной экономики³.

Проблемы роста китайской экономики. Итоги 2010 г. и всей 11-й пятилетки в целом показывают, что в экономике Китая имеется ряд проблем, которые могут оказать серьезное влияние на решение задачи построения в Китае общества «малого благоденствия». Следует выделить три основные проблемы — огромная численность населения, относительная нехватка энергоресурсов и экологическая проблема.

По оценкам ряда экспертов, в годы 12-й пятилетки доля экономически активного населения начнет постепенно снижаться, и концу пятилетки Китай достигнет так называемой «точки Льюиса», то есть выйдет на пик максимальной доли населения в рабочем возрасте от общей численности населения. В дальнейшем в стране будет происходить только рост доли населения за пределами рабочего возраста (свыше 60 лет), а доля населения в рабочем возрасте расти не будет вследствие проводившейся в течение многих лет демографической политики ограничения рождаемости под лозунгом «одна семья —

один ребенок». Поэтому в дальнейшем Китай будет вынужден ориентироваться не на привлечение неквалифицированной рабочей силы из деревни, а на повышение производительности труда на каждом рабочем месте, в том числе и в сельском хозяйстве.

Это означает, что за годы 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) Китай должен будет совершить переход от экстенсивных форм развития производства к интенсивным, к развитию инновационной экономики. Только в этом случае в Китае можно будет решить проблему избыточного населения за пределами рабочего возраста (свыше 60 лет) и относительной нехватки природных ресурсов, а также охраны окружающей среды за счет внедрения новых энергосберегающих технологий. Не случайно во время общения в Интернете с населением страны непосредственно перед 4-й сессией ВСНП в марте 2011 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил о том, что «подъем Китая обеспечен за счет подготовки специалистов и развития образования, и в КНР уделяют большое внимание двум показателям — удельный вес расходов на образование в ВВП и расходов на научно-исследовательскую деятельность в объеме производства». На наш взгляд, именно эти меры позволят Китаю решить основную задачу перехода к интенсивным формам развития производства в ближайшее десятилетие и обеспечить поступательное движение экономики страны. В случае своевременного решения основных вопросов социально-экономического развития Китай имеет большие шансы не только построить в 12-й пятилетке (2011–2015 гг.) общество «сяокан» (малого благоденствия), но и догнать США по объему ВВП к концу этого десятилетия.

Комплекс мер по контролю за формированием рыночной экономики при переходе от плановой экономики дал свои конкретные результаты за 30 лет реформы, выраженные в высоких средних темпах роста валового внутреннего продукта, снижении доли расходов госбюджета в объеме ВВП, значительном увеличении инвестиций в основные производственные фонды и постоянном росте их доли в объеме ВВП, росте потребительских доходов населения при сохранении низкой инфляции. Однако эти процессы в экономике КНР шли наряду с быстрым ростом денежной массы M2 в обращении, куда включается не только сумма наличной денежной массы в обращении (M0) плюс сумма текущих счетов на балансе (M1), но и срочные вклады, вклады в сберегательных кассах и прочие депозиты. В результате государственного контроля над денежным обращением и процессами ценообразования и быстрого роста инвестиций в инфраструктуру и основные производственные фонды темпы инфляции в Китае были чрезвычайно низкими по сравнению с другими странами с переходной экономикой в Восточной Европе и особенно в России. В КНР не побоялись заметно увеличить объем денежной массы в обращении. В частности, в 1994 г. доля денежной массы M2 в ВВП составляла 97,3%, в 2002 г. — 153,7%, а в 2010 г. — уже 183,0%⁴.

По планам 12-й пятилетки, согласно заявлению премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, «при сохранении разумных масштабов общественной аккумуляции средств намечено увеличить денежную массу M2 на 16% в 2011 году». При этом следует отметить сохраняющийся сравнительно низкий удельный вес доли M1 в ВВП — всего 67% в 2010 г. и M0 в ВВП — всего 11,3% в 2010 г., а также довольно низкую долю расходов госбюджета в ВВП — всего 20,9%, намного ниже, чем в кризисном 2008 г. и высокую долю инвестиций в основные производственные фонды в ВВП — 69,9% по сравнению с 33,2% в 2000 г.⁵

Кроме того, в Китае несколько лет сохранялось нормальное соотношение между процентами на депозит и банковским процентом за кредит — 3,5%—4,0% по депозиту и 5,5–6,0% учетная ставка по кредиту. В этих условиях избыточная денежная масса пошла не на потребительский рынок, а либо на банковские депозиты, либо на рынок инвестиционных товаров, что позволило снизить банковскую учетную ставку в среднем до 6% годовых, сдержать инфляцию и обеспечить дополнительный прирост производственных

мощностей. Все эти меры в конечном счете способствовали быстрому росту производства промышленной продукции и увеличению экспортного потенциала страны.

Более того, как показывают статистические данные по доходам и расходам финансовых учреждений за 2008–2009 гг., определяющим фактором в стабильности финансовой системы КНР является наличие огромной массы вкладов населения и предприятий на банковских депозитах — 65,1 трлн юаней (свыше 75% всех кассовых доходов финансовых организаций и учреждений в 2009 г.), как показано в табл. 1.

Таблица 1.

Кассовые доходы финансовых организаций в КНР в 2008–2009 гг.

Статьи доходов	2008 г.		2009 г.	
	Трлн юаней	%	Трлн юаней	%
Итоговые доходы	80,8	100	86,6	100
Доходы с продаж товаров	6.8	8.4	6.9	8.0
Доходы с продаж услуг	2.8	3.5	2.8	3.2
Доходы с налогов	0.52	0.6	0.53	0.6
Доходы от частного бизнеса в городе и деревне	2,2	2,7	2,2	2,5
Доходы с банковских депозитов	60.2	74.5	65.1	75.2
в том числе: депозиты населения	21.8	27.0	26.1	30.1
Доходы от других финансовых организаций	0,18	0,22	0,17	0,20
Доходы от возврата кредитов населением	1,34	1,7	1,45	1,7
Доходы с валютных переводов	0,47	0,58	0,46	0,53
Доходы от ценных бумаг	0,07	0,09	0,07	0,08
Прочие доходы	6.2	7.7	6.9	8.0
в том числе: от обмена валюты	0.77	0.95	0.8	0.92

Источник: Чжунго тунци няньцзянь — 2010. С. 734, 342.

Таким образом, становится совершенно очевидно, что для создания «общества потребления» в Китае уже заложена необходимая основа в виде огромных накоплений населения и предприятий и для этого необходима лишь стимулирующая политика руководства КНР, позволяющая населению не сберегать деньги на старость и медицинское обслуживание, а тратить их на потребительские товары, тем самым, способствуя расширению внутреннего спроса. В этом плане следует отметить не только увеличение инвестиций из центрального бюджета в систему социального страхования и расширение доли населения страны, охваченного различными видами социального страхования, но и меры, стимулирующие население приобретать жилье площадью до 90 кв. м. легковые автомобили с объемом двигателя до 1,6 литра и легковые машины для сельской местности, а также предметы потребления длительного пользования путем установления для них налоговых льгот и предоставления различных субсидий⁶.

Для решения двух других проблем — относительная нехватка энергоресурсов и загрязнение окружающей среды большое значение имеет программа энергосбережения, а также развитие возобновляемых источников энергии — энергии ветра, солнца, биотехнологий при переработке отходов, а также энергии морских приливов и отливов. С целью экономии энергоресурсов еще в 2006 г. было запланировано снижение использования энергоресурсов на 20% за 5 лет на единицу ВВП. Однако, в 2006 г. никакой экономии энергоресурсов не произошло, а в 2007 г. этот показатель составил всего 3,27% по сравнению с 5% в год по плану. Лишь с 2008 г. местные власти и крупные компании стали уделять должное внимание этому вопросу. Курс на экономию энергоресурсов будет про-

должен и в 12-й пятилетке. Как заявил премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, «в ближайшие пять лет стране необходимо уменьшить энергозатраты и объем выбросов углекислого газа на единицу ВВП на 16–17%, а выбросы основных видов загрязняющих окружающую среду веществ — на 8–10%». Также будет ограничиваться кредитование загрязняющих окружающую среду отраслей с высокими энергозатратами.

В 12-й пятилетке в процессе перехода от экстенсивных к интенсивным формам развития производства намечено снизить темпы прироста ВВП от 10,3% в 2010 г. до 8% в 2011 г. и затем до 7% в 2015 г. При этом объем ВВП в 2015 г. должен составить 55 трлн юаней (примерно 8,4 трлн долл.) в ценах 2010 г. Как отмечают многие эксперты, Китай вошел в период стремительного экономического развития страны после перехода от низкого уровня доходов к среднему уровню. В это время становится уже невозможно осуществлять одинаковые темпы роста ВВП и бюджетных поступлений, а также увеличивается разрыв в доходах между различными группами и слоями населения. Этот период, который эксперты называют «ловушка со средним уровнем доходов», уже проходили многие быстро развивающиеся страны Восточной и Юго-Восточной Азии, начиная с Японии. В результате у попавших в эту ловушку стран начиналось заметное снижение темпов прироста ВВП. Как отметил в своем докладе на сессии ВСНП Вэнь Цзябао, «трансформация модели экономического развития Китая станет одной из ключевых задач в работе правительства в годы 12-й пятилетки. В ближайшие пять лет предстоит ускорить трансформацию модели экономического развития и урегулирование экономической структуры». Судя по всему, нынешняя 12-я пятилетка станет решающей для Китая в реализации задачи построения общества «малого благоденствия», а также трансформации модели экономического развития.

Социальная политика, инфляция и рост цен. В целом на протяжении двадцати с лишним лет реформы руководству КНР удавалось сдерживать инфляцию за исключением лишь двух периодов — 1988–1989 гг. и 1992–1994 гг. Первый период относительно высокой инфляции был больше связан с политическими событиями и борьбой внутри китайского руководства по вопросам перехода к рыночным ценам — сразу отпустить цены или постепенно. Однако и незначительная инфляция по меркам стран переходной экономики Восточной Европы — 18% в год вызвала политические события на площади Тяньаньмэнь в Пекине, которые пришлось разрешать военными методами. Всплеск инфляции в 1992–1994 гг. был в большей степени связан с быстрым ростом инвестиций в основные производственные фонды, которые не были обеспечены соответствующей продукцией. Тем не менее, китайским реформаторам удалось с помощью экономических мер стабилизировать ситуацию в стране. Была проведена налоговая реформа, создана система «двойного бюджета» — регулярного государственного бюджета и инвестиционного бюджета на новое строительство, проведена реформа в области труда и зарплаты, в результате которой пришлось сократить избыточный персонал на предприятиях общественных форм собственности — государственных и коллективных. Все это способствовало переливу рабочей силы из одних отраслей в другие, темпы роста заработной платы стали соответствовать темпам роста производительности труда, в стране появилось большое количество предприятий необщественных форм собственности, которые стали составлять конкуренцию предприятиям общественной собственности.

В целом с середины 90-х гг. XX в. руководству КНР удавалось не допустить высокой инфляции, что на наш взгляд, было связано с двумя основными факторами: 1) относительно низким уровнем доходов сельского населения в целом и китайского крестьянства в частности; 2) высокой нормой сбережения предприятий всех форм собственности и городских и сельских домохозяйств.

Таблица 2.

**Динамика изменений роста цен и уровня жизни населения в КНР
(1978–2010 гг.) (в % к предыдущему году)**

Год	Прирост ВВП	Прирост номинальной заработной платы	Прирост реальной заработной платы	Прирост доходов сельского населения	Индекс потребительских цен	Индекс товарных розничных цен	Индекс оптовых цен на промышленные товары
1978	11,7	6,8	6,0		100,7	100,7	100,1
1979	7,6	8,6	6,6	19,2	101,9	102,4	101,5
1980	7,8	14,1	6,1	16,6	107,5	106,0	100,5
1981	5,2	1,3	-1,2	15,4	102,5	102,4	100,2
1982	9,1	3,4	1,3	19,9	102,0	101,9	99,8
1983	10,9	3,5	1,5	14,2	102,0	101,5	99,9
1984	15,2	17,9	14,8	13,6	102,7	102,8	101,4
1985	13,5	17,9	5,3	7,8	109,3	108,8	108,7
1986	8,8	15,8	8,2	3,2	106,5	106,0	103,8
1987	11,6	9,8	0,9	5,2	107,3	107,3	107,9
1988	11,3	19,7	-0,8	6,4	118,8	118,5	115,0
1989	4,1	10,8	-4,8	-1,6	118,0	117,8	118,6
1990	3,8	10,6	9,2	1,8	103,1	102,1	104,1
1991	9,2	9,3	4,0	2,0	103,4	102,9	106,2
1992	14,2	15,9	6,7	5,9	106,4	105,4	106,8
1993	14,0	24,3	7,1	3,2	114,7	113,2	124,0
1994	13,1	34,6	7,7	5,0	124,1	121,7	119,5
1995	10,9	21,2	3,8	5,3	117,1	114,8	114,9
1996	10,0	12,9	3,8	9,0	108,3	106,1	102,9
1997	9,3	4,2	1,1	4,6	102,8	100,8	99,7
1998	7,8	6,6	7,2	4,3	99,2	97,4	95,9
1999	7,6	11,6	13,1	3,8	98,6	97,0	97,6
2000	8,4	12,3	11,4	2,1	100,4	98,5	102,8
2001	8,3	16,0	15,2	4,2	100,7	99,2	98,7
2002	9,1	14,3	15,5	4,8	99,2	98,7	97,8
2003	10,0	13,0	12,0	4,3	101,2	99,9	102,3
2004	10,1	14,1	10,5	6,8	103,9	102,8	106,1
2005	10,4	14,6	12,8	6,2	101,8	100,8	104,9
2006	11,6	14,4	12,7	7,4	101,5	101,0	103,0
2007	13,0	18,7	13,6	9,5	104,8	103,8	103,1
2008	9,0	17,2	11,0	8,0	105,9	105,9	106,9
2009	8,7	12,0	13,0	8,5	99,3	98,8	94,6
2010	10,3	...	7,8	10,9	103,3	104,6	105,5

Составлено по: Чжунго тунци чжайяо — 2008. С. 22,47,48,92,109; Чжунго тунци няньцзянь — 2010; 2010-нянь гоминь цзинци юньсин тайши цзунти ляйхао [Общие показатели изменения ситуации в национальной экономике в 2010 г.] (ГСУ КНР, 20 янв. 2010 г.).

Следует отметить, что на начальном этапе реформ в результате внедрения в деревне системы подворного подряда и перехода к рыночной экономике наметилось сокращение значительного разрыва в доходах между сельскими и городскими жителями, которое происходило до 1985 г. Однако с середины 80-х гг. XX в. разрыв в доходах между сельскими и городскими жителями вновь стал расти в результате продвижения рыночных реформ в города, что позволило городским жителям значительно повысить доходы. Особенно выиграли от этого жители свободных экономических зон и крупных городов приморских районов, которые получили возможность больше зарабатывать в результате более активного продвижения экономических реформ сравнительно с жителями внутренних и сельских районов. Лишь с 2007 г., когда был отменен сельскохозяйственный налог в КНР, сельские жители получили возможность больше зарабатывать, а также более свободно перемещаться по стране в поисках работы. По данным Всекитайской переписи населения 2010 г., общая численность «и рабочих и крестьян» увеличилась на 117,0 млн чел. — со 144,4 млн чел. в 2000 г. до 261,4 млн чел. в 2010 г. Как следствие этого, за 10 лет в начале XXI в. произошел значительный рост урбанизации в КНР — с 36,2% в 2000 г. до 49,68% в 2010 г.⁷ Растущая миграция между городом и деревней и рост урбанизации привели к заметному росту доходов сельского населения, хотя по-прежнему сохранялся значительный разрыв в доходах между городом и деревней. Тем не менее, в 2010 г. впервые с 1985 г. был отмечен рост доходов сельского населения более высокий, чем у городского, и он превысил годовые темпы прироста ВВП — 10,9% прирост доходов сельского населения и 10,3% — прирост ВВП, как показано в табл. 2.

Следует отметить, что в 2010 г. вновь наметился рост всех видов цен, как потребительских, так и отпускных цен предприятий. Такая инфляция вызвала озабоченность населения, о чем стало известно после беседы премьера Вэнь Цзябао с населением страны в Интернете. В результате было принято решение о проведении «сдержанной монетарной политики» вместо «относительно свободной», которая реализовывалась в рамках антикризисных мер 2009–2010 гг. Были приняты меры по ограничению кредитования путем повышения банковских учетных ставок в 2011 г. и дважды — ставок резервирования Народным Банком Китая. Также были приняты меры по ограничению цен на жилье с помощью установления налога на дополнительную площадь, запрета на приобретение больше двух квартир, повышения норм выплат первого взноса до 60% общей стоимости жилья при покупке второй квартиры, повышения ставок по ипотечному кредиту. Для регулирования цен в 12-й пятилетке в КНР используются как экономические, так и законодательные рычаги, а также и прямые административные меры для регулирования и контроля цен.

Однако, как показывают результаты проводимых в Китае многочисленных социологических обследований, с 90-х гг. по мере развития рыночных отношений происходило усиление социальной дифференциации. С одной стороны, произошел абсолютный рост доходов в городе — 405 юаней в 1978 г. и 21 033 юаня в 2010 г. и в деревне — 138 юаней в 1978 г. и 5919 юаней в 2010 г.⁸ С другой стороны, постоянно увеличивался разрыв в доходах между бедными и богатыми. Тем не менее, несмотря на усиливающуюся социальную дифференциацию в китайском обществе, **жизненный уровень китайского населения в целом вырос**, о чем свидетельствует постоянное улучшение жилищной обеспеченности населения в стране — примерно 27 кв. м на человека в 2010 г. по сравнению с 4,4 кв. м в городе и 8,4 кв. м в деревне в 1979 г. В дальнейшем будет по-прежнему происходить рост жизненного уровня населения Китая в городе и в деревне не только за счет роста номинальных доходов населения, но и за счет низких темпов инфляции — 3–4% годовых. Поэтому одной из основных задач 12-й пятилетки стало **повышение жизненного уровня населения и уменьшение социальной дифференциации** как путем реформирования системы распределения доходов, так и увеличения инвестиций в развитие системы социального обеспечения, образования, здравоохранения.

Внешнеэкономические связи. В результате проводимой в ходе реформ политики открытости, в рамках которой в XXI в. реализуется стратегия «выхода вовне», произошел резкий рост объема внешней торговли — с 20,6 млрд долл. в 1978 г. до 2972,8 млрд долл. в 2010 г. (в 144 раза). За эти годы значительно вырос как объем экспорта, так и импорта. Китай перешел от экспорта товаров первичной переработки (сырье и материалы) к преимущественному экспорту продукции машиностроения и новых и высоких технологий. Значительную роль в этом сыграли различные факторы, начиная от расширения прав предприятий в сфере внешнеэкономической деятельности на первом этапе реформы и заканчивая вступлением КНР в ВТО. За 10 лет членства в ВТО в Китае средний уровень таможенных тарифов снизился с 15,3% до 9,8%, внесены поправки в более чем 3000 законов и нормативных актов на основе принципов ВТО. В результате за последние годы заметно усилилась зависимость экономики КНР от внешней торговли. Если в 2001 г. (год вступления в ВТО) доля внешней торговли в объеме ВВП составляла 38,5%, то в 2006 г. — уже 66,5%, а в результате действия факторов мирового финансового кризиса к 2009 г. упала примерно до 44%. Однако в следующем году вновь произошло увеличение доли объема внешней торговли в ВВП до 49,5%, но больше уже за счет прироста импорта⁹.

Как было отмечено в материалах 4-й сессии ВСНП, в годы 12-й пятилетки предусматривается переход от ориентации в экономическом развитии на расширение экспорта к активизации внутреннего спроса, а также более активное привлечение частных инвестиций в процесс развития экономики. Уже в 2011 г. Китай готов принять меры по улучшению структуры экспорта, расширению экспорта потребительских товаров, медицинских средств и товаров сферы энергосбережения и экологии. Также делается все возможное для того, чтобы США и ЕС смягчили ограничения по импорту высокотехнологичных товаров в КНР.

В годы 12-й пятилетки во внешней торговле предусматривается дальнейшее развитие как экспорта, так и импорта в отличие от ориентации преимущественно на экспорт продукции, дальнейшее привлечение иностранных инвестиций. Общий объем которых в 2010 г. уже составил 105,7 млрд долл. В целом на 4-й сессии ВСНП в области внешнеэкономических связей были поставлены задачи расширения внешнего спроса, стимулирования перемен в структуре экспорта, ускорения реализации стратегии «выхода за рубеж», активного участия Китая в глобальном экономическом порядке и региональном сотрудничестве и т.д.

Как инструмент для расширения объема внешнеэкономических связей Китай в дальнейшем будет расширять свободную конвертируемость юаня, отвязывать курс юаня от американского доллара и проводить постепенную ревальвацию юаня. План перехода к свободно конвертируемому юаню состоит из нескольких этапов: первый — переход экспортеров и импортеров на расчеты с иностранными партнерами в юанях; второй — открытие для иностранных инвесторов рынка долгосрочных капиталов; третий — поощрение иностранных эмиссионных банков, которые хотят пополнить свои резервы юанями. Кроме того, в Китае рассматривается вопрос о том, чтобы разрешить иностранным предприятиям прямые инвестиции в юанях из собственных запасов, чтобы не менять валюту на юани непосредственно перед сделкой, как они вынуждены делать сейчас.

Выводы. В целом следует признать, что принятый руководством КНР план развития экономики на 2006–2010 гг. и внесенные в него соответствующие корректировки в 2009–2010 гг. позволил стране уйти от наиболее серьезных последствий мирового финансового кризиса. В результате принятых мер в Китае не допустили перехода финансового кризиса в экономический, был заметно расширен внутренний спрос и сохранены высокие темпы экономического развития по сравнению с другими странами мира. Китай и далее будет успешно решать вопросы социально-экономического развития. Китай должен будет совершить переход к развитию инновационной экономики за годы 12-й пятилетки (2011–2015 гг.). Сотрудники Центра реформ и развития на Хайнане во главе с его

руководителем профессором Чи Фулинем считают, что «12-й пятилетний план станет ключевым периодом для Китая, чтобы стать «обществом малого благоденствия» по всем направлениям и для инициирования нового перехода». Как считают в Центре реформ и развития, «именно в годы 12-й пятилетки начнут решать многие задачи нового перехода, а такие задачи, как быстрое развитие китайской экономики, достижение социальной гармонии и стабильности должны быть достигнуты в течение ближайших 30 лет — до 2040 года». По их мнению, «если за период 12-й пятилетки не будут устранены главные противоречия, могут возникнуть новые, и, по всей вероятности, будет подорвано поступательное социально-экономическое развитие общества»¹⁰.

В целом на 12-ю пятилетку запланированы важные реформы по всем трем основным направлениям развития — экономического, социального и административного в краткосрочном (на 1–2 года), среднесрочном (на 3–5 лет) и долгосрочном плане (от 5 до 7 лет). В сфере экономики на короткий период запланированы изменения в механизме формирования платы за ресурсы, направленные на охрану окружающей среды, и реформа государственных монополий. В социальной сфере — совершенствование системы найма рабочей силы. В административной — окончательное разделение «трех властей» (*чжэнь, цзи, дан фэнькай*) и реформа институтов общественного управления. В среднесрочном плане в сфере экономики планируется достичь устойчивого прогресса в развитии бюджетной и налоговой сферы, в социальной сфере — обеспечение всем равного доступа к системе общественных услуг, в административной сфере — формирование эффективного механизма координации интересов и повышения доверия к государству. В долгосрочном плане в экономической сфере предусмотрено достичь значительного прогресса в интеграции города и деревни, повышения уровня урбанизации и начать реформу распределения национального дохода, в социальной сфере — улучшение системы социального управления, в административном — постоянное повышение уровня функционирования правительств на всех уровнях.

1. 2010-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань тунцзи баогао [Статистические данные социально-экономического развития КНР в 2010 году] (ГСУ КНР, 28 февр. 2011 г.).
2. Подробнее об итогах конференции см.: *Островский А.* Развивающиеся экономики в посткризисный период: новые вызовы, их новая роль и новые модели развития (итоги международной конференции в Хайкоу (КНР) // Тихоокеанское обозрение, 2008–2009. М., 2010. С. 176–185.
3. Подробнее см.: *Change of China's Development Models at the Crossroads.* Beijing, 2010.
4. Чжунго тунцзи няньцзянь — 2006. С. 57, 772, 281, 188; Чжунго тунцзи чайяо — 2008. С. 10, 53, 68, 80; 2010-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань тунцзи баогао [Статистические данные социально-экономического развития КНР в 2010 году] (ГСУ КНР, 28 февр. 2011 г.).
5. Составлено по: *Островский А.В.* Китайская экономика в условиях мирового финансового кризиса // Экономика КНР: меры по преодолению влияния мирового финансового кризиса. М., 2010. С. 12; 2010-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань тунцзи баогао [Статистические данные социально-экономического развития КНР в 2010 году] (ГСУ КНР, 28 февр. 2011 г.).
6. *Change of China's Development Models at the Crossroads.* Beijing, 2010. P. 127–128.
7. 2010-нянь дилюцы цюаньго жэнькоу пуча чжюяо шуцзюй гунбао [Коммюнике о важнейших данных 6-й Всекитайской переписи населения 2010 года] (ГСУ КНР, 28 апр. 2011 г.).
8. Составлено по: 2010-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань тунцзи баогао (Статистические данные социально-экономического развития КНР в 2010 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2011 года.
9. Составлено по: *Островский А.В.* Китайская экономика в условиях мирового финансового кризиса // Экономика КНР: меры по преодолению влияния мирового финансового кризиса. М., 2010. С. 12; 2010-нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань тунцзи баогао [Статистические данные социально-экономического развития КНР в 2010 г.] (ГСУ КНР, 28 февр. 2011 г.).
10. *Changes of China's Development Models at the Crossroads.* Beijing, 2010. P. 396.

Взаимодействие внутреннего и внешнего факторов роста китайской экономики

© 2011

В. Жигулева

Сочетание трех видов спроса (потребительского, инвестиционного и внешнего) — важные факторы роста экономики Китая. Расширение внешнего спроса способствовало не только притоку иностранных инвестиций и технологий, но также — расширению внутреннего потребительского и инвестиционного спроса. Однако политика стимулирования внутреннего спроса в 2009—2010 гг. для компенсации потерь, вызванных сокращением экспорта, по-прежнему основывалась на значительном расширении объема инвестиций, а вклад потребительского спроса оставался незначительным. Следствием такой политики стали перегрев китайской экономики и повышение индексов товарных и потребительских цен.

Ключевые слова: факторы роста экономики, три типа спроса, инвестиции, экспорт, импорт.

Значительные успехи экономического строительства в Китае стали возможны, в первую очередь, благодаря изменениям в экономической политике, направленным на обеспечение экономического роста. Можно сказать, что в Китае сочетание преобразований и экономического роста было оптимальным для развития страны. Выбранная модель трансформации экономической системы при сохранении политического строя позволила развивать и поддерживать на протяжении трех десятилетий высокие стабильные темпы экономического роста в стране. Одними из основных ее типичных особенностей являются ведущая роль правительства, высокий уровень сбережений, поддержка национального производителя при развитии производства ориентированного на экспорт, поощрение экспорта продукции с высокой долей добавленной стоимости, привлечение иностранных инвестиций, создание стабильной макроэкономической обстановки в стране.

Китайское руководство сумело получить и реализовать средства для инвестиций. К началу реформ Китай подошел в бедственном состоянии, но у него не было значительного внешнего долга. В начальный период реформ увеличение инвестиций обеспечило около 60% темпов роста ВВП, труд — 5%, остальные факторы — около 35%¹. Увеличение численности рабочей силы, расширение сферы занятости стали важными факторами роста, производительность труда также повысилась. В целом экстенсивные факторы имели значительный вес в темпах прироста валового продукта.

Государство, создав благоприятные условия для роста сбережений граждан, и без того склонных к накоплению, — в согласии с традиционными представлениями и с привитой коммунистами привычкой экономить, копить и жить скромно — получило в свое распоряжение средства. Норма сбережений на протяжении периода реформ, по различным расчетам, превышала 35% ВВП².

Жигулева Валентина Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: v.zhiguleva@mail.ru. Тел.: 8 (499) 124-03-13.

Важной отличительной чертой рыночных преобразований в Китае называют отсутствие широкомасштабной приватизации³. Фактически постепенная приватизация была начата только во второй половине 1990-х гг. и продолжается до сих пор. Мелкие и средние предприятия были проданы и превращены в управляемые персоналом акционерные компании, многие крупные и сверхкрупные госпредприятия акционированы, реструктурированы, слиты с другими.

В начале периода реформ у населения не было возможностей осуществлять крупные инвестиции. В этой ситуации правительство приняло решение об открытии Китая внешнему миру. Огромные средства были вложены в создание благоприятного инвестиционного климата, выстроены свободные экономические зоны. Капитал, в первую очередь, поступил от *хуацяо* (китайских мигрантов за границей) — как из стран Юго-Восточной Азии, Гонконга, Тайваня, так и с Запада. Китайское руководство стимулировало иностранных инвесторов вкладывать полученные прибыли в расширение производства в стране, а не вывозить капитал за границу. Естественно, существовали валютные ограничения, жесткий контроль за перемещением средств, также препятствовавшие оттоку средств внутренних инвесторов из страны.

Вместе с иностранным капиталом Китай получил доступ к зарубежному опыту ведения бизнеса, производства, который был с энтузиазмом заимствован и применен. В основе китайской традиционной системы обучения, элементы которой поныне активно используются: запоминание, копирование, имитация, воспроизведение — поэтому проблем с использованием иностранного опыта не возникало. Страна значительно повысила уровень технической оснащенности. Развитию технической сферы в Китае в рамках политики модернизации уделяется важнейшее значение. Цель китайского правительства — к 2050 г. довести долю расходов на НИОКР, по меньшей мере, до 3% ВВП. При этом вклад науки и техники в экономическое развитие должен составить 60–70%. В настоящее время технический прогресс, включая развитие человеческого капитала, привлечение иностранных технологий дают до 30% экономического роста.

В связи с усилением Китая на мировом рынке можно упомянуть концепцию «идти вовне» (*цзоу чуцюй*), включенность в международные организации, активное экономическое сотрудничество как с развитыми странами, так и со странами третьего мира. Новые меры по ограничению деятельности иностранных компаний в Китае, в том числе сокращение ряда льгот для иностранного капитала, принятие законодательных актов, касающихся единого принципа налогообложения доходов предприятий всех видов собственности, введение экологических стандартов, обязательных для соблюдения всеми компаниями, также относятся к отстаиванию интересов развития страны, которые, прежде всего, сопряжены с благоденствием населения.

За годы реформ произошли существенные изменения в области потребления населения, связанные не только с количественным ростом, но и со значительным изменением структуры потребительского рынка. Расширение занятости, повышение заработной платы в городах шло параллельно с отказом от политики уравниловки, т.н. «железной миски риса». Узость потребительского рынка в начале 1980-х гг. во многом определялась, помимо дефицита товаров, ограниченной покупательной способностью населения и психологическим давлением политики «благородной бедности». Покупка большинства товаров была возможна только за счет жесткой экономии или осуществлялась по карточкам. О многих товарах длительного пользования население даже крупных городов, не имело представления. Рост доходов в начале 1980-х гг. касался сельского населения, что дало значительный стимул ускорению экономического роста. Однако в последующие годы ситуация изменилась, в настоящее время наблюдается значительное отставание доходов сельского населения от городского.

Таблица 1.

Соотношение внутреннего и внешнего спроса в Китае (1978–2009 гг.)

Год	Конечный спрос, млрд юаней	Объем, млрд юаней				Доли, %			
		Внутренний спрос			Внеш- ний спрос	Внутренний спрос			Внеш- ний спрос
		Потребител. спрос	Инвестици- онный спрос	Итого		Потребит. спрос	Инвестиц. спрос	итого	
1978	360.6	223.9	137.8	361.7	- 1.1	62.1	38.2	100.3	- 0.3
1979	409.3	263.4	147.9	411.3	- 2.0	64.4	36.1	100.5	-0.5
1980	459.3	300.8	159.9	460.8	- 1.5	65.5	34.8	100.3	-0.3
1981	500.8	336.2	163.0	499.2	1.7	67.1	32.5	99.6	0.4
1982	559.0	371.5	178.4	549.9	9.1	66.4	31.9	98.4	0.8
1983	621.6	412.6	203.9	616.5	5.1	62.49	32.8	99.2	6.63
1984	736.3	484.6	251.5	736.1	0.13	65.8	34.2	100.0	0.0
1985	907.7	598.6	345.8	944.4	-36.7	66.0	38.1	104.1	-4.1
1986	1050.9	682.2	394.2	1076.4	-25.5	64.9	37.5	102.4	-2.4
1987	1227.7	780.5	446.2	1226.7	1.08	63.6	36.3	99.9	0.1
1988	1538.9	934.0	570.0	1554.0	-15.1	63.9	37.0	100.9	-0.9
1989	1731.1	1116.4	633.3	1749.7	18.6	64.5	36.6	101.1	-1.1
1990	1934.8	1209.1	674.7	1883.8	51.0	62.5	34.9	97.4	2.6
1991	2257.8	1409.2	786.8	2196.0	61.8	62.4	34.8	97.2	2.8
1992	2756.5	1720.3	1008.6	2729.0	27.6	62.4	36.6	99.0	1.0
1993	3693.8	2190.0	1571.8	3761.8	-68.0	59.3	42.6	101.9	-1.9
1994	5021.7	2924.2	2034.1	4958.3	63.4	58.2	40.5	98.7	1.3
1995	6321.7	3674.8	2547.0	6221.8	99.9	58.1	40.3	98.4	1.6
1996	7416.4	4392.0	2878.5	7270.4	145.9	59.2	38.8	98.0	2.0
1997	8165.9	4814.1	2996.8	7810.9	355.0	59.0	36.7	95.7	4.3
1998	8653.2	5158.8	3131.4	8290.2	362.9	59.6	36.2	95.8	4.2
1999	9096.4	5563.7	3295.2	8858.8	237.6	61.2	36.2	97.4	2.6
2000	9874.9	6151.6	3484.3	9635.9	239.0	62.3	35.3	97.6	2.4
2001	10902.8	6693.4	3976.9	10670.3	232.5	61.4	36.5	97.9	2.1
2002	12047.6	7181.7	4556.5	11738.26	309.4	59.6	37.8	97.4	2.6
2003	13663.5	7768.6	5596.3	13364.9	298.6	56.9	40.9	97.8	2.2
2004	16080.0	8755.3	6916.8	15672.1	407.9	54.4	43.0	97.4	2.6
2005	18713.1	99905.1	7785.7	17690.8	1022.3	52.9	41.6	94.5	5.5
2006	22224.0	11263.2	9295.4	20558.2	1665.4	50.7	41.8	92.5	7.5
2007	26583.4	13151.0	11094.3	24245.3	2338.1	49.5	41.7	91.2	8.8
2008	31490.1	15234.7	1383.5	29067.2	2422.9	48.4	43.9	92.3	7.7
2009	34151.5	16612.6	16229.7	32842.3	1309.2	48.6	47.7	96.3	3.9

Примечание: В потребительский спрос включается потребление населения и потребление правительства. Источник: рассчитано по Чжунго тунзи чжайяо, 2010. Пекин 2010. С. 34, 36.

Постепенное расширение рынка сопровождалось освобождением госпредприятий от «социальной» нагрузки. Система социального обеспечения (особенно в деревне) остается здесь недостаточно развитой, хотя в последние годы правительство принимает меры по ее усовершенствованию. Численность населения города и деревни, охваченного различными видами социального страхования, ежегодно увеличивается.

Быстрый экономический рост КНР в 1980-е гг. произошел за счет изменения модели и приоритетов развития. По способу воздействия на экономический рост различают прямые и косвенные факторы. Прямыми считаются те из них, которые делают рост физически возможным. В эту группу входят факторы предложения:

- количество и качество трудовых ресурсов;
- количество и качество природных ресурсов;
- объем основного капитала;
- технология и организация производства;
- уровень развития предпринимательских способностей в обществе.

Косвенные факторы — это условия, позволяющие реализовать имеющиеся у общества возможности к экономическому росту. Такие условия создаются факторами спроса и распределения:

- снижением степени монополизации рынка;
- налоговым климатом в экономике;
- эффективностью кредитно-банковской системы;
- ростом потребительских, инвестиционных и государственных расходов;
- расширением экспортных поставок;
- возможностями перераспределения производственных ресурсов в экономике;
- действующей системой распределения доходов.

Китайскому руководству удалось гибко сочетать расширение внутреннего и внешнего спроса как факторов ускорения темпов развития страны⁴.

В результате воздействия мирового экономического кризиса и предшествовавшего ему ипотечного кризиса в США Китай также столкнулся с проблемами снижения экономической активности, замедления притока иностранного капитала, закрытия предприятий, работающих на экспорт, растущей безработицы. По мнению китайского руководства, основным выходом из данной ситуации является расширение внутреннего потребления и переориентация продукции экспортных предприятий на внутренний рынок, т.е. стране необходимо перейти к другой модели роста, предполагающей отказ от высокой доли сбережений населения в пользу роста потребления, от целенаправленной поддержки ориентированных на экспорт отраслей к расширению внутреннего рынка⁵.

Развитие китайской экономики в годы реформ осуществлялось во многом в результате наращивания инвестиций (т.е. инвестиционного спроса) и экспорта. А после вступления Китая в ВТО — в возрастающей степени благодаря экспорту. Безусловно, внешнеэкономические связи играли и продолжают играть важную роль для китайской экономики, но вопрос в том, насколько велика роль экспорта? Китайский экспорт по итогам 2008 г. составил 33% по отношению к ВВП, выраженному в текущих ценах в долларах США, и почти в два раза ниже — 18%, если считать ВВП по ППС из базы данных МВФ⁶. Данная ситуация ухудшилась в 2009 и 2010 гг., когда экспортная квота, (доля экспорта в ВВП) составила 23,3% и 25,8% соответственно. Как видно из таблицы 1 внутренний спрос (инвестиции и потребление населения) составлял более 90% ВВП, рассчитанному по расходам, а доля чистого экспорта была довольно низкой и не превышала 10%. Наибольшие темпы прироста внутреннего спроса свыше 30% в год пришлось на годы 7-й пятилетки (1986–1990 гг.). В 1996–2000 гг. средние темпы роста потребительского спроса (23,8%) на 4 процентных пункта обгоняли рост инвестиционного спроса (19,7%). На этот же период приходится максимальный рост экспортного спроса, именно с 1993 г. началась тенденция стабильного превышения экспорта над импортом и положительного сальдо платежного баланса. Тем не менее, можно сделать вывод, что внутренний спрос является основным как по вкладу в рост ВВП, так и по совокупным объемам.

Таблица 2.

Соотношение трех видов спроса в создании прироста ВВП за 1978–2010 гг.

Годы	Динамика ВВП	Соотношение трех видов спроса в создании прироста ВВП			Доля потребления населения в ВВП по расходам
		Потребительский спрос	Инвестиционный спрос	Внешний спрос	
1978	11,7	39,4	66,0	-5,4	48,8
1979	7,6	87,3	15,4	-2,7	49,1
1980	7,8	71,8	26,4	1,8	50,8
1981	5,2	93,4	-4,3	10,9	52,5
1982	9,1	64,7	23,8	11,5	51,9
1983	10,9	74,1	40,4	-14,5	52,0
1984	15,2	69,3	40,5	-9,8	50,8
1985	13,5	85,5	80,9	-66,4	51,6
1986	8,8	45,0	23,2	31,8	50,5
1987	11,6	50,3	23,5	26,2	49,9
1988	11,3	49,6	39,4	11,0	51,1
1989	4,1	39,6	16,4	44,0	50,9
1990	3,8	47,8	1,8	50,4	48,8
1991	9,2	65,1	24,3	10,5	47,5
1992	14,2	72,5	34,3	-6,8	47,2
1993	14,0	59,5	78,6	-38,1	44,4
1994	13,1	30,2	43,8	26,0	43,5
1995	10,9	44,7	55,0	0,3	44,9
1996	10,0	60,1	34,3	5,6	45,8
1997	9,3	37,0	18,6	44,4	45,2
1998	7,8	57,1	26,4	16,5	45,3
1999	7,6	76,8	24,7	-1,5	46,1
2000	8,4	63,8	21,7	14,5	46,4
2001	8,3	50,2	49,9	-0,1	45,3
2002	9,1	43,9	48,5	7,6	44,0
2003	10,0	35,8	63,2	1,0	42,2
2004	10,1	39,5	54,5	6,0	40,6
2005	11,3	38,0	38,9	23,1	38,8
2006	12,7	40,0	43,9	16,1	36,9
2007	14,2	39,2	42,7	18,1	36,0
2008	9,6	43,3	47,7	9,0	35,1
2009	8,7	53,1	94,6	-47,7	35,6
2010	10,3	37,3	54,8	7,9	

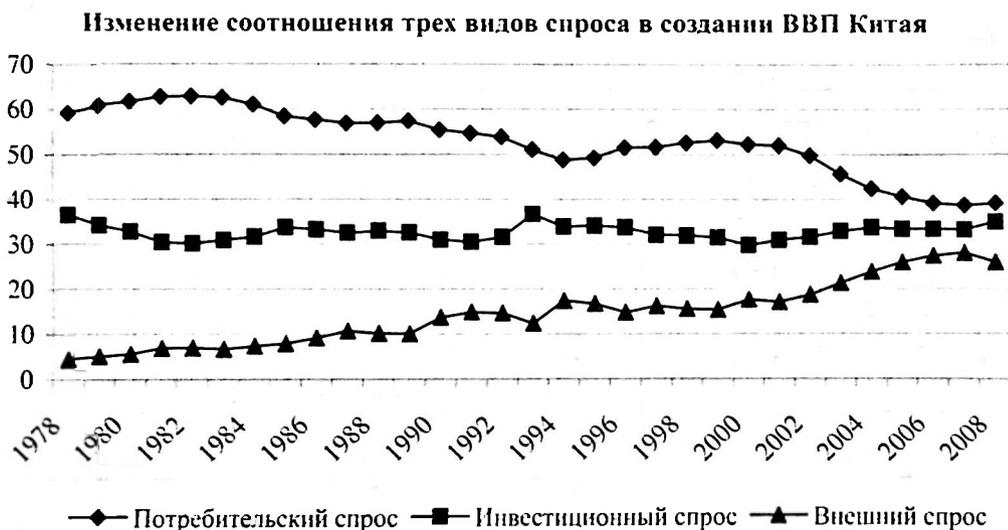
Источник: Чжунго тунци чжэяяо. 2010. Пекин, 2010. С. 23, 36, 37, 163. Для 2010 г. интервью Ма Цзятан. — http://www.stats.gov.cn/was40/gjtjj_nodate_detail.jsp?channelid=75004&record=59

Доля потребительского спроса, несмотря на рост в стоимостном выражении, постоянно снижалась: с 67–62% в начале 1980-х гг. до 58–59% в 1990-е гг. и 48–50% в 2000-е гг. Инвестиционный спрос рос нестабильно — наблюдалось несколько циклов пиков и падений, периодов так называемого «перегрева» и «замораживания» экономики. Что касается экспортного спроса, то его доля до 1994 г. резко колебалась, что было свя-

зано как с изменениями мировой конъюнктуры, так и с изменением валютного курса юаня (1984, 1990 и 1991 гг.). Снижение воздействия на рост ВВП потребительского спроса и увеличение воздействия инвестиционного и внешнего спроса более четко прослеживается по данным таблицы 2. Из нее видно, что в течение 30 лет доля инвестиционного спроса в прирост ВВП, составляя 30–40%, существенно колебалась, а доля потребительского спроса постоянно падала. Но ее воздействие на прирост ВВП до 2000 г. в течение большинства лет вдвое превышало аналогичное воздействие инвестиционного спроса. Данная тенденция наиболее четко проявилась после 2001 г. Кривые долей всех трех видов спроса постепенно сближаются (рис. 1).

В годы реформ наблюдается взаимовоздействие и взаимовлияние внутреннего и внешнего спроса. Высокие темпы роста китайской экономики были достигнуты благодаря расширению внутреннего спроса, в основном его инвестиционной составляющей, но также и расширению экспортного спроса. Причины этого — в слабости экономической базы, невысоком уровне совокупных доходов населения, сложности активизации потребительского спроса, а также в формировании огромного внешнего спроса на китайскую продукцию.

Рисунок 1.

Источник: Чжунго цзинцзи цянъцзин фэньси, 2010 нянь, чунъцзи баогао, Цзинцзи лань шишу [Анализ перспектив развития китайской экономики 2010. Весенний доклад. Синяя книга по экономике]. Пекин, 2010. С. 103.

После 1978 г. в развитии экономики Китая проявились два взаимно сочетающихся типа воспроизводства внешнего и внутреннего спроса:

Первое. Расширение экспорта обрабатывающей промышленности. Этот вид воспроизводства сочетает внутренний и внешний спрос, т.е. включает спрос Китая на иностранные капиталы и современные технологии. Эта модель развития производства, сочетающая внутренний и внешний спрос, за 30 лет эволюционировала от традиционного производства к производству систем современных электронных средств связи, а также к созданию огромного комплекса обрабатывающей промышленности.

Второе. Другой вид сочетания внешнего и внутреннего спроса — иностранные инвестиции. С 1980-х гг. благодаря их привлечению удалось перестроить не только традиционное промышленное производство, но и добывающую промышленность.

В 1981–1995 гг. развитие промышленности в целом было на начальном этапе индустриализации: и внутренний, и внешний спрос имели одинаковое стимулирующее воздействие на ускорение темпов роста ВВП и развитие экономики в целом.

Путь, по которому развивалась индустриализация Китая в это время, в целом совпадал с траекторией традиционного развития, которую ранее прошли развитые страны Запада: развитие легкой и текстильной промышленности — тяжелая и химическая промышленность — сфера обслуживания. На этом этапе основными стимулами развития внутреннего спроса были: ориентация инвестиционного спроса на легкую и текстильную промышленность, повышение уровня жизни и потребления народа, привлечение иностранной передовой техники.

Основными точками развития внешнего спроса были: ускоренное расширение экспорта с целью получения инвалютных поступлений для импорта необходимых передовых технологий, техники и недостающего сырья и материалов, необходимых для индустриализации. К концу 8-й пятилетки началось активное привлечение иностранных инвестиций в строительство базовых объектов, в базовые отрасли. В это время Китай начал постепенно использовать свои сравнительные преимущества (дешевизну рабочей силы) и начал развивать трудоемкие производства в области легкой промышленности, а также — экспорт продукции электротехники, химической продукции, экспорт цветных и редкоземельных металлов. Удовлетворение внешнего спроса осуществлялось в рамках экспорта традиционных отраслей, тогда как обрабатывающая промышленность и экспорт продукции предприятий с использованием иностранного капитала в первое десятилетие реформ играли вспомогательную роль.

В 1990-е гг. начались существенные изменения в структуре экспорта: от преобладания экспорта сырья или товаров первичной обработки к экспорту готовой продукции, от экспорта товаров грубой обработки к товарам тонкой обработки. В эти годы доля готовой продукции в экспорте составила уже 65%; по традиционным товарам доля экспорта начала снижаться, по электротехнической продукции — расти высокими темпами. В 1996–2009 гг. соотношение внутреннего и внешнего спроса вступило в новую фазу: усиливается влияние инвестиционного и внешнего спроса. В этот период в результате воздействия на китайскую экономику азиатского и мирового финансовых кризисов был сделан вывод о необходимости ускоренного развития и стимулирования внутреннего спроса в сочетании с активной финансовой и рациональной денежной политикой.

С 9-й пятилетки начался период ускорения развития тяжелой и химической промышленности. Эти отрасли предъявляли повышенный спрос на материалы и сырье. Так же быстро рос спрос на инвестиции в базовые объекты и базовые отрасли, на современные технологии, современные виды сырья, новые научные и образовательные услуги. Непрерывно расширялся спрос на базовые предметы потребления, но его пространство было ограничено. Усиленно рос спрос на образование, жильё и медицинские услуги.

В эти годы произошли изменения в модели привлечения современной техники и технологий. Если раньше их импорт осуществлялся по линии госзакупок, то после 2000 г. — в виде иностранных инвестиций. В 2009 г. 77,6% импорта техники и технологий пришлось на предприятия с использованием иностранного капитала. Росла зависимость экономики и от импорта сырья: нефти — на 48%, железной руды — на 56%, алюминия — 70%, некоторых химических материалов — на 85%. В области внешнего спроса также произошли существенные изменения. Китай начал конкурировать на мировом рынке по наукоемким товарам, регулировались производственная и товарная структуры экспорта, повышалась конкурентоспособность китайских товаров, производство которых связано с современными технологиями.

С вступлением Китая в ВТО, а точнее с 2003 г., начал быстро расти сектор экономики, ориентированный на экспорт. В эти годы началась эксплуатация многих предприятий тяжелой промышленности, построенных при участии иностранного капитала и ориентированных на экспорт продукции. Именно с 2003 г. началось быстрое сокращение доли потребительского спроса в приросте ВВП КНР. Быстрое расширение внешнего и инвестиционного спроса, ускорив развитие экономики, усилили ее зависимость от импорта сырья и полуфабрикатов.

Быстрый рост объемов китайского экспорта за последние 15 лет и превращение Китая в «мировую фабрику» создали представление у ряда западных и отечественных публицистов (не занимающая непосредственно экономикой Китая), что главным источником роста китайской экономики являлся внешний спрос. На деле значение внешнего сектора несопоставимо с внутренним рынком. Китайский экспорт по итогам 2008 г. составил 33% по отношению к ВВП, выраженному в текущих ценах в долларах США, и почти вдвое ниже — на 18%, если считать ВВП по ППС из базы данных МВФ. Использование независимых экспертных оценок, например, данных профессора гронингенского университета Ангуса Маддисона, виднейшего эксперта в области методологии расчета макроэкономических показателей и межстрановых сопоставлений, позволяет говорить об еще более низком значении данного показателя — 10,5%⁷. Картина существенно меняется, если мы пытаемся уйти от официального обменного курса юаня и учесть его реальную оценку.

Об ограниченном значении экспорта для китайской экономики также свидетельствует соотношение объемов китайского экспорта, выпуска промышленной продукции и импорта по ее отдельным видам. Согласно официальной статистике, больше половины китайского экспорта в стоимостном долларовом измерении приходится на две статьи — «техника и оборудование» (включая машины, механизмы, электрооборудование, звуко-, видеозаписывающую и звуко-, видеовоспроизводящую технику, отдельные узлы, агрегаты, запчасти к перечисленной технике) и «текстильная продукция» (включая ткани и изделия из текстиля), занимающие на протяжении длительного периода 43% и 14% соответственно⁸. Из анализа данных Китайского ежегодника в области торговли видно, что более 80% текстильной продукции, являющейся второй по величине статьёй китайского экспорта, идет на внутренний рынок. За период с 1994 по 2007 гг. доля текстиля, отправляемого на экспорт, снизилась с 28,5% до 16,4%, мало изменившись в абсолютном измерении. При этом производство текстиля для собственных нужд выросло в 3,74 раза — с 15,1 млрд до 56,5 млрд м⁹.

Данные по производимой колесной технике, прежде всего автомобилям, также свидетельствуют о том, что китайская автомобильная промышленность работает в первую очередь на внутренний рынок. По итогам 2009 г. доля автомобилей, отправленных на экспорт, не превысила 3%¹⁰.

Поэтому считать, что внешний спрос — основная движущая сила развития как для отдельных отраслей, так и для экономики Китая в целом, неверно. Тем более, если учитывать реэкспорт, доля которого в объеме экспорта не показывается. Как отмечает М. Потапов, в Китае или Сянгане обычно завершаются многие производственные цепочки кооперации со странами ЮВА. Сюда завозятся узлы, детали, механизмы, т.е. технически сложные комплекующие, не являющиеся для обычного потребителя готовой продукцией, но могущие в нее превратиться. Страна-импортер на своей территории доводит их до состояния полной готовности и превращается в экспортера, вывозя готовую продукцию — телевизоры, ноутбуки, фены, утюги, видеокамеры, сотовые телефоны, автомобили и т.п. В результате первоначально импортированные узлы, детали, механизмы вторично считаются в экспорте, хотя доля стоимости, созданной страной-импортером-экспортером, может быть невысока или мизерна¹¹.

Совсем иначе статистика считает промышленный выпуск. Здесь применяется метод добавленной стоимости, т.е. исключается система двойного счета, в результате в счет идет только вновь созданная стоимость как разница между стоимостью конечного продукта и потребленных материалов, то есть труда, созданного другой отраслью. Поскольку Китай является не только экспортером, но и активным импортером, в том числе деталей, узлов, агрегатов, то неудивительно, что его экспорт бытовой техники, как в натуральном, так и стоимостном измерении, существенно превышает объем промышленного производства аналогичной продукции. Не случайно ведь при расчете ВВП производственным методом учитывается именно чистый экспорт, то есть разница между экспортом и импортом. Если бы доступные статистические данные позволяли учесть влияние реэкспорта в совокупном объеме экспорта товаров, то если корректировать статью

«Техника и оборудование» в сторону уменьшения на величину импорта, экспорт Китая, отнесенный к ВВП, снизился бы еще больше.

Таким образом, даже при всех несовершенствах доступной статистики существует множество факторов, свидетельствующих о том, что основной движущей силой развития Китая последние десятилетия был внутренний (с инвестиционной составляющей), а не внешний спрос. Если мы посмотрим динамику китайского экспорта за последние два десятилетия, то увидим, что его серьезное наращивание началось с 2003 г., то есть уже после вступления Китая в ВТО. А как же Китай развивался до этого? Очевидно, что «подушка безопасности», позволившая Китаю относительно безболезненно пережить мировой кризис, была создана не за последние 5–7 лет.

В годы реформ наблюдается взаимовоздействие и взаимовлияние внутреннего и внешнего спроса. Высокие темпы роста китайской экономики были достигнуты благодаря расширению внутреннего спроса, в основном его инвестиционной составляющей, но также и вследствие расширения экспортного спроса. Причины этого состоят в слабости экономической базы, невысоком уровне совокупных доходов населения, довольно серьезных сложностей активизации потребительского спроса, а также формировании огромного внешнего спроса на китайскую продукцию.

1. См.: *Hu Angang, Wang Yuhua. Guoqing yu fazhan* [Ситуация в стране и развитие]. Beijing, 2005. P. 160–163, *Zhongguo fazhan baogao 2006* (Доклад о развитии Китая 2006 г.). Beijing, 2005. P. 223–230, *Wang Yan, Yao Yudong. Sources of China's Economic Growth, 1952–1999*. 2001. World Bank Working Papers, 2001.
2. *Nanto D., Sinha R. China: a Major Economic Power? // Post-Communist Economies*. 2001. Vol. 13, No. 3. P. 348.
3. *Lin Yifu. Fazhan zhanlue yu jingji gaige* [Стратегия развития и экономическая реформа]. Beijing, 2004. P. 36–47.
4. В традиционной экономической теории под внутренним и внешним спросом для общества с открытым типом экономики подразумевается:
Спрос = инвестиции + потребление + импорт + экспорт.
Внутренний спрос = инвестиции + потребление + импорт; то есть, включается спрос на материальные средства (товары) и спрос на услуги.
Внешний спрос = экспорт; т.е. экспорт товаров и услуг.
В современной экономической теории внутреннего и внешнего спроса внутренний спрос = инвестиционный спрос (включая факторы производства) + спрос на товары и услуги. Т.е. на современном этапе внутренний спрос включает в себя спрос на внешние факторы производства, спрос на товары и услуги. В свою очередь, в спрос на иностранные факторы производства также включается ввоз современной науки и техники, а также спрос на иностранные капиталы.
Внешний спрос = спрос мирового рынка на китайские факторы производства, китайские товары и услуги. В спрос на факторы производства включается импорт науки и техники, иностранные инвестиции экономических субъектов.
5. Все меры, проведенные китайским руководством по преодолению финансовых кризисов 1997–1998 гг. и 2008–2010 гг., фактически реализовывались в рамках кейнсианской теории. Основное отличие действий китайского руководства состоит в том, что в 2000-е гг. в силу развития степени маркетизации в стране удалось поддержать высокие темпы роста китайской экономики и повысить уровень жизни населения, используя лишь рыночные методы.
6. http://www.classs.ru/stati/fin_krizis/gegemonu/?full=1.
7. Там же.
8. Чжунго тунцзи чжайяо, 2010. Пекин, 2010. С. 67.
9. Чжунго шанью няньцзянь, 2010 [Китайский ежегодник в области торговли]. Пекин, 2010. С. 345.
10. Там же. С. 387.
11. Китай. 2011. № 5. С. 32.

Промышленная политика КНР в 2006–2015 гг. в свете задач индустриализации нового типа

© 2011

З. Муромцева

Хотя промышленное производство Китая является одним из самых масштабных в мире, качественный разрыв между ним и промышленно развитыми странами остается значительным. В статье анализируются результаты осуществления промышленной политики в 2006–2010 гг. и планы на 2011–2015 гг. в контексте задач индустриализации нового типа.

Ключевые слова: индустриализация нового типа, инновации, высокие технологии, государственные предприятия, конкурентоспособность, качество продукции.

Промышленная политика в период 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) и в программе социально-экономического развития на 12-ю пятилетку разработана на основе сформулированной китайским руководством концепции научного взгляда на развитие и задачи «индустриализации нового типа». Определение «индустриализации нового типа» было дано на XVI съезде КПК: «создание высоконаучоемкого и технооемкого производства с хорошей экономической эффективностью, низкими затратами ресурсов, незначительным загрязнением окружающей среды и возможностью выявления преимуществ в людских ресурсах»¹. На XVII съезде «индустриализация нового типа» была зафиксирована в Уставе КПК: «идти по пути индустриализации нового типа с китайской спецификой, создавать государство инновационного типа и такое общество, которое бережет ресурсы и дружелюбно относится к окружающей среде»².

Индустриальный путь нового типа получил комплексную трактовку, которая связана как с новыми и высокими технологиями, созданием инновационного государства, так и с развитием общества в целом, прежде всего агросферы, социально-экономической инфраструктуры, которые должны развиваться в гармонии с решением проблем охраны окружающей среды и роста населения.

Приоритеты научно-промышленного развития КНР по пяти направлениям с соответствующими целевыми установками

Выполнение целей, поставленных индустриализацией нового типа, предполагает осуществление сбалансированного комплекса мер экономического, финансово-налогового, институционального и нормативно-правового характера.

В 11-й пятилетке в китайской промышленности произошли изменения, определяемые научно-техническим прогрессом, главным образом за счет локализации зарубежной техники и технологий. Материальный результат, полученный от инвестиций в новую технику и технологии, в новые формы организации труда, обслуживание и управление, основывался на использовании, копировании и имитации зарубежных технико-технологических достижений. Инновационные продукты включали новые для Китая

процессы производства, материалы, полуфабрикаты, комплектующие изделия и виды продукции. Между тем, уже на 2009 г. в повестку дня вошла задача учреждения фонда венчурного капитала с ориентацией на высокотехнологичные отрасли, наращивание мощностей для самостоятельного проектирования и масштабного производства отечественных самолетов для региональных авиалиний, активизация в отечественного производства крупных ветровых и ядерных энергоагрегатов, скоростных поездов и других важных видов оборудования. В 12-й пятилетке инновирование производства становится не только новой моделью действий в промышленности, но и вопросом стратегического выживания в конкурентной борьбе на внешнем и внутреннем рынках, участии в новом международном разделении труда. Для эффективного промышленного производства необходима отечественная высококонкурентная продукция, а в условиях углубления реформ и открытости — дальнейшее совершенствование экономического, технико-технологического сотрудничества с зарубежными странами, как и партнерских отношений государства с бизнесом. Последнее направлено на проектирование и производство высокотехнологичной продукции, техническую реконструкцию на основе перспективных технологий, использование лизинговых схем кредитования, создания венчурных фондов и т.д. Программа по развитию новых производств стратегического значения на 12-ю пятилетку включает энергоэкономные и экологически чистые производства, использование новых энергоносителей, биотехнологические производства, высокотехнологическое оборудование, автомобили на новых видах топлива, информационное производство нового поколения, новые материалы³.

Направления	Цели
1. Научные исследования.	Осуществление самостоятельных исследований и разработок прорывного типа для повышения конкурентоспособности китайской продукции
2. Энергосбережение и энергоэффективность.	Создание и широкое использование нетрадиционных, новых и возобновляемых источников энергии и энергосберегающих технологий. Разработка и внедрение эффективных технологий нефти, угля и газа.
3. Информационные технологии и телекоммуникации, технологии производства и жизнедеятельности человека.	Создание передовых систем информационных технологий и телекоммуникаций, ключевых технологий водосбережения и борьбы с загрязнением охраны окружающей среды; передовых технологий глубокой переработки сырья, новых технологий в жилищном строительстве, питании, образовании и медицине. Стимулирование экономики замкнутого цикла.
4. Инфраструктура.	Создание высокоскоростных, относительно дешевых видов транспорта, развитие логистики.
5. Формирование высококвалифицированных кадров инженерно-научных работников, рабочего персонала и бизнеса.	Превращение научных знаний в производительную силу общества, развитие научно-обоснованной деловой среды.

В качестве достижений, полученных в ходе выполнения 11-го пятилетнего плана, в докладе о работе правительства на 4-й сессии ВСНП 11-го созыва были отмечены:

1) ускорение упорядочения производственной структуры, самостоятельная инновационная деятельность, техническая реконструкция предприятий, их слияние и перегруппировка, повышение общего уровня и конкурентоспособности промышленности, особенно отраслей по производству крупного технического оборудования, рост новых

производство стратегического значения, ускорение создания государственной инновационной системы, осуществление программы интеллектуальной и технической инновации, прорыв в освоении целого ряда стержневых и ключевых технологий, востребование значительной части научных достижений промышленностью, ускорение строительства инфраструктуры:

2) прогресс в деле экономии энергоресурсов, экологического строительства, ввод новых мощностей в электроэнергетике (общий объем составил 445 млн кВт, в том числе на ГЭС более 91 млн кВт, на АЭС — 3,84 млн кВт; были закрыты или законсервированы тепловые энергоблоки мощностью 72,1 кВт, отсталые производства в угольной, коксовой, сталелитейной и цементной промышленности), развитие экономики замкнутого цикла, комплексная утилизация сточных вод, отработанных газов и твердых отходов промышленного производства, сокращение за 5 лет удельной энергоемкости ВВП на 19,1%, уровня химического потребления кислорода — более чем на 12,4%, уменьшение объема выбросов двуокиси серы почти на 14,3%;

3) стимулирование региональной экономики в направлении гармоничного развития, опубликование Всекитайской программы по основным функциональным зонам, разработка новых предложений индикативного характера по рассчитанному на 10 лет масштабному освоению западной части страны, ускорение развития центрального, западного и северо-восточного регионов, оптимизирование экономической структуры восточного Китая, где возросли уровень самостоятельных инноваций и конкурентоспособность⁴.

Осуществление в 11-й пятилетке приоритетных научно-промышленных направлений можно рассматривать как продвижение по пути индустриализации нового типа.

Другой важной и подчас сложной для понимания (вне контекста китайской специфики) задач промышленной политики Китая остается углубление реформы госсектора. В 2006–2015 гг. реформирование государственных предприятий продолжает влиять не только на экономическую, но и на социальную ситуацию в стране.

В период 11-й пятилетки углубление реформы госсектора было сосредоточено на двух направлениях: 1) перевод крупных государственных предприятий на режим работы компаний или акционерных обществ, содействующий финансово-промышленному развитию, регулированию нормативов оценки госимущества, рынка ценных бумаг и образованию промышленно-банковско-финансовой сферы; 2) развертывание эксперимента с бюджетной системой хозяйствования на государственных активах.

Развитие этих направлений, оздоровление режима работы современных предприятий формируют нормативы владения, пользования и распоряжения государственным имуществом и встроение создаваемого режима работы современных предприятий в мировую экономику.

Углубление реформы государственных предприятий предусматривало в 2006–2010 гг. концентрацию активов путем их перемещения в наиболее важных отраслях, имеющих жизненное значение для национальной безопасности и народного хозяйства; урегулирование и перегруппировку производства в направлении усиления и укрупнения на тех предприятиях, которые имели соответствующие условия; продвижение реформы по акционированию крупных предприятий, совершенствование управленческих структур компаний как юридических лиц, механизмов контроля над инвестиционными рисками, внутреннего надзора и управления. В режиме современных предприятий предполагалось обратить внимание на порядок подбора и использования кадров, механизмы их поощрения и ограничения (это было связано с дискуссией в 2004–2005 гг. о непрозрачных схемах преобразования государственного имущества, используемых управленцами государственных предприятий). Ставились задачи разумного продвижения директивного банкротства предприятий, стимулирования отделения основного производства от вспомогательного и освобождения от функций социального обслуживания. В реформе моно-

польных отраслей предполагалось значительно расширить рыночные отношения на базе механизма конкуренции, диверсификации субъектов инвестиций и прав собственности. Урегулирование организационной структуры промышленных предприятий поддерживает их слияние, реструктуризацию, аннексию предприятиями-лидерами отсталых и трудных производств, объединение сильных с сильными, интеграцию производства, которая повышает эффективность размещения ресурсов. Углублять реформу в 11-й пятилетке были призваны электроэнергетика, почтовая связь, телекоммуникации, железнодорожный транспорт, городские коммунальные службы. Продвижение реформы финансово-налоговой системы должно было обеспечить равноправную конкуренцию для предприятий китайского и иностранного капитала. В 2007 г. был введен эксперимент с бюджетной системой хозяйствования на государственных активах.

Совершенствование системы контроля и управления государственным имуществом предусматривало разработку нормирования отношений распределения между государством и предприятиями. Через нормирование перехода госпредприятий на новую систему и передачу государственных имущественных прав решается задача предотвращения утечки государственного имущества, охраны законных прав и интересов рабочих и служащих⁵. Увеличение бюджетных средств на нужды производства с использованием государственного капитала включало помощь предприятиям в разработке, освоении и внедрении продукции биофармацевтики, мобильной связи третьего поколения, энерго-сберегающих и экологически чистых технологий в автомобилестроении.

В 2010 г. доходы с инвестированного в центральные предприятия государственного капитала достигли 55,87 млрд юаней. Они были направлены на пополнение всекитайского фонда социального обеспечения (14,854 млрд юаней), восстановление пострадавших от землетрясения районов (932 млн юаней), урегулирование структуры госсектора и производственной структуры (17,95 млрд юаней), на субсидирование реформ и вывода из трудного положения предприятий центрального подчинения (12,196 млрд юаней), на самые важные участки научно-технических инноваций (3,2 млрд юаней), приоритетные объекты по сокращению энергозатрат и вредных выбросов (3 млрд юаней), на инвестирование за рубежом (2,241 млрд юаней), на перечисление в общественный бюджет для улучшения жизни населения (1 млрд юаней) и др.⁶

В 2009 г. была введена новая форма налога на добавленную стоимость (НДС), который стал взиматься не с производственной, а с потребительской добавленной стоимости. Новая форма НДС является стимулом для увеличения капиталовложений предприятий в самостоятельную инновационную деятельность и техническую реконструкцию.

Углубление реформы и открытости подтверждают нижеследующие итоги 11-й пятилетки:

- усовершенствование системы финансовых трансфертов;
- повсеместное внедрение трансформированного НДС, ценообразования, налогообложения и денежных сборов применительно к нефтепродуктам;
- начало эксперимента с реформой налога на ресурсы;
- введение унифицированного налогообложения для всех предприятий как китайского, так и иностранного капитала (Закон КНР о подоходном налоге с предприятий был утвержден на 5-й сессии ВСНП 10-го созыва в 2009 г.);
- завершение реформы акционирования крупных государственных коммерческих банков и активное продвижение реформы «политических» финансовых учреждений, призванных поддерживать государственную политику в промышленности и других областях;
- отмечены позитивные сдвиги в реформе госпредприятий путем образования корпораций и акционерных обществ⁷.

В стратегических отраслях монопольного характера, находящихся под контролем государства (включающих оборонную, нефтехимическую, угольную промышлен-

ность, электронику и электроснабжение, почтовую и телеграфную связь, авиационный и морской транспорт) в период 11-й пятилетки предполагалось создать от 30 до 50 объединений с высокой конкурентоспособностью. Таковые были созданы, в частности, в оборонной, химической, авиационной и других отраслях. Так, в 2007 г. была организована новая химическая компания «China Chem» по производству специальных химикатов органической химии, которая, по оценке «Forchune Global», заняла в 2010 г. 203-е место среди 500 крупнейших корпораций в мире (в 2007 г. она была на 257-м месте). В 2008 г. были организованы такие новые компании, как «Объединенные телекоммуникации» и «Китайская авиапромышленная корпорация». В оборонной промышленности образовано 10 корпораций.

Анализ программы промышленного развития в 12-й пятилетке показывает, что центральное ее звено — индустриальное развитие, связанное с высокими технологиями и инновациями. Стратегия развития направлена на повышение конкурентоспособности продукции китайской промышленностью. Таким образом учитываются черты нового этапа развития глобальной экономики и международного разделения труда. На базе углубления реформы научно-технической системы предполагается усилить значимость промышленных предприятий как субъектов технико-технологических инноваций. Укрепления и укрепления производства оборудования, промышленность Китая берет за самостоятельные разработки и освоение важных видов оборудования, обращая внимание на порядок правительственных закупок, изготовление наиболее важного комплектного и высокотехнологического оборудования и увеличение доли отечественного производства в общем объеме выпуска оборудования. Планы широкомасштабного урегулирования экономической структуры в 12-й пятилетке и до 2020 г. включают отраслевые, организационные аспекты преобразования промышленных предприятий и их банковско-финансовых отношений с учетом стратегии инновационного развития китайского государства.

На первый взгляд, может показаться, что в программе 12-й пятилетки не прописано развитие традиционных отраслей промышленности, которые в 11-й пятилетке оставались гарантами обеспечения занятости и удовлетворения потребительского спроса населения. По всей видимости, проблемы традиционного производства рассматриваются как часть модели инновационного развития, которая, содействуя оптимизации промышленной структуры, должна обеспечить в традиционных отраслях рециркуляцию ресурсов и стоимости, увеличить прибыльность и в конечном счете повысить экономическое и социальное развитие. Продвижению урбанизации по пути развития поселков городского типа, расширения сферы услуг в быту, образовании, медицине должна способствовать система финансовых трансфертов и механизм обеспечения основных источников уездных финансов, заложенный в период 11-й пятилетки⁸.

Подводя итоги промышленной политики, проводимой китайским руководством в 2006–2015 гг., отметим следующее:

1. В период 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) прирост условно-чистой продукции в промышленности составил 73,7% при среднегодовом приросте 11,7%⁹. Несмотря на воздействие на промышленность Китая мирового финансового кризиса, индустрия достигла значительных успехов в достижении стратегических целей в становлении на новый путь развития, к которым можно отнести: а) обновление производственных фондов в таких отраслях, как нефтехимия, черная и цветная металлургия, автомобилестроение, судостроение, авиация, цементная промышленность, промышленность стройматериалов, электроэнергетика и др.; б) повышение качества производимых промышленных товаров, в особенности экспортного назначения; в) рост новых отраслей промышленного производства, определяющих пути внедрения технико-технологического прогресса.

2. Программа 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) учитывает новый этап развития мировой экономики и участия КНР в международном разделении труда, она направлена

на индустриальное развитие, которое должно повысить конкурентоспособность промышленной продукции, снижая ресурсные затраты на ее производство.

Вместе с тем осуществление стратегии индустриального развития нового типа потребует всестороннего внимания к традиционному производству, агросфере и всему социально-экономическому устройству китайского общества. В условиях развития новых технологий и инноваций, рыночных отношений, присутствия транснационального капитала и частного предпринимательства необходимы институциональные установки и четкое отношение к правам собственности, которые в настоящее время не имеют достаточной определенности.

Решение этих сложных проблем представляет весьма серьезный ограничитель в осуществлении промышленной политики в следующем десятилетии.

-
1. Жэньминь жибао. 2002. 18 нояб.
 2. Цзинцзи жибао. 2007. 25 окт.
 3. Жэньминь жибао. 2011. 17 марта.
 4. Жэньминь жибао. 2011. 16 марта.
 5. http://russian.10thnpc.org.cn/china/liasnghui-5/2007-03/061/content_7910435.htm.
 6. Жэньминь жибао. 2011. 17 марта.
 7. Жэньминь жибао. 2011. 16 марта.
 8. Жэньминь жибао. 2011. 18 марта.
 9. http://www.stats.gov.cn/tjfx/ztfx/sywcj/t20110308_402709044.htm.

Внешнеэкономические связи КНР: новые тенденции

© 2011

А. Салицкий, И. Томберг

Статья посвящена современным тенденциям в развитии внешнеэкономических связей КНР и месту страны в международном разделении труда.

Ключевые слова: промышленная система, валютный курс, экспортная платформа, зависимость от внешней торговли, устойчивость роста.

Внешнеэкономические связи Китая становятся все более важным предметом исследований. По ним можно судить о процессах в хозяйстве страны, о конъюнктуре отдельных товарных рынков, о состоянии экономики в странах-партнерах. Не будет преувеличением сказать, что спрос и предложение, предъявляемые им, уже во многом определяют не только состояние мирового хозяйства, движение биржевых индексов и цен, но и вызывают серьезные изменения в международной политике. «Китайский фактор» без особых натяжек можно отнести к структурообразующим элементам глобализации, что вполне закономерно, если учесть экономическую массу КНР, «умноженную» на скорость ее роста. Эта энергия, бесспорно, меняет мир.

Место в мировом хозяйстве

Возможно, уже в 2011 г. Китай станет ведущей торговой державой мира: темпы роста его экспорта в минувшем году в полтора раза превысили показатель США, а импорт рос почти вдвое быстрее. При этом КНР уже вплотную придвинулась к странам всего Евросоюза по объему «внешнего» экспорта. Иначе говоря, если исключить из мировой торговлю внутри ЕС (в составе 27 стран), ведущим мировым экспортером в 2010 г. оставался Евросоюз (15% мирового итога), а на втором месте утвердился Китай (13,3%).

Впрочем, многие исследователи считают, что даже эти внушительные цифры недостаточно полно отражают реальный вес КНР в мировой торговле. Дело в том, что значительная часть произведенной в Китае продукции попадает на внешний рынок по каналам приграничной и челночной торговли без полной регистрации таможенными органами.

Динамика китайского экспорта отличается устойчивостью. Он менее подвержен кризисным явлениям в мировой торговле: в 2009 г. снижение на 16% было значительно ниже, чем в целом по миру (23%). Другая причина — широкий ассортимент вывоза, низкая

Салицкий Александр Игоревич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН и ИДВ РАН. E-mail: sal.55@mail.ru.

Томберг Игорь Ремуальдович, кандидат экономических наук, руководитель Центра энергетических и транспортных исследований ИВ РАН. E-mail: itomberg@mail.ru.

зависимость от отдельных товарных групп. Высокие среднегодовые темпы роста экспорта в целом за 2006—2010 гг. (15,7%)¹ достигнуты при скромном и даже негативном воздействии ценового фактора: повышения цен на электронику на мировом рынке в эти годы практически не было, а на традиционные трудоемкие изделия цены даже снизились.

Таблица 1.

Доля отдельных стран и групп стран в мировом экспорте товаров в 1948—2010 гг., %

	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2009	2010
КНР	0,9	1,2	1,3	1,0	1,2	2,5	5,9	9,9	10,4
Шестерка*	3,4	3,0	2,5	3,6	5,8	9,7	9,6	9,6	9,
США	21,7	18,8	14,9	12,3	11,2	12,6	9,8	8,7	8,4
Германия	1,4	5,3	9,3	11,7	9,2	10,3	10,2	9,2	8,3
Япония	0,4	1,5	3,5	6,4	8,0	9,9	6,4	4,8	5,1
БСВ**	1,9	2,7	3,2	4,1	6,8	3,5	4,1	5,7	6,2
Великобритания	11,3	9,0	7,8	5,1	5,0	4,9	4,1	2,9	2,7
Индия	2,2	1,3	1,0	0,5	0,5	0,6	0,8	1,3	1,4
СССР/СНГ	2,2	3,5	4,6	3,7	5,0	1,5	2,6	3,7	4,0

* Сингапур, Малайзия, Тайвань, Гонконг, Таиланд, Республика Корея.

** Ближний и Средний Восток (Бахрейн, Израиль, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия и Сирия).

Источники: *International Trade Statistics 2010. Geneva, 2010. P. 14; World Trade 2010, Prospects for 2011. Geneva, 2011. P. 19, 21.*

Таблица 2.

Доля отдельных стран и групп стран в мировом импорте товаров в 1948—2010 гг., %

	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2009	2010
США	13,0	13,9	11,4	12,3	14,3	15,9	16,9	12,9	12,8
Шестерка*	3,5	3,7	3,1	3,7	6,1	10,3	8,6	8,8	9,5
КНР	0,6	1,6	0,9	0,9	1,1	2,7	5,4	8,1	9,1
Германия	2,2	4,5	8,0	9,2	8,1	9,0	7,9	7,6	6,9
Япония	1,1	2,8	4,1	6,5	6,7	6,4	5,0	4,4	4,6
БСВ**	1,7	2,0	2,2	2,6	6,2	3,3	2,7	4,0	3,8
Великобритания	13,4	11,0	8,5	6,5	5,3	5,5	5,2	3,9	3,7
Индия	2,3	1,4	1,5	0,5	0,7	0,6	0,9	2,0	2,1
СССР/СНГ	1,9	3,3	4,3	3,6	4,3	1,2	1,7	2,7	2,8

* Сингапур, Малайзия, Тайвань, Гонконг, Таиланд, Республика Корея

** Ближний и Средний Восток (Бахрейн, Израиль, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия и Сирия).

Источники: *International Trade Statistics 2010. Geneva, 2010. P. 15; World Trade 2010, Prospects for 2011. Geneva, 2011. P. 19, 21.*

При этом КНР становится одним из самых устойчивых рынков сбыта. И дело не только в превышении темпов роста импорта над темпами роста экспорта. Элиминировав ценовой фактор (и получив физический объем экспорта и импорта), эксперты ВТО обнаружили, что в кризисном для мировой торговли 2009 г. Китай даже увеличил импорт на 2,9% при сокращении мирового показателя на 12,8%².

Выход Китая на лидирующие позиции в международной торговле в новом веке означал дальнейшее и существенное расширение сферы действия ценовой конкуренции

на мировом рынке. Она распространилась не только на трудоемкие товары традиционных отраслей промышленности (текстильную, швейную, обувную). Бытовая и промышленная электроника, потребительские товары длительного пользования, производственное оборудование — все это стало сферой острой ценовой конкуренции.

Однако события кризиса отчетливо показали, что дело не только в ценах и валютном курсе. В 2009 г. экспорт КНР упал менее глубоко, чем у других азиатских стран при сохранении стабильного курса юаня в отношении доллара США и существенном снижении валютных курсов у конкурентов (табл. 3). Здесь в полной мере сказывается уже принципиально иной фактор: наличие в КНР комплексной промышленной системы, позволяющей успешно проводить локализацию экспортного производства (об этом ниже).

Таблица 3.

Среднегодовые курсы валют к доллару США

Страны	2001	2005	2006	2007	2008	2009	2001–2009*
КНР	8,3	8,2	8,0	7,6	7,0	6,8	+22,0
Индия	47,2	44,1	45,3	41,4	43,5	48,4	-2,5
Индонезия (тыс.ед.)	10,3	9,7	9,2	9,1	9,7	10,4	-0,9
Таиланд	44,4	40,2	37,9	34,5	33,3	34,3	+29,4
Филиппины	51,0	55,1	51,3	46,2	44,3	47,7	+6,9
Республика Корея	1291	1024	955	929	1102	1277	-1,0
Малайзия	3,8	3,8	3,7	3,4	3,3	3,5	+8,5
Тайвань	33,8	32,2	32,5	32,8	31,5	33,1	+0,2
Сингапур	1,8	1,7	1,6	1,5	1,4	1,5	+20,0
Вьетнам (тыс.ед.)	14,7	15,9	16,0	16,1	16,3	17,1	-16,3
Япония	121,5	110,2	116,3	117,8	103,4	93,6	+29,8

* Рост (+), снижение (-) в %

Рассчитано по: Key Indicators for Asia and the Pacific 2010. — www.adb.org/statistics

Хорошо виден на примере последнего десятилетия и еще один важный процесс: сближение уровней внутренних цен в ряде ведущих восточноазиатских экспортеров — за исключением Японии (табл. 4).

Таблица 4.

Уровень внутренних цен по отношению к ценам в США, %

Страны	2000	2005	2006	2007	2008	2009
КНР	40,3	42,1	43,4	47,6	54,7	54,0
Индия	30,3	33,3	32,9	36,9	36,4	33,6
Индонезия	33,3	40,5	47,5	51,6	56,3	56,3
Таиланд	40,0	39,6	42,9	47,5	50,0	49,0
Филиппины	42,7	39,5	43,2	48,2	52,8	49,6
Республика Корея	65,9	77,0	79,9	81,5	69,1	60,9
Малайзия	44,4	45,8	47,6	51,6	56,3	56,3
Тайвань	72,5	60,1	56,8	54,6	54,6	51,7
Сингапур	69,5	64,8	66,7	72,3	76,2	71,9
Вьетнам	28,4	29,7	30,6	32,1	37,7	37,8
Япония	143,6	117,5	106,9	101,9	112,7	121,8

Источник: Key Indicators for Asia and the Pacific 2010. — www.adb.org/statistics

Но и для Японии (и в какой-то степени Германии) Китай остается «платформой», на которой промышленно развитые страны (и корпорации, делающие ставку на снижение издержек) повышают свою глобальную конкурентоспособность. Несколько особняком от всей этой группы стоят США, чьи корпорации в целом исповедуют несколько иную тактику — агрессивного захвата рынков. Она не везде приводит к успеху. От этого в значительной мере образовался и торговый дефицит США в отношениях не столько с Китаем, сколько со всей группой восточноазиатских экспортеров (табл. 5).

Таблица 5.

Внешняя торговля КНР в 2010 г.

Страны и группы стран	Экспорт		Импорт		Сальдо, млрд долл.
	Млрд долл.	прирост, %	Млрд долл.	Прирост, %	
Всего	1577,9	31,3	1394,8	38,7	+183,1
ЕС	311,2	31,8	168,5	31,9	+142,7
в т.ч.: Германия	68,1	36,3	74,3	33,4	-6,2
США	283,3	28,3	102,0	31,7	+181,3
Япония	121,1	23,7	176,7	35,0	-55,6
АСЕАН	138,2	30,1	154,6	44,8	-16,4
Республика Корея	68,8	28,1	138,4	35,0	-69,6
Гонконг	218,3	31,3	12,3	40,9	+206,0
Тайвань	29,7	44,8	115,7	35,0	-86,0
Индия	40,9	38,0	20,8	51,8	+20,1
Россия	29,6	69,0	25,8	21,7	+3,8

Источник: Чжунхуа жэньминь гунхэго 2010 нянь гоминь цзинцизи хэ шэжуй фачжань тунцизи гунбао. — stats.gov.cn

Новое международное разделение труда, формирующееся на базе китайской промышленной платформы, таким образом, оставляет США за рамками клуба ведущих экспортеров.

Насколько Китай зависит от внешнеэкономических связей?

Еще события азиатского валютно-финансового кризиса 1997—1998 гг., как представляется, показали успех постепенной адаптации Китая к мировому хозяйству, дав толчок дальнейшей либерализации его внешнеэкономической политики. Годы противодействия финансовому кризису на Западе поставили перед исследователями новую проблему. Выяснилось, что китайская экономика не только обладает стойким иммунитетом к финансовым болезням современного мира, но и способна сохранять высокие темпы экономического роста при значительном сокращении экспорта.

Учитывая, что темпы роста экспорта в новом веке превосходили темпы экономического роста и отношение вывоза к ВВП увеличилось, правомерен вопрос, вынесенный в подзаголовок. Напомним, что в 1997 г. отношение внешней торговли КНР к ее ВВП достигло 42% (в пересчете по валютному курсу) и несколько снизилось в следующие два года. В 2008 г. этот же показатель (его часть называют «экспортной квотой») достиг 57%.

Казалось бы, куда более глубокий, почти 14-процентный, спад внешней торговли Китая в 2009 г. (по сравнению с 1998 г., когда снижение составило всего 0,4%) должен был повлечь серьезные нарушения в воспроизводстве и тяжело отразиться на темпах роста (табл. 6). Однако этого не случилось: в 2009 г. темпы роста упали незначительно, а в 2010 г. — существенно повысились (в 1998 и 1999 гг. они последовательно снижались).

Таблица 6.

Темпы роста внешней торговли и ВВП КНР в 1997—1999 и 2008—2010 гг., %

	1997	1998	1999	2008	2009	2010
ВВП	8,5	7,8	7,1	9,6	9,2	10,3
Экспорт	21,0	0,5	6,1	17,2	-16,0	31,3
Импорт	2,5	-1,5	18,2	18,5	-11,2	38,7

Источник: ГСУ КНР. — stats.gov.cn

Получается, что динамика экспорта и ВВП в Китае не очень-то тесно связаны, а рост «экспортной квоты» мало что меняет. Такое заключение, на первый взгляд, несколько противоречит относительно известному факту — росту добавленной стоимости в цене экспорта и его растущей локализации.

Как известно, сборка готовых изделий из импортных компонентов и переработка давальческого сырья (processing trade, «цзягун маои») — важный сегмент экспортного сектора Китая. Стратегия повышения доли стоимости, добавленной на территории КНР, последовательно проводится в жизнь: постепенно повышается соотношение между стоимостью экспорта и импорта в этом сегменте внешней торговли (с 1,2 — в 1994 г. до почти 1,8 в 2010 г.). При этом в годы 11-й пятилетки удельный вес «цзягун маои» сократился с 48,6 до 38,9%³, что находится в русле упомянутой стратегии. Сократилась в этот период и доля во внешней торговле КНР предприятий с иностранным участием, особенно сильно тяготеющих к этой форме (табл. 7).

Таблица 7.

Доля предприятий с иностранным участием во внешней торговле КНР, %

	1997	1998	1999	2000	2001	2005	2008	2009	2010
Экспорт	41,0	44,0	45,5	47,9	50,1	58,3	55,3	56,0	54,6
Импорт	54,6	54,7	51,8	52,1	51,7	58,7	54,7	54,2	52,9

Источник: ГСУ КНР. — stats.gov.cn

Тем не менее, похоже, что экономика Китая еще меньше зависит от внешней торговли, чем в годы азиатского кризиса. На наш взгляд, это связано с ее новым качеством: инвестиционный и потребительский спрос внутри страны стали, в том числе в результате успеха антикризисных мер, главными двигателями развития. Пресловутая «экспортная квота» оказалась в результате дезориентирующим показателем. «Посыпались» и многочисленные прогнозы, предвещавшие кризис китайской экономики вследствие сокращения внешнего спроса. Кредитная накачка и повышение нормы накопления (во второй половине 1990-х гг. ситуация была обратной — норма накопления снижалась) в немалой мере компенсировали это сокращение. В экспортном же секторе в ходе кризиса закрылись наиболее слабые предприятия.

Другой важной причиной относительной неуязвимости Китая была, по-видимому, достаточно успешная переориентация части экспорта на внутренний рынок — в том числе по причине роста доходов предприятий и населения. Возможно, этому как-то способствовали сокращение доли «цзягун маои» и дальнейшая локализация экспортного производства, в том числе частным сектором, быстро увеличивающим свою долю во внешнеэкономических связях. Определенную роль сыграло и нецелевое использование экспортным сектором дешевых кредитов, ухидивших на местный рынок недвижимости.

Снижается и зависимость Китая от зарубежного капитала. Рост среднегодового притока ПИИ в 2006—2010 гг. (11,9%) и внушительный общий объем этого притока (426 млрд долл.⁴) не меняют общей картины уменьшения доли ПИИ в общем объеме инвестиций — примерно до 2—3% к концу периода с 4—6% в его начале. При этом растет доля ПИИ, направляемых в центральные и западные регионы страны и сферу услуг. Существенно повысился объем иностранных инвестиций в одно предприятие.

Куда более высокими темпами (почти 40% в год в 11-й пятилетке) рос экспорт капитала из Китая. Объем накопленных прямых зарубежных инвестиций КНР (в нефинансовый сектор) составил в конце 2010 г. 246 млрд долл. (59 млрд долл. инвестировано в 2010 г.).

Очевидно, что хозяйство Китая достигло капиталозбыточной стадии развития, что в значительной мере меняет картину отношений между национальным и пришлым капиталом внутри страны, а также в мировой экономике в целом. Сдвиги внутри быстро меняющегося и мало уязвимо китайского хозяйства оказываются более весомыми факторами глобализации, чем вялое восстановление в развитых странах.

Таблица 8.

Мировая торговля услугами отдельных стран в 2010 г., млрд долл., %

	Экспорт		Импорт	
	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%
США	515	14,1	358	10,2
Германия	230	6,3	256	7,3
Великобритания	227	6,2	156	4,5
КНР	170	4,6	192	5,5
Франция	140	3,8	126	3,6
Япония	138	3,8	155	4,4
Сингапур	112	3,0	96	2,7
Индия	110	3,0	117	3,3
Гонконг	108	2,9	51	1,5
Республика Корея	82	2,2	93	2,7
Россия	44	1,2	70	2,0
Всего	3665	100	3505	100

Источник: *World Trade 2010, Prospects for 2011. Geneva, 2011. P. 23.*

К этому остается прибавить заметное усиление позиций Китая на мировом рынке услуг. Если сложить хозяйства КНР и Гонконга, то «сумма» окажется на втором месте в мире с крупным положительным сальдо (табл. 8).

Кто в выигрыше?

Таким образом, рост накопления в Китае благотворно сказался на устойчивости сбыта внутри страны и интересах стран-партнеров. Кредитная накачка, безусловно, дошла до реального сектора и в конечном счете улучшила ситуацию в мировой торговле и экономике. Бенефициарами в немалой мере оказались не только восточноазиатские соседи (и отчасти Германия) — то есть страны, не терявшие времени в развитии производственного сотрудничества с КНР, но и экспортеры минерально-сырьевых ресурсов. Доля минерального сырья и топлива в импорте КНР, заметим, стабильно повышалась в течение всей 11-й пятилетки, увеличившись с 20,3% в 2005 до 28,7% в 2010 г.⁵

Несомненно, что именно Китай в последние годы оказал решающее воздействие на формирование мировых цен по ряду товаров. Особенно значительный рост цен на

уголь и железную руду, вне всяких сомнений, вызван именно китайскими закупками (табл. 9).

Таблица 9.

Изменение мировых цен на некоторые сырьевые цены (цены 2005 г. = 100)

	2000	2005	2007	2008	2009	2010
Железная руда	44	100	130	216	155	257
Алюминий	82	100	139	136	88	110
Медь	49	100	194	189	141	191
Натуральный каучук	46	100	153	174	126	237
Пшеница	78	100	167	214	147	116
Рис	71	100	116	243	205	166
Хлопок	107	100	115	124	114	163
Кофе	76	100	129	150	132	153
Нефть	53	100	133	182	116	147
Природный газ	60	100	117	174	110	112
Уголь	53	100	138	266	149	206
Сырьевые товары	59	100	135	172	119	144

Источники: *International Trade Statistics 2010. Geneva, 2010. P. 234.*

Отметим, что в тяжелом для мировой торговли 2009 г. КНР очень выручила экспортеров топливных ресурсов. В стоимостном выражении импорт сократился на 27% (составив 124 млрд долл., или 12,3% импорта страны) против сокращения импорта в США на 44% (279 млрд долл., или 17,5% импорта)⁶. В условиях кризиса Китай стал фактически единственным драйвером углеводородного спроса, сделав важный вклад в обеспечение стабильности на нефтегазовых рынках. Данные о потреблении и закупках нефти со стороны КНР начинают оказывать все большее влияние не только на цены, но и на будущую структуру мирового энергетического рынка, стимулируя более интенсивный поиск заменителей, энергосбережение и т.п.

Точно так же монетарная политика КНР на фоне растущей экономической мощи влияет на состояние глобальных рынков. В октябре 2010 г. сообщение о повышении НБК процентных ставок по кредитам и депозитам впервые в истории вызвало коррекцию на финансовых рынках. В дальнейшем аналогичные меры оказывали воздействие и на цены: золота, меди, котировки Brent и Light Sweet.

Очевидно, что китайское хозяйство достаточно успешно справляется с повышением долларовых цен на импортное сырье, а также быстрым ростом внутренних цен и тарифов. Менее высокая зависимость от ввоза топлива, чем в старых мировых центрах (США, ЕС, Япония) является еще одним важным фактором устойчивости хозяйства Китая. Начавшаяся интенсификация и сервисизация китайской экономики, отсутствие гипертрофии финансового сектора, крупных долгов у государства и частного сектора означают определенность благоприятной перспективы развития. Понятно, что выигрыш от дальнейшего усиления Китая распределится пропорционально умению партнеров выстроить адекватные стратегии на правительственном, корпоративном и региональном уровнях, их координации и т.д.

Повышение курса юаня, снижение интереса Пекина к росту валютных поступлений, энергичный поиск им новых сфер приложения капитала объективно повышают значение Китая для России.

Финансовый кризис на Западе и широкая интоксикация глобальной финансовой сферы выявили и очевидные достоинства банковской системы и механизмов валютно-финансового контроля в КНР. Более тесное взаимодействие с Китаем в этой области вы-

глядит не менее важной задачей, чем пока еще туманная программа создания в России международного финансового центра.

Специалисты отмечают, что интернационализация юаня идет намного быстрее, чем ожидалось. По расчетам экономистов Standard Chartered, за ближайшие 2—3 года доля таких платежей может достигнуть 20—30% внешней торговли Китая. Выигрыш от диверсификации расчетов с китайской стороной во многом будет зависеть от успеха назревших изменений в валютной политике стран-партнеров.

Бурные события в мировой экономике и политике в последние три-четыре года актуализируют задачу повышения устойчивости российского хозяйства, едва выдержавшего удары финансового кризиса. Понятно, что решающую роль в стабилизации экономики и ее переводе на модернизационные рельсы сыграют внутренние факторы. Вместе с тем, оценки существа происходящих в мировом хозяйстве перемен могут помочь в определении зон устойчивости, связи с которыми означают дополнительные возможности защиты от новых (увы, вполне вероятных) штормов. В условиях повышенной волатильности валютно-финансовой сферы в странах Запада снижение рисков для реального сектора на путях форсированного развития связей с Китаем выглядит вполне естественным направлением внешнеэкономической политики России.

1. http://stats.gov.cn/tjfx/zlfx/sywcj/t20110301_402706119.htm.
2. World Trade 2010, Prospects for 2011. Geneva: WTO, 2011. P. 5.
3. http://stats.gov.cn/tjfx/zlfx/sywcj/t20110302_402706681.htm.
4. Там же.
5. Там же.
6. International Trade Statistics 2010. Geneva: WTO, 2010. P. 56.

Дискуссионная трибуна

Китайская модернизация: некоторые подсказки для России

© 2011

А. Ларин

Сопоставление процессов модернизации в Китае и России показывает: ключевым фактором ее успеха является качество власти — она должна обладать высокой степенью дееспособности и при этом быть кровно заинтересованной в глубоком преобразовании общества. Такая заинтересованность возникает, если страна сталкивается с критическими вызовами, угрожающими ее существованию, а правящий класс осознает нераздельность судеб страны и своей собственной. Необходимым условием успеха реформ является также зримое повышение народного благосостояния.

Ключевые слова: модернизация, реформы, авторитарность, политическая воля, политическая ответственность, жизненный уровень, народное благосостояние

Все проекты реформ, появившиеся в СССР/России на рубеже 1980–90-х гг., так или иначе были построены на идеях рынка и многопартийности, пришедших из западных источников*. Это было вполне естественно, поскольку наиболее развитые страны Запада к этому времени далеко обогнали СССР по качеству жизни, по темпам роста, по успехам в области научно-технического прогресса. Запад охотно демонстрировал свои достижения многочисленным представителям советской интеллигенции, посещавшим Западную Европу и США — собственно, это было частью его политики — и те имели возможность воочию убедиться в преимуществах западного образа жизни и изучить в какой-то мере его основы — механизмы рынка и демократии. Успехи далеко не демократической КНР с ее новой стратегией реформ и открытости в то время еще не были столь впечатляющими.

К этому же времени совершили свои модернизационные рывки Тайвань и три других «малых дракона Азии» с тоталитарными или авторитарными режимами, но опыт этих небольших обществ никак не мог перевесить значимость демократической модели,

Ларин Александр Георгиевич, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Китая, кандидат филологических наук. Тел. 8 (499) 124-08-28. E-mail: larin@ifes-ras.ru
Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-95142/тау «Модернизация в России, Китае и на Тайване. Общее и особенное»

подтвердившей свою эффективность не только во многих государствах Запада, ни и в Японии.

Между тем в течение 1990-х и особенно 2000-х гг. поразительное по темпам движение КНР по пути модернизации, инициированное и осуществляемое однопартийной, по сути дела тоталитарной (по мнению ряда экспертов, авторитарной) властью, позволило стране качественно нарастить экономическую мощь и превратиться во вторую сверхдержаву. Однако те гигантские преобразования, которые происходили в Китае, мало интересовали российских реформаторов. Лишь отдельные политики и эксперты-китаеведы из академической среды призывали обратить внимание на китайский опыт, но их голоса не были услышаны нашими творцами реформ. На это имелись свои причины.

Китайское общество очевидным образом резко отличалось от российского (аграрная страна, застарелая перенаселенность, дешевая рабочая сила и т.д.), и китайский опыт выглядел абсолютно неприменимым в российской реальности. С другой стороны, в российской реформаторской среде уже сложились твердые надежды на оздоровительный эффект многопартийности, которая отождествлялась с демократией. Главное же, для основных социальных сил, направлявших ход реформ, всепоглощающим императивом была скорейшая приватизация основных национальных богатств, и пример Китая с его осмотрительной поступью к новым рубежам был им попросту противопоказан.

Изначально развиваясь по существенно разным планам, реформы в России и Китае оказались несопоставимыми по эффективности. За истекшие два десятилетия модернизация в России так и не началась, напротив, в обиход вошло непривычное поначалу слово «демомодернизация». Ни на один из фундаментальных вызовов, стоявших перед нацией, так и не был найден ответ, стратегия развития даже не намечена.

Сегодня вопрос о модернизации по-прежнему стоит в повестке дня, будучи осознан все более значительной частью общества как критический для существования государства. Но теперь общественный интерес к достижениям КНР заметно возрос. Стало привычным явлением сравнение России и Китая в средствах массовой информации. Множество россиян, посетив Поднебесную, особенно если это впервые, спешат поделиться с читателями своими впечатлениями о том, как далеко она ушла вперед от нас в том или ином отношении. В академических дискуссиях, посвященных проблемам модернизации в России, все чаще вспоминают о Китае. Однако систематическое научное изучение двух параллельных процессов обновления усложняется тем обстоятельством, что специалист по одной стране обычно не обладает равноценными знаниями о другой стране. Как показывает опыт, китаеведы обычно лучше знакомы с российской действительностью, чем их коллеги-специалисты по России — с китайской, поскольку китаеведы знакомы с российской жизнью по собственному опыту, а кроме того, изучать Китай из России невозможно, ничего не зная о России. Представления же российских теоретиков модернизации о Китае подчас оказываются приукрашенными, в них отражается потребность человеческого разума в создании для себя некоей высокой мечты, идеала, каковыми в разное время для разных людей служили эдем, коммунистическое общество, а последние десятилетия — образ западной демократии. К настоящему времени мы имеем ряд серьезных исследований компаративного плана, выполненных нашими китаеведами: М.Л. Титаренко¹, Я.М. Бергером², А.В. Виноградовым³, А.В. Островским⁴. Отдельно нужно отметить капитальную монографию В.Ф. Бородича⁵, специально посвященную сопоставлению реформ в двух странах.

Вообще говоря, сопоставление интересующих нас процессов является многоплановой задачей. Можно проводить сравнение тех или иных конкретных сегментов общественного механизма, например: инвестиционное законодательство двух стран, их ин-

вестиционный климат, взаимоотношения государства и бизнеса, кадровая политика, борьба с коррупцией, борьба с «утечкой мозгов», и т.п. Таким образом можно наверняка почерпнуть много полезного, заимствовать те или иные организационные приемы. Это — работа и для страноведов, и для отраслевых специалистов. Можно попытаться проанализировать наиболее глубинные черты модернизации, относящиеся к области теории, с тем чтобы выявить факторы, обеспечивающие ее успех. Заимствовать такие факторы, разумеется, невозможно, но они могут служить аргументами в дискуссиях и способствовать лучшему пониманию наших возможностей и путей нашего развития. Сила этих аргументов — в том, что они берутся из жизни, а не выводятся путем умозрительных рассуждений. На одном из таких факторов мы и хотим сосредоточиться в предлагаемой статье.

Не вдаваясь в тонкости понятия «модернизация», мы ограничимся в рамках данной работы следующим пониманием ее задач: обеспечение конкурентоспособности государства на международной арене; устойчивое повышение уровня благосостояния народных масс — не имея в виду, конечно, периоды международных кризисов; то и другое — на основе развития несырьевых отраслей экономики, посредством вывода страны на передовые рубежи научно-технического прогресса, в том числе путем создания собственных инновационных продуктов.

Как нам представляется, решающим фактором успеха китайской модернизации в период реформ и открытости является характер власти в КНР. Вопрос о характере власти в Китае обладает очевидной актуальностью для современной России, где после демократической волны 1990-х набрала силу этатистская идеология («суверенная демократия») и постоянно возникают дискуссии на тему: является ли условием модернизации России демократия или авторитаризм? Произошедший крен российского общества в сторону крепкой власти — это благо или препятствие для выхода страны из состояния отсталости? Именно в этой связи в первую очередь внимание общественности обращается к Китаю: что нам может подсказать китайский опыт? Ведь в конце концов в настоящее время обе страны при всех различиях между ними находятся в состоянии догоняющего развития, и чем дальше, тем ближе становится Россия к состоянию, уже пройденному Китаем.

(1). Мы полагаем, что залогом успешного проведения модернизации в Китае является сильное государство. Только сильное государство способно направлять ход реформ, осуществлять глубокие преобразования в экономической, социальной и политической сферах, контролировать и направлять деятельность бизнеса в интересах общества, обеспечивать поддержку реформ населением. Конечно, способность руководства КНР управлять ходом реформ имеет свои границы, за пределами которых находятся широко распространившаяся коррупция, непрозрачные формы приватизации с сомнительной пользой для общества в целом, растущий разрыв между полюсами богатства и бедности, накопление социального недовольства, массовые протестные выступления крестьян. Тем не менее, в целом по способности отвечать на возникающие вызовы Китай остается для нас образцом.

Интересно, что из всех свойств китайской государственной машины, определяющих ее высокую модернизационную дееспособность, особое внимание россиян привлекает компетентность правящей элиты, высокое качество работы аппарата управления страной во всех его звеньях. Это свойство, отмеченное многими нашими предпринимателями, поработавшими в Китае, как непривычная для россиян четкость работы чиновников, завидное отсутствие бюрократизма, обращает на себя внимание и теоретиков модернизации, в том числе российских. Размышляя, откуда в однопартийных системах берутся такие достоинства, наши эксперты приходят к выводу: «Успешные авторитарные

режимы отличаются двумя ключевыми чертами — регулярной ротацией руководителей и меритократией (системой, поощряющей карьерный рост по заслугам, а не в силу лояльности или коррупции). Именно так устроена система власти в Китае и, к сожалению, не так — в России»⁶.

Грамотность власти, четкость в постановке задач позволили китайскому государству в полной мере использовать стартовые преимущества Китая: дешевую рабочую силу при наличии огромного внешнего рынка, невысокий уровень социальных притязаний населения, привлекательные для инвесторов потенциальные масштабы внутреннего рынка. Эффективно были использованы и «внешние» преимущества: существование Тайваня с его ценным опытом аграрной реформы, структурных перестроек экономики, индустриализации и усвоения новых информационных технологий; наличие огромной мировой китайской диаспоры — пойдя на сближение с нею в соответствии с принципами политики открытости, лидеры Китая получили возможность использовать в целях модернизации ее инвестиции и предпринимательский опыт. Преимуществом оказалась и возможность наблюдать за гораздо более радикальными и быстрыми политическими и экономическими преобразованиями в СССР/России. Их ход подвергся тщательному анализу и укрепил руководителей Китая в убеждении, что только твердая власть способна перестроить страну на современный лад.

У России на момент начала реформ были свои огромные преимущества перед Китаем: мощный научно-технический потенциал, сосредоточенный, правда, главным образом, в военно-промышленной сфере и нуждавшийся в обновлении, а также высококвалифицированный человеческий капитал, воспроизводившийся благодаря налаженной системе образования. Советскими специалистами (Ю.В. Яременко) была разработана модель перестройки экономики СССР, которая позволила бы подготовить ее к условиям открытости и рынка. Увы, в ходе реформ эти достижения Советского Союза не были востребованы. Наоборот, плоды многолетнего труда и лишений всего народа были бездарно растрачены, экономика и система образования деградировали, и это резко сократило возможность модернизации страны.

Компетентность властной элиты обусловила способность китайского авторитарного режима к совершенствованию его институтов. За годы реформ тоталитарный характер государства заметно смягчился. Появилась определенная свобода слова, стали возникать зачатки гражданского общества. Провозглашаемое и проводимое руководством страны развитие политической демократии подразумевает систематические консультации чиновников с трудящимися, высших инстанций с низшими, что позволяет органам власти полнее учитывать реальную ситуацию и более точно реагировать на требования масс. Будучи на деле в значительной степени формальной и урезанной, система демократических консультаций, тем не менее, играет явно положительную роль, помогая власти корректировать ход реформ. Заметной вехой в деле реформирования самой власти стало введение системы «трех представительств», открывшее дверь в партию для предпринимателей и зафиксировавшее таким образом трансформацию КПК из классовой организации в общенациональную и тем самым способствовавшее укреплению режима, а также сплочению нации.

Что же касается нашей страны, то в СССР государственная власть дискредитировала себя и начала слабеть еще при Н.С. Хрущеве, после отказа от массовых репрессий; утратила большую долю авторитета в период застоя, при Л.И. Брежнев, и при последующих сменах власти становилась все более слабой. Без инструментов принуждения и без экономических стимулов советская власть была обречена.

В новом государстве — Российской Федерации власть оказалась раздерганной по разным ведомствам, структурам и кланам. Отчасти ослабление роли государства носило сознательный характер: упразднив однопартийную диктатуру КПСС, раздав за бесценку огромную часть промышленного потенциала страны и приняв на вооружение догму о необходимости ухода государства из экономики, новая власть разрушила каркас, который плохо ли, хорошо ли скреплял общество и определял его деятельность. Государство лишилось способности регулировать важнейшие процессы в обществе, из-за чего они приобрели полустихийный характер. Коррупция приобрела угрожающие масштабы. Госаппарат оказался не в состоянии — и, по-видимому, не особенно стремился — держать под контролем ни уплату налогов крупными компаниями, ни расходование бюджетных средств, ни соблюдение принятых законов. Единственное, пожалуй, в чем проявляется сила государства — это успешная ликвидация сколько-нибудь значительной оппозиции, достигаемая частично путем ее подавления, а главным образом — посредством закулисных махинаций, а также установление негласного контроля над СМИ.

Вряд ли возможно сегодня однозначно спроектировать конструкцию сильной государственной власти для России. В принципе это может быть и демократическая власть с ее системой сдержек и противовесов, гражданским обществом и свободной прессой; и авторитарный режим, где у руля стоят по государственному мыслящие политики; и, наконец, некий «полуавторитарный» гибрид того и другого наподобие тех, которые возникли в Японии после 1945 г. или в Индии после 1947 г. «Проблема состоит не в антагонизме между авторитаризмом и демократией, а в создании эффективной власти», — отмечает А.В. Виноградов⁷. Однако, если не отбрасывать априори опыт Китая, а также Тайваня (и других новых индустриальных стран) как заведомо не подходящий для нас, придется признать, что по крайней мере на современном этапе реформации авторитарный вариант вполне может быть эффективным. Это тем более убедительно, что Россия по мере утраты своего научно-технического, промышленного и человеческого потенциала все больше начинает походить на Китай 80–90-х, переживавший в тот период начальную стадию догоняющего развития. Или на Тайвань 60–80-х годов, проходивший этап импортозамещения и индустриализации.

В пользу этого варианта говорит, между прочим, и то обстоятельство, что авторитарная тенденция в России получила поддержку масс, и не напрасно: авторитарный строй при всех его издержках и пороках сумел поднять качество жизни широких слоев населения, смягчить разрушительные последствия «лихих» 90-х годов. Неверно, как это делают некоторые эксперты, объяснять такое поведение масс якобы изначально присущими россиянам национальными чертами: «холопством», пассивностью и т.п. Одна из исторических причин проявления этих качеств — коллективная память о репрессиях и подавлении личности в Советском Союзе; вторая — это печальный опыт 90-х, когда государственная власть, пользуясь бессилием народа и укрепляя в нем ощущение бессилия, из года в год демонстрировала полное пренебрежение к нуждам рядового человека (взять ту же приватизацию, массовые невыплаты мизерных зарплат, невыполнение социальных обязательств). Наличие при этом всеобщих выборов и других демократических свобод лишь дискредитировало эти свободы. Патерналистские настроения, в которых ныне упрекают народ, его склонность к «сильной руке» в значительной мере представляют собой реакцию на безвластие 90-х.

(2). Конечно же, авторитарный режим сам по себе может и не быть творцом модернизации, какие бы громкие заявления о реформаторских намерениях от него ни исходили. Китайский авторитаризм таковым является; российский же, более мягкий, эксперты с полным основанием называют «модернизационно недееспособным», «модерниза-

ционно непродуктивным»⁸. Для того, чтобы авторитарный режим смог провести модернизацию, у руля власти должна стоять большая и влиятельная группа руководителей, готовая проявить политическую волю, чтобы совершить эти преобразования. Мало того, она должна быть способна адекватно воспринимать реальность и осознавать необходимость требуемых преобразований и их масштаб. В Китае это условие выполняется, несмотря на соперничество внутри властной элиты или, может быть, благодаря ему; в России — нет. Говоря о необходимости модернизационного рывка в стране, В.Л. Иноземцев отмечает: «Все, однако, проваливается из-за отсутствия политической воли, которая могла бы осуществить такой прорыв»⁹.

В России в итоге приватизации сложился олигархический строй — альянс коррумпированной бюрократии и полукриминального бизнеса, с самого начала оказавшийся неспособным к реализации национальных интересов. Взаимоотношения между двумя составными частями альянса в 1990-е и 2000-е гг. претерпели заметную эволюцию: сначала ведущую роль играл олигархат, позже она перешла к чиновничеству. Была выстроена вертикаль власти. Однако все это мало изменило имманентную неспособность альянса к конструктивной реформаторской работе. Исключение составило повышение жизненных стандартов и некоторое сокращение бедности за счет наращивания экспорта природных ресурсов, прежде всего топливно-энергетического сырья.

В значительной мере новая элита замкнулась на обслуживании собственных интересов, мало чем отличаясь в этом плане от партийно-хозяйственной бюрократии советского времени. Имея фундаментом сырьевой экспорт и освоение бюджетных средств, получая огромные теневые доходы, она в основном удовлетворена сложившимся положением вещей, она не нуждается в модернизации и сопротивляется ей, поскольку модернизация грозит выбить этот фундамент из-под ее ног. А это означает, что модернизация невозможна без серьезных принципиальных изменений, касающихся и сложившейся системы политической власти, и ее социально-экономической основы, без урезания и освященных законом, и полученных в обход закона преимуществ правящей элиты. И это должна сделать сама власть. (Из чего, в свою очередь, следует, что Россию, если она действительно пойдет по пути модернизации, скорее всего, ожидает период серьезной политической борьбы).

В Китае феномен переключения власти на обслуживание собственных интересов за счет общенациональных, по крайней мере на современном этапе, не приобрел такого размаха, как в России. По всей видимости, коррупция и «политико-коммерческие альянсы» и там стали (или становятся) системными явлениями, однако там они не блокируют модернизацию, хотя и тормозят ее. В отличие от России государство в Китае ведет серьезную борьбу с коррупцией, в том числе на высоких этажах власти, что позволяет сдерживать ее рост.

(3). В свою очередь, политическая воля возникает как необходимое условие, чтобы дать адекватный ответ на актуальные вызовы, ставящие под вопрос жизненно важные интересы страны. Именно это мы наблюдаем в почти тоталитарном Китае и не наблюдаем в России — ни в демократической, какой она была в 90-е годы, ни в авторитарной, какой она стала в 2000-х.

Вполне закономерно, что в обеих странах императивом к коренным рыночным преобразованиям послужило острое кризисное положение в экономике: в КНР оно явилось следствием «культурной революции» и уравнительной экономической политики, навязанной стране Мао Цзэдуном; в России оно возникло в результате постепенной деградации экономики до состояния стагнации. В обеих странах упадок экономики сопровождался политическим кризисом. Однако на этом сходство заканчивается. В настоящее

время лидеров КНР подталкивают к осуществлению модернизации мощные императивы: необходимость обеспечить занятость для огромного населения, сохраняющего все еще значительный ежегодный прирост; дефицит многих важнейших природных ресурсов; экологические проблемы и т.д. Похожие императивы существуют и на Тайване. В России же подобные ресурсные вызовы отсутствуют; экологические проблемы существуют и обостряются, но еще не достигли такой остроты, как в КНР; депопуляция страны при всей ее катастрофической сути пока еще не давит на экономику с такой силой, как перенаселенность в КНР, компенсируясь посредством внешней миграции; а наличие относительно больших запасов углеводородов и других природных богатств позволяет не спешить с модернизацией.

(4). Даже при наличии самых жестких вызовов, объективно толкающих страну к модернизации, необходимо еще одно условие, чтобы правящие круги решились на реформы — это наличие в их сознании представления о нераздельности их собственной судьбы и судьбы всей страны. Потеря перспективы для страны должна восприниматься ими как утрата перспективы для самих себя. Именно такое представление порождает у власть имущих чувство ответственности за будущее страны и вынуждает к реальным действиям в ответ на вызовы, угрожающие стране. Данную ситуацию мы и наблюдаем в Китае. Сверх того, действительно государственный подход руководителей КНР к модернизации проистекает, как нам кажется, из ощущения принадлежности к великой нации с тысячелетней историей и богатейшей культурой, из чувства причастности к поразительному взлету нации в последние десятилетия.

Российской историей и культурой также, безусловно, вполне можно гордиться. Однако на патриотические чувства некоторых групп российской элиты, по-видимому, оказывают охлаждающее влияние созданные ими для себя за рубежом «запасные аэродромы», снижающие у их обладателей желание подвергать себя рискам модернизации. По-видимому, в этих условиях формирование политической воли к осуществлению глубокой модернизации будет формироваться долго, по мере того, как будут таять идущие на экспорт ресурсы и исчерпываться, показывая свою непригодность более легкие, частные, поверхностные реформы, и это будет болезненный процесс.

(5). В авторитарном Китае в стратегию реформ в качестве приоритетной сквозной задачи заложено повышение народного благосостояния — достижение на данном этапе уровня средней зажиточности («сяокан»). Помимо гуманитарных соображений, это обстоятельство обусловлено стремлением обеспечить условия для продолжения модернизации: укрепить социальную стабильность в стране, заручиться благожелательным отношением масс к реформам. Еще одним стимулом служит понимание того факта, что благосостояние масс является необходимой базой для создания человеческого потенциала, без которого реформы обречены на провал.

На практике, как мы уже отмечали, здесь не обходится без издержек и задержек, но в целом рост качества жизни благодаря повышению доходов населения и вследствие улучшения системы социального обеспечения налицо, и этим обеспечивается достаточно высокий уровень поддержки реформ снизу. Вкупе с другими впечатляющими достижениями Китая этот факт вызывает у граждан КНР чувство гордости за свою страну, превращает в подлинно национальную идею цель развития Китая, выведения его в число передовых государств, становится мощным фактором для продвижения модернизации.

Повышение жизненных стандартов было важнейшей задачей, решавшейся в ходе модернизации и на Тайване.

В более демократической России, хотя и провозглашенной «социальным государством», качество жизни масс если и растет, то крайне медленно, в условиях инфляции

почти неощутимо, резко контрастируя с ростом богатства на другом полюсе. Похоже, интерес государства к качеству жизни населения лимитирован сохранением приемлемого уровня социальной стабильности. Как следствие, общество оказывается расколотым, ни о какой живой национальной идее в таких условиях не может быть и речи, и модернизация не может стать общенациональной целью. Она станет таковой лишь в том случае, если народ почувствует на себе ее плоды.

(Отметим в порядке сравнения: средняя продолжительность жизни в России и в Китае в 1985 г. была примерно одинаковой: 67,5 лет. В 2010 г. в России она составила 69 лет, после ряда провалов выйдя на уровень 1970–1975 гг.; Китай же в 2010 г. приблизился к уровню среднеразвитых стран, имея показатель 73,5 лет)¹⁰.

(6) Сознывая свою ответственность за будущее страны, китайские руководители нацеливают реформы на повышение ее конкурентоспособности, на завоевание на мировом рынке нового пространства за пределами массового тиражирования товаров бытового назначения или даже машинотехнических изделий в дешевом варианте. Поэтому они придают первостепенное значение подъему науки и образования, инновационному развитию и не жалеют для этого сил и средств.

В России же на данном направлении наличествуют две тенденции. Ведущая тенденция — это «консервативная модернизация», которая заранее отводит стране вспомогательное место в мировом разделении труда, исходя из того, что претендовать на большее у России нет никаких оснований («производить у себя не «Мерседес», а колесо для «Мерседеса»)¹¹. Вторая тенденция — это робкая попытка организовать инновационный прорыв в научно-технической сфере, невзирая на отсутствие необходимых для этого научно-технических, экономических и социальных условий. В самом деле, в стране нет научных заделов, размыта научная среда, а главное, со стороны бизнеса нет спроса на инновации, поскольку он приспособился извлекать прибыль более простым путем: через установление монопольных цен, экспорт сырьевых ресурсов и дележ средств госбюджета. Управление развитием науки и образования, по всей видимости, подгоняется под задачи первой тенденции, что позволяет экономить бюджетные средства, но ведет к деградации интеллектуального потенциала страны.

Процесс модернизации в Китае протекает между двумя альтернативами: эффективностью и социальной справедливостью, склоняясь в разные периоды в сторону то одной из них, то другой, но в целом продвигаясь вперед. В России не получилось ни того, ни другого. Мы не хотим идеализировать ход реформ в КНР. Углубление приватизации, развитие частной собственности создают все более широкую базу для коррупции, для превалирования личных или корпоративных интересов над общественными в экономической деятельности, для обострения социальных противоречий. Однако успехи Китая, демонстрируемые даже в условиях финансово-экономических кризисов, говорят сами за себя.

Подытоживая сопоставительную характеристику власти в двух странах, мы можем сказать, прибегнув к марксистской терминологии, что сложившиеся в Китае производственные отношения вместе с соответствующей им государственной надстройкой открывают простор для развития производительных сил, тогда как в России производственные отношения и надстроенное над ними государство превратились в препятствие для роста производительных сил, мало того, разрушают их. В Китае власть занимается совершенствованием базиса и государственной надстройки, т.е. самой себя; в России то и другое подлежит кардинальному реформированию. Показательно, что в известном докладе Института современного развития (ИНСОР) «Обретение будущего. Стратегия 2012» необходимая для России модернизация охарактеризо-

вана как «кардинальный разворот — смена социума с ресурсного на инновационный, что сонзмеримо со сменой формаций»¹².

Итак, сильная государственная власть в сочетании с политической волей к проведению кардинальных преобразований (включая преобразование самой власти) и особым вниманием к проблемам народного благосостояния и к развитию науки и образования представляются нам решающими факторами для осуществления модернизации. Это — главный китайский урок теоретического плана для России.

Данный вывод подтверждается и примером Тайваня, где экономическая модернизация проводилась в 60–80-х авторитарным (почти тоталитарным) режимом, имевшим мощный стимул к созданию на острове развитой современной экономики: необходимость выстоять в конфронтации с материком и обеспечить лояльность населения.

Мы не утверждаем, что модернизационно дееспособная власть обязана быть авторитарной, как в Китае. Наш вывод подтверждает более осторожное положение, которое Дж. Гэлбрейт сформулировал следующим образом: «В условиях кризиса, когда требуются активные действия, инициатива всегда исходит от государства. Когда заявляют, что его роль должна быть сведена к минимуму, то это идеологический постулат, который лишен научной основы»¹³. Конечно, выглядит чрезвычайно заманчивой картина светлого будущего, когда авторитаризм станет «историческим рудиментом»¹⁴. Однако этому не противоречит мысль о том, что «модернизация требует авторитарного политического обеспечения, а демократизация возможна лишь на завершающем этапе»¹⁵ — тезис, в который легко вписывается китайский вариант модернизации. Вместе с тем, имеет свои резоны и противоположный взгляд: «В наших условиях без политических свобод не будет и полноценной экономической модернизации XXI века. Ибо только давление общества в цивилизованной форме позволит разорвать зловредный симбиоз власти и собственности»¹⁶.

В то же время пример Китая опровергает постулат либерализма о том, что роль государства должна быть сведена к минимуму. «Государство не может брать на себя ответственность за экономический рост — это дело бизнеса. Государство только содействует частной инициативе», — таково мнение крупнейшего российского экономиста, научного руководителя Высшей школы экономики Е.Г. Ясина¹⁷. Но в Китае дело обстоит как раз наоборот. Очевидно, данный тезис либерализма не должен абсолютизироваться: в одних условиях он может быть справедливым, в других — нет.

Опыт Китая отрицает также другой постулат либерализма: что быстрое развитие должно происходить за счет понижения уровня благосостояния населения путем сокращения социальных расходов. «Или экономическое «чудо», или уровень потребления», — считает Я. Паппэ (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН)¹⁸. С его точки зрения, при нынешнем положении в стране «покупать лояльность пенсионеров и бюджетного сектора — недопустимо». Урезание социальных расходов постоянно выдвигается экспертами из либеральных кругов в качестве одного из необходимых условий оздоровления экономики¹⁹. В ходе реформ в Китае жизненный уровень населения, наоборот, повышается, при том что дешевая рабочая сила является, по сути дела, единственным ресурсом для получения средств на модернизацию. В России нет необходимости экономить на социальных расходах: финансирование реформ может быть обеспечено, если пресечь разгул коррупции, вывести из тени нелегальные финансовые потоки, добиться честной уплаты налогов крупными компаниями, остановить утечку капитала за рубеж.

Подкрепляя своим содержанием идею сильного, ответственного и социально ориентированного государства как творца модернизации, опыт Китая, вместе с тем, ни-

чего не дает для понимания того, как нам в нынешних условиях перейти к государству, воплощающему эти принципы. Одно из коренных различий между характером власти в двух странах состоит в том, что в России в ходе реформ, как мы отмечали выше, сформировался правящий класс (или, по крайней мере, мощный слой в его составе), заинтересованный не в модернизации, а в консервации сложившегося уклада. Для этого класса неприемлем целый ряд радикальных требований, выдвигаемых сторонниками реформ. Мы имеем в виду, например, требования, выдвигавшиеся ведущими экономистами — разработчиками «Стратегии-2020»: «разрушить прямую связь власти и бизнеса, создать полноценную конкурентную среду, освободить российский бизнес от коррупционного давления и регулярной дани, собираемой силовыми структурами и бюрократией»²⁰. Согласно с этими требованиями означало бы готовность власти пойти на резкое ограничение собственных привилегий или же готовность одной ее части урезать привилегии другой и, следовательно, острую политическую борьбу между ними. Ни тот, ни другой сценарий не представляются сколько-нибудь реальными. Как же в таком случае продвигать модернизацию?

Это — жизненно важный вопрос для России, но откровений из Китая здесь ждать не приходится. Творцы китайских реформ прежде, чем получить свободу рук, выдержали тяжелую борьбу в политических противниках: сначала — с носителями идеологии уравнилельного коммунизма, а затем — со сторонниками демократических порядков. Но российские реформаторы имеют перед собой противника иного рода: он вырастает из недр нынешнего российского уклада с его имманентными дефектами, и победить его означает для российского правящего класса победить самого себя. В Китае этот противник, в отличие от России, не стал хозяином положения, по крайней мере, на данном этапе. В китайском опыте можно найти некоторые полезные приемы борьбы с ним, например, законы, предусматривающие строгие наказания (не обязательно смертную казнь) за коррупционную деятельность. Однако то, что для КНР является способом самоочищения государственного организма — и он с этим в какой-то мере справляется — для России означает коренную ломку данного организма, чему он будет всеми способами сопротивляться. И даже если суровые законы, подобные китайским, будут введены, останется открытым вопрос: а каким образом реально обеспечить выполнение этих законов?

Интересно, как оценивают у нас китайский опыт представители различных политических течений и разных направлений экономической мысли. (Несколько утрируя, можно сказать, что каждый видит то, что ему хочется видеть, и потому реальная польза от созерцания чужих успехов стремится к нулю. Однако на самом деле подобную субъективность проявляют, все-таки, не все)

Глава российских коммунистов Г.А. Зюганов восторженно приветствует успехи Китая как доказательство творческих возможностей социализма, подчеркивает руководящую роль КПК и хочет, чтобы возглавляемый коммунистами Китай служил живым примером того прогресса, который обещает России КПКРФ, если она придет к власти. Однако КПКРФ в своей Программе обещает не социализм с китайской спецификой, а «возрождение советского строя» и на заключительном этапе «доминирование социалистической общественной собственности на основные средства производства»²¹. Поэтому Зюганов предпочитает меньше говорить о рыночном компоненте общественного уклада Китая, но подчеркивает отличие социалистического строя в КНР от многопартийных социал-демократических государств.

Директор Института проблем глобализации государственный М.Г. Делягин отмечает: «Ключевой фактор успеха Китая на пути модернизации — эффективная система

управления, ответственная перед своим народом и сумевшая достичь результатов, свойственных демократии (вплоть до сменяемости лидеров)». Прочие факторы, такие как дешевизна рабочей силы и т.п. сыграли, по его мнению, второстепенную роль. Делягин считает китайскую модель безусловно применимой к российским условиям. Мало того, по его мнению, «не авторитарная, какая-то иная, не «нео сталинистская», модернизация при нынешнем уровне разложения российского общества невозможна в принципе»²². (Слово «нео сталинизм» он берет в кавычки, употребляя его с оговоркой, что репрессивная сторона сталинского режима должна быть исключена)

Деятели либерального толка не отрицают успехи авторитарного режима в Китае — отрицать их невозможно — но воспринимают их с той или иной дозой скепсиса, демонстрируя при этом разнообразие подходов к проблеме. Так, по мнению Н.В. Загладина. «главным фактором модернизации Китая является не авторитаризм, а способность привлечь американские инвестиции и технологии»²³.

К.Г. Холодковский, признавая успешность китайского авторитарного режима, ставит под сомнение его эффективность в будущем²⁴. Такое сомнение вполне правомерно, однако, никто ведь и не утверждает, что авторитаризм сохранится навсегда.

Известный политик Б.Е. Немцов, как и некоторые другие либеральные деятели, видит основу успеха Китая исключительно в особенностях его стартовой позиции — низких жизненных стандартах населения и т.п., но при этом ухитряется, подавая их в негативном свете с точки зрения социальной справедливости, поставить их в вину китайским властям. Его негодующий пассаж своей оригинальностью заслуживает большой цитаты.

«Очень многие люди, в том числе моя дочка, были уверены, что китайский опыт дает некоторую основу для того, чтобы попытаться провести модернизацию России без демократизации. По этому поводу я провел исследование — в чем причина китайского чуда, почему Китай без изменения политической системы добился таких фантастических успехов... Дело в том, что в Китае нет пенсий. Вообще. Пенсию получают только государственные чиновники, спецслужбы и кадровые военные. Второе. В Китае нет бесплатного образования. Третье. В Китае нет бесплатной медицины. Таким образом, вот такая асоциальная политика коммунистов позволила китайцам держать очень низкие налоги, что, естественно, способствует развитию бизнеса.

Вторая причина успеха Китая — это очень дешевая рабочая сила... Теперь, в чем роль коммунистов и в чем роль режима? Режим нужен китайцам для того, чтобы не было бесплатного образования, чтобы не было пенсий, для того, чтобы китайцы, которые возмущены своим положением, не могли добиться успеха. Китайская власть ценой этих жертвоприношений обеспечивает конкурентоспособность своей страны»²⁵.

Утверждения известного политика, специально изучившего «причину китайского чуда», не могут не вызвать недоумения, поскольку плохо вяжутся с фактами, некоторые из которых мы здесь приведем.

Да, пенсионная система в Китае охватывает меньшую часть населения, однако, не только чиновников, но и большой слой работников городских предприятий, работающих по контракту, средняя месячная пенсия которых, кстати сказать, превышает 1200 юаней (порядка шести тысяч рублей), что при относительной дешевизне товаров для Китая — немало. В деревне постепенно развивается сельское пенсионное страхование на добровольной основе.

В Китае полностью введено бесплатное обязательное обучение в города и на селе, а также доступ к бесплатному среднему профобразованию для детей из малоимущих семей.

В Китае нет бесплатной медицины, но для него задачей номер один является расширение сети медицинского обслуживания, хотя бы и платного, и эта задача постепенно решается. В течение 11-й пятилетки были построены и реконструированы десятки тысяч медучреждений.

Главное же, политика китайских коммунистов состоит не в консервации нищеты, а, наоборот, в ее преодолении, улучшении качества жизни. Рост средней продолжительности жизни в КНР, Россией так и не достигнутый, говорит сам за себя. Упреки Б. Немцова выглядят тем более неуместными, что политика правительства КНР в этом плане разительно отличается в лучшую сторону от той, которую проводили в 90-х годах либеральные руководители России, в число которых входил и сам Немцов.

Дискуссии среди российских экспертов затрагивают и еще одну сторону китайского опыта, также связанную с характером власти: ее способность обеспечить инновационное развитие. По мнению Е.Г. Ясина, Китай не может быть примером для России по той причине, что эти две страны находятся на разных стадиях развития. Китай, находящийся на стадии индустриального развития, успешно копирует и тиражирует в массовых масштабах передовую иностранную продукцию, но перед Россией стоит другая гигантская задача: «освоение лучших технологий, развитие индустрии инноваций». А «та политическая система, которая сегодня способствует успехам Китая, в то же время препятствует инновациям» (Е.Г. Ясин называет ее «традиционно бюрократической»). Поэтому наш путь — это «модернизация страны, прежде всего, на основе западной культуры»²⁶.

С выводом Ясина не согласен директор Центра исследования постиндустриального общества В.Л. Иноземцев. По его мнению, задачей России на ближайшие годы остается превращение в высокоразвитую индустриальную страну, а поэтому «России есть чему поучиться у Китая, и наша модернизация будет во многом похожа на китайскую»²⁷. Иноземцев считает, что опыт Китая «полезен в плане и индустриальной модернизации, и организации системы управления»²⁸. Действительно, задача обновления промышленной базы, т.е. проведения новой индустриализации, стояла еще перед Советским Союзом в последние десятилетия его существования. А та деградация промышленности, которая произошла в 90-е, сделала невозможным инновационное развитие страны, о котором говорит Е.Г. Ясин, до того, как она пройдет стадию индустриализации. Показателем нынешней ситуации служит превращение России в импортера современной техники из обогнавшего нас Китая.

Что же касается инновационного развития самого Китая, то его способность осваивать зарубежные технологии уже доказана, а для создания собственной инновационной продукции высокого уровня есть все необходимые предпосылки. Наличие рыночной конкуренции на внутреннем рынке, конкуренция за место на внешних рынках, стремление КНР к возвышению как общенациональная задача — все это порождает постоянный запрос на инновации, а руководители страны последовательно направляют большие усилия на организацию и стимулирование инновационной деятельности. Открытость Китая внешнему миру создает широкие возможности для изучения и усвоения иностранного опыта, и Китай активно ими пользуется. В этих условиях появление слоя высококвалифицированных научных кадров, образование научных коллективов, обладающих необходимым опытом и располагающих современными условиями для творческой работы, представляется лишь делом времени²⁹. Для начала хотя бы там, где дело касается военной техники. Да и вообще поставленная китайскими лидерами задача превратить КНР из «всемирной фабрики» в «мировую лабораторию» отнюдь не выглядит утопичной. В отличие от тусклого видения будущей России как производителя колеса от «Мерседеса», о чем мы говорили выше, китайские ученые рассчитывают, что «с точки зрения долго-

срочной перспективы, Китай станет одним из центров технических инноваций и исследований транснациональных компаний»³⁰ — разница налицо.

Кстати сказать, в СССР, вопреки засилью бюрократии, закрытости страны и невосприимчивости плановой экономики к техническим новшествам, в ряде областей мы могли похвастаться достижениями мирового класса. Это были или отрасли чистой науки, где не требовалось ни внедрения, ни дорогого оборудования, а было достаточно творческого энтузиазма. Или же отрасли науки, обслуживающие военную промышленность — а там имела место конкуренция: заочная жестокая конкуренция с потенциальными внешними врагами плюс острое соперничество между самими конструкторами.

К сожалению, в отличие от Китая, перспективы инновационного развития не выглядят светлыми для России, где научно-технические разработки не востребованы экономикой, а наука влачит убогое существование. Даже если Китай, как полагают некоторые российские эксперты, «не сделается мировым лидером с точки зрения инноваций, передовых социальных технологий»³¹, он все равно будет идти впереди нас, представляя собой и в сфере инновационного развития источник опыта, ценного своей схожестью с тем путем, по которому предстоит идти нам, если мы хотим модернизироваться.

«Существует ли у нас необходимость «по-серьезному» учиться у Китая модернизации? — спрашивает В.Л. Иноземцев. И отвечает: — Несомненно. Возникнет ли у российской элиты такое желание? Вряд ли»³².

А это значит, что мы или так и не двинемся вперед, или набивать огромные шишки будем самостоятельно.

1. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; *Титаренко М.Л.* Поучительный опыт для российских реформ // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 6. — http://vasilieva.narod.ru/prp/3_6_00.htm. См. также: *Титаренко М.Л. и др.* Китайские реформы и Россия: [сб.] в 2 т. М., 2000 (Инф. бюл. РАН. Институт Дальнего Востока. № 1)
2. *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009; *Бородич В.Ф.* Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX — начало XXI вв.). М., 2008.
3. *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2005.
4. *Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике М., 2007.
5. *Бородич В.Ф.* Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX — начало XXI вв.). М., 2008.
6. *Гонтмахер Е.* Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 10. С. 5–6. Автор цитирует статью: *Гуриев С., Цывинский О.* Ratio economica: Тот же день календаря // Ведомости 2010. 2 февр. — <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/02/02/224353>.
7. См. выступление А.В. Виноградова (ИДВ РАН) в: Модернизация России в контексте глобализации // МЭиМО. 2010. № 3. С. 95–96.
8. Там же.
9. Там же. 2010. № 2. С. 93.
10. Реформы и продолжительность жизни в России. — <http://www.kaivg.narod.ru/developed.pdf>.
11. Средняя страна // Независимая газ. 2010. 28 дек.
12. Обретение будущего. Стратегия 2012. Конспект / Ин-т современного развития. М., 2011. С. 13. См. также: http://www.insor-russia.ru/files/Finding_of_the_Future%20Summary.pdf С. 13.
13. Критика российских реформ зарубежными и отечественными экономистами. — <http://rusref.virtbox.ru/indexzexp.html>.
14. Россия XXI века: образ желаемого завтра / Инс-т соврем. развития. М., 2010. С. 8. См. также: http://www.insor-russia.ru/files/Obraz_gel_zavtra_0.pdf.
15. См. выступление В.В. Сумского в: Модернизация, авторитаризм и демократия // МЭиМО. 2010. № 11. С. 96.

16. См. выступление В.Л. Шейниса // Там же. С. 102.
17. Ясин Е.Г. Перспективы российской экономики: проблемы и факторы роста: К 3-й Международ. Конф. "Модернизация экономики России: итоги и перспективы," 3–4 апр. 2002 г. М. – <http://ecsocman.edu.ru/data/166/654/1219/chap.5.pdf> (опубликовано 17–11–2003).
18. Средняя страна // Независимая газ. 2010. 28 дек.
19. См. например: Разработчики «Стратегии-2020» превращаются в бунтовщиков // Независимая газ. 2011. 1 марта.
20. Там же. На радикальных преобразованиях настаивает и академик Н. Шмелев, говорящий «о принудительных (и не обязательно только налоговых) мерах со стороны государства по отношению к монопольным структурам» с их запредельно высокими прибылями; о криминальном рэкрете, который «дополняют рэкет государственный и невероятные масштабы повальной коррупции»; о необходимости устранить небывалую социальную несправедливость: «опасный, болезненный разрыв между доходами беднейшего населения и самых богатых», плоскую шкалу налогообложения при сокращении нерыночных форм социальной поддержки и т.п. См.: Шмелев Н. Модернизация экономики: императивы государственного участия // Свободная мысль. 2010. № 2. С. 18 и далее.
21. Программа КПРФ. См. официальный сайт КПРФ. — <http://kprfru/party/program>.
22. Делягин М. Китайский путь для России: «неосталинизм» // Рус. журн. 2009. 12 дек. — <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Kitajskij-put-dlya-Rossii-neostalinism>.
23. Модернизация, авторитаризм и демократия // МЭиМО. 2010. № 11. С. 98.
24. См. выступление К.Г. Холодковского (ЦЭСПИ ИМЭМО РАН) в: Модернизация, авторитаризм и демократия // МЭиМО. 2010. № 11. С. 99.
25. Немцов. Б. Модернизация по-китайски. — <http://ybelov.livejournal.com/392907.html>.
26. См. например: Ясин Е. Китай — не образец для модернизации России! // Рус. журн. 2009. 21 дек. — <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Kitai-ne-obrazec-...>
27. Иноземцев В. Задача России — превращение в индустриальную страну // Рус. журн. 2009. 22 дек. — <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Zadacha-Rossii-prevrashchenie-...>
28. См: Модернизация России в контексте глобализации // МЭиМО. 2010. № 3. С. 112.
29. Обсуждение этого вопроса см. также в передаче с участием Е.Г. Ясина и Я.М. Бергера на радиостанции «Эхо Москвы». — <http://echo.msk.ru/programs/tectonic/654640-echo/>
30. От «китайского производства» к «производству китайцами» // Жэньминь жибао он-лайн. 2011. 4 марта. — <http://russian.people.com.cn/31518/7308344.html>.
31. См: Модернизация России в контексте глобализации // МЭиМО. 2010. № 2. С. 92.
32. Иноземцев В. Modernizatsiya.ru: Учиться у Китая // Ведомости. 2009. 19 окт. — <http://wap.liberal.borda.ru/?1-2-0-00000085-000-0-0-1276676937>.

Постсоветский фактор «китайского чуда»

© 2011

А. Крушинский

Оценивая «китайское чудо» (в его экономической и геополитической ипостасях) как второе по значимости (после распада СССР) явление за четверть века мировой истории, автор акцентирует внимание на одном из факторов феномена (пока не принятого во внимание учеными) — коллапсе СССР. Благодаря его умелому использованию Китай снижал обширный рынок сбыта для своих товаров, дешевое стратегическое сырье, геополитические опоры на пространствах Евразии. Обретение ряда уникальных советских «ноу-хау» помогло ему переоснастить армию, упрочить свои позиции в освоении космоса. «Постсоветский фактор» трактуется в статье как предпосылка прогнозируемого становления КНР к середине XXI в. в качестве ведущей мировой державы.

Ключевые слова: распад СССР, глобализация, мировая фабрика, «чимерика», деловой труд, приграничный пояс открытости, ракета «Чанчжэн», полет «Шэньчжоу-5», «альтернативная история», Фукуяма, Фергюсон.

«Китайское чудо» — идеальная иллюстрация к диалектике Гегеля. Зародившееся (имея в виду экономическую ипостась) благодаря партийному пленуму в 1978 г., оно проявилось в быстром экономическом росте и на рубеже XX—XXI вв. принесло КНР репутацию «мировой фабрики»: трансформация количественных сдвигов в качественные налицо. Но вопросов по «*гайга кайфан*» («реформе и открытости», как китайцы именуют свою перестройку) прибавилось. Из чего складывается, как формируется китайское количество? Грядет ли его дальнейшая трансформация, зарождение иного качества?

«Мировая фабрика» — апофеоз реформ и открытости

Неологизм «китайское экономическое чудо» возник вне Китая, по аналогии с растиражированными ранее в СМИ ирландским, греческим, испанским, сингапурским, японским и прочими «чудесами». Каждое было подстать хорошо вскопанной, щедро удобренной грядке (часть их со временем захирела), китайское же заложено на гигантском поле с миллиардом сеятелей, ведомых «красным агрономом» — КПК. И продолжает зреть. Абстракция статистики (показателям ВВП, внешней торговли, инновационных, валютных накоплений) здесь сопутствовало обретение мирового лидерства в производстве и экспорте многих товаров: таковых к исходу XX в. значилось свыше ста по более, чем десятку отраслей (химии, фармацевтике, швейному и обувному делу, пищевому, электронике, бытовой технике, стройматериалам, металлургии, судостроению...) Из этого исходил зам. главы правительства Сингапура (ныне премьер-министр) Ли Сиен Лунг, заявив в 2001 г., незадолго до вступления Китая в ВТО: «Подобно тому, как Япония стала «мировой фабрикой» после второй мировой войны, Китай становится мировой фаб-

рикой XXI века». Сходная версия тогда же промелькнула в Белой книге японского министерства международной торговли и индустрии¹.

Но не маловато ли оснований для столь громкого титула?

Отношение в Китае к нему изначально было настороженным. Созванный по этой теме в июле 2002 г. форум «Перспективы развития мирового производства и экономика Китая» убеждает: ни Дэн Сяопин, ни какие-либо органы КНР идеи такой «фабрики» не вынашивали. «На Англию в 1860-х гг. приходилось 20% промышленного производства мира, а на Китай ныне лишь 5%», — скептически отметил зампред ВК НПКСК, глава Федерации промышленности и торговли Цзинь Шупин². А шеф НИИ реструктуризации экономики Гао Шанцюань воодушевился, чуть ли не «дорожную карту» симпривизировал: «У Китая есть условия стать «мировой фабрикой» в следующие 10–20 лет. Наше важнейшее преимущество — огромный контингент рабочей силы и низкая стоимость труда». Полгода спустя «Жэньминь жибао» в статье «Теория “мировой фабрики” вводит в заблуждение» выступила с резкой отповедью, призвав к «адекватной и объективной оценке реальных сил и перспектив развития китайской экономики»: «Недопустимо как недооценивать, так и тенденциозно преувеличивать эти аспекты, потворствуя лжетеории «китайской угрозы», вводя в заблуждение общественность и искажая истину»³. Видимо, сыграла роль завешанная Дэн Сяопином стратегема блюсти сверхосторожность перед внешним миром, *спокойно (до поры, до времени) наблюдая, скрывая свой потенциал и пр.* Но в той перестроечной атмосфере партийная печать уже не была властна над законами диалектики: «мировая фабрика» осталась на слуху, стала восприниматься как апофеоз «политики реформ и открытости внешнему миру».

Запад воспринял «фабрику» неоднозначно. Антикитайский настрой «ястребов» — республиканцев США усугубила безработица, подхлестнутая наплывом ширпотреба из КНР. В 1998–2001 гг. ввоз телевизоров и аудиотехники рос на 13% в год, спортоваров — на 16%, металлоинструмента — на 23%...⁴ Множились банкротства, росли протесты, поощряемые версией монетаристов о пагубности для США «занижения» Китаем его валюты. Поднять ее курс (как и таможенные тарифы) требовала Ассоциация производителей деревянной мебели (сбыт которой упал в 2000–2002 гг. на 21%⁵). Но кампанию заглушал покупательский ажотаж, вызванный дешевизной этих товаров. Да и бизнес роптал не поголовно, что иллюстрирует «одиссея» компании *National Presto*, производительницы кухонного инвентаря. За три года импорт такого же ассортимента удвоился, достигнув в 2001 г. 640 млн долл., и *Presto* прибегла к «кризисной стратегин»: устроила распродажу остатков, сказала «гуд бай» персоналу двух своих заводов и... расширила свои мощности в Китае. Ее банкротство в США вызвала ее же продукция из КНР, и *Presto* переселилась туда, где рабочим можно платить мало.

Часть бизнес-элиты, экспертов вступилась за «мировую фабрику». Влиятельный экономист Д. Хейл заявил: «движитель» экспорта Китая — иностранные инвестиции, а не курс юаня⁶. «В экономике КНР «фокусы» имеются, но курс юаня на конкурентную борьбу в США почти не влияет», — увещевал Буша проф. Р. Кроснер (ранее — член его команды консультантов). Отток рабочих мест из США закономерен, — заключил шеф Вашингтонского Института экономической стратегии К. Престовиц, напомнив, что в Китае числятся 760 млн рабочих (вшестеро больше, чем в США) при почасовом заработке... в 26 раз меньше американского⁷. Дешевизна труда манила капитал. В 2003 г. ведущий в мире производитель компьютерных чипов *Intel* решил вложить 375 млн долл. в создание там второй фабрики. Туда же подались *Caterpillar Inc* (мировой лидер по землеройной технике)⁸, *Boeing* (передоверивший «дешевым рукам» часть узлов для пассажирских самолетов). Почти по Мао Цзэдуну, написавшему 53 года назад в статье «Об одном кооперативе»: «На первый взгляд, это (бедность китайцев. — А.К.) плохо, на самом деле — хорошо. Бедность заставляет стремиться к переменам, заставляет действовать, совершать революцию...» Подхваченный «невидимой рукой рынка», постулат

«бедность — это хорошо» помог Китаю снискать бренд «мировой фабрики» и даже, как увидим ниже, наметил одну из магистральных линий глобализации.

У россиян понимание трансформации Китая сложнее и драматичней. Если в США никто не завидует китайцу, чей заработок в разы меньше их пособий по безработице, то в России зависть не исключена. Как у молодого предпринимателя из г. Канска, испытавшего шок в китайском приграничном городке. *«Был недавно в Маньчжоули: хай-вэй, небоскребы, реальный XXI век. А по нашу сторону границы — богам забытый Забайкальск. Начинаешь стесняться, что живешь в России»*⁹. Этот «воплъ души», запечатленный в статье *«Почему русские в Сибири не хотят быть русскими»*, подстать комплексу неполноценности (что, мол, мы за «недотепы», «куда китайцев привела КПК и куда нас — КПСС») ¹⁰. А это чревато бедой, ибо речь в статье шла о «сибирском сепаратизме», замеченном в ходе переписи населения (в графе «национальность» кое-кто писал «сибиряк» вместо «русский»). За это шла агитация в Рунете, в СМИ попадаются призывы узаконить эту «национальность»...

В России престиж «китайского чуда» высок — оно может быть признано вторым по значимости (после гибели СССР) явлением за последние четверть века мировой истории. В стране, непосредственно с Китаем соприкасающейся, «чудо» надо честно осмыслить, не сковывая себя какими-либо «табу». Увы, уже при поиске его истоков нередко доминируют политпристрастия. Для одних китайский НЭП триумф «невидимой руки рынка», для других — дела социализма. Глава Института экономического анализа А. Илларионов видит в нем *«беспрецедентное сокращение масштабов государственной нагрузки по всем направлениям»*¹¹, а шеф Института проблем глобализации М. Делягин — образец госконтроля¹². Куратор науки в Высшей школе экономики Е. Ясин под влиянием то ли Фукуямы, то ли Хантингтона¹³ уверовал: *культура, цивилизация США и Европы владеют преимуществами инновационного развития в силу присущих им конкуренции, предпринимательского духа; Япония к этому клубу присоединилась, Китай от него еще далек*. А для доктора наук китаиста А. Маслова китайская модель — и есть японская¹⁴.

Западу в «китайском чуде» важны темпы ВВП, проблемы энергетики и выброс тепличных газов, доля в мировых финансах; нас же влекут подробности реформ. Уступая западным коллегам в изощренности гипотез¹⁵, российские ученые лучше знают документы, умеют постигать риторику партийных форумов, читая «между строк».

«Чимерика» и «неучтенное количество»

Из западных исследований выделяется гипотеза Н. Фергюсона — М. Шуларика¹⁶, которые увязывают истоки китайского рывка с глобализацией, проявившейся, по их словам, в *«массовом вторжении в мировую экономику»* дешевого, но квалифицированного азиатского труда. Результату они удивились: *«возник перекоп в относительной прибыльности труда и капитала; доходность последнего подскочила на 25%, а стоимость (измеряемая долгосрочными учетными ставками) стала, вопреки экономической теории, падать»*. Дешевые товары, хлынувшие в США, *«способствуют удержанию долгосрочных учетных ставок на заниженном уровне при аккумулировании крупных финансовых резервов в ценных бумагах правительства»*, — пишут аналитики. Вывод: «клин» между доходностью и стоимостью капитала стимулировал потребительскую горячку в США, как и промышленный бум в КНР. «Дуэт» подметил такое «совпадение»: инвалютные резервы КНР росли в среднем по 200 млрд долл. в год, а казначейство США «синхронно» выпускало долговые обязательства с гособеспечением (*Treasury Securities + Agency Debt*): 220 млрд долл. в 2005 г., 195 млрд — в 2006-м. Т.е., за полтора года до банкротства *Lehman Brothers*¹⁷ «дуэт» невзначай дал кардиограмму грядущего кризиса с такими его компонентами, как *ажитоаж потребления в кредит* (питаемого финансовыми пузырями) и встречный пузырь хаотично штампуемого ширпотреба. Нечто такое

отмечалось и раньше: в январе 2005 г. на Давосском форуме главный экономист Morgan Stanley Стивен Роуч отчитал американских потребителей (*потакающих*, по его словам, своим желаниям и делающих нереалистичные траты, превращая свои дома в огромный банкомат): мировая экономика, сказал он, «в любой момент может сойти с рельсов»¹⁸.

Сочленив слова «China» и «America», Фергюсон — Шуларик окрестили «чимерикой» сложившийся между КНР и США «своеобразный экономический симбиоз». Т.е., высветили мировую фабрику (текстуально ее не называя) под особым ракурсом, «в комплекте» с клиентурой, что логично ввиду главенствующей роли последней. Именуя жителей США «вест-чимериканцами», Китая — «ист-чимериканцами», изобразили их «портреты» в духе «Гулливериады» Свифта:

— вест-чимериканцы — богачи и гедонисты, среднедушевой доход ист-чимериканцев — лишь 16% от их уровня¹⁹;

— вест-чимериканцы — виртуозы в управлении бизнесом, в маркетинге, финансах, ист-чимериканцы заняты техникой и производством;

— расточительные вест-чимериканцы ненасытны на «всякую всячину» (gadgets) с Востока: покупают и покупают, не откладывая ни пенса;

— сберегая треть своих доходов, ист-чимериканцы ссужают их вест-чимериканцам, тем самым финансируя покупки ими «gadgets» (а себе обеспечивая рабочие места)²⁰.

Неологизм прижился в СМИ, в названиях торговых компаний. Поисковик Google скопил по слову «chimerica» 384 тыс. ссылок. Оговариваясь, что в «чимерике» видят «целостную систему» с сугубо экономического угла зрения, аналитики утверждали: масштаб финансовых операций между ее «половинами» достиг уровня, словно «внутри национально-государственных границ». Полтора года спустя директор Института мировой экономики им. Петерсона Ф. Бергстен предложил на страницах журнала «Foreign affairs»²¹ идею формата «G-2», подхваченную З. Бжезинским²² (который ратует за институционально упорядоченную практику американско-китайского обсуждения мировых дел). «Чимерика» — образ из «иной оперы»...

Этическая ущербность «чимерики» (в СССР ее трактовали бы как рецидив неокOLONиализма) авторов не смущает. Но стоит ли их за это осуждать? Спасибо, что догадались оценить китайские новации не через обменный курс юаня или афоризмы Дэн Сяопина, а через призму процессов в мировом рынке.

...Итак, плоды дешевого труда, капитал в деривативах США — несомненные компоненты китайского количества, породившего новое качество. Будь Фергюсон — Шуларик (хорошо знающие США) сведущи и в реалиях КНР, ее соседей, то могли бы найти третий компонент приумножаемого «количества»: догадались бы, что доходность капитала — плод дешевизны не только труда рабочих, производящих товар, но и «постсоветского сырья», используемого в производстве (к «постсоветским» следует отнести ресурсы стран СНГ и даже стран «дальнего зарубежья», входивших в нашу орбиту, — как Ангола, чей нынешний режим возник благодаря СССР и Кубе).

«Близорукостью» грешат и все прочие аналитики. Напомню: в перепалке американцев о «легитимности» китайского ширпотреба, как и на форуме китайцев по «мировой фабрике», акцент также ставился на дешевизну труда, без упоминаний такого китайского козыря, как шаговая доступность к российским и среднеазиатским лесу, углеводородам, урану. Не замечен «слон» и у нас: в речах, статьях фигурируют два десятка факторов «китайского чуда» (от традиций культуры и народной психологии до искусства управления и пиетета к основателям КНР), но только не коллапс СССР. А ведь Маньчжоули (где россиянин устыдился, что он — россиянин) оброс небоскребами да хайвэями как раз после распада СССР (до того ничем не превосходя визави — Забайкальск).

От «советской карты» Дэн Сяопина — к «странной» пятилетке

«Шаговая доступность» к постсоветскому наследию — результат прозорливости Дэн Сяопина. Еще в начале 1980-х гг., углубляясь в *гайгэ кайфан*, он не мог не обеспокоиться отношениями с соседями, ибо КНР успела рассориться со всеми кряду (в 1959 г. вовлекшись в войну с Индией, в 1969 г. вызвав кровопролитие на Даманском, в 1979 г. «преподав урок» Вьетнаму). Подробности поворота к «оттепели» в отношении СССР раскрыл летом 2004 г. веб-сайт “Жэньминь жибао” в статье «Дэн Сяопин и отношения Китая с Японией, США, СССР». Толчком к «оттепели» означена речь Л.И. Брежнева в Ташкенте (март 1982 г.). Ознакомившись с ней, Дэн Сяопин стал действовать. Летом вместе с собравшимися у него на дому соратниками (Ли Сяньнянем, Чэнь Юнем), руководством МНД было решено перенести акцент с идеологии на национальные интересы, а от СССР потребовать предварительного устранения «трех больших препятствий» (отвода его войск от границы с КНР, из Монголии, Афганистана и вьетнамских — из Камбоджи).

Первые приметы «оттепели» довелось ощутить и мне: в том же 1982 г., будучи корреспондентом «Правды» в Болгарии, изумился внезапному дружелюбию коллеги из «Синьхуа». Стали встречаться, обмениваться мнениями. Как-то сказал у меня в корпункте: «Вам не надо было вторгаться в Афганистан, нам — во Вьетнам»...

Почему оттепель «назрела» в 1982 г., хотя сигналы из СССР подавались и ранее? Из статьи явствует: в 1973 г. (когда Пекин формировал доктрину «единой линии и одной проекции») ²³ именно Дэн Сяопин был (вместе с Чжоу Эньлаем) разработчиком мер переориентации на США. Но в начале 1980-х гг. ему стало ясно: США своих позиций в Тихом океане не сдадут, военной поддержки Тайваня не прекратят. Вот и «услышал» сигнал! Для Китая «советская карта» значила больше, чем для СССР — китайская, ибо помогла возвратить Гонконг. Упомянутый «совет на дому» прошел как раз, когда начинался двухлетний китайско-британский марафон переговоров по Гонконгу, и под влиянием искусно навешанного ей страха (как бы не толкнуть китайцев к реанимации союза с СССР) М. Тэтчер сказала в конце концов «да».

Но для нас важнее другая цель, тогда же замаячившая перед Дэн Сяопином: возродить связи с нашим приграничьем (чьи промышленный, культурный, научный потенциалы были тогда выше, чем в Дунбэе или Синьцзяне). Как корреспондент Синьхуа налаживал в Софии «мосты» к коллеге-правдисту, так и вдоль Амура наверняка шел зондаж — через погранзаставы, местных партийных функционеров. В 1988–89 гг. мне довелось побывать в качестве обозревателя «Правды» во Владивостоке, Благовещенске, Пограничном, Хабаровске, Усурийске, Находке, Хоргосе. Писал в газету о бригадах огородников, рабочих-строителей «с другого берега», СП на нашей территории (харчевнях, фотоателье), о безвизовых поездках местных жителей. Доверие к «братьям-китайцам» возрождалось, трагедии на Даманском словно и не было!

Из анализа российских ученых явствует: китайцы взялась за дело со свойственными им методизмом и энергией. В 1982 г., немедленно за ташкентским сигналом, Госсовет КНР постановил возобновить приграничную торговлю с СССР, а год спустя утвердил «пять самостоятельности» («Временные положения о мерах регулирования приграничной торговли в малых объемах»). По оценке ведущего научного сотрудника ИДВ РАН М. Александровой, в этом отразилось стремление «использовать инициативу и энергию народных масс для решения таких общегосударственных задач, как обеспечение занятости и повышение благосостояния населения, снятие социального напряжения, освоение ресурсов соседних стран в целях развития своей экономики» ²⁴. Директива Госсовета «О развитии приграничной торговли и технико-экономического сотрудничества с СССР» (1988 г.) добавила привилегий Хэйлуцзяну ²⁵. К моменту коллапса СССР «совет-

ской картой» Дэн Сяопина был институционально обеспечен выход китайцев на территорию России и среднеазиатских республик.

...Из воспоминаний И.А. Рогачева явствует: в 1992 г., когда прибыл в КНР в качестве посла РФ, «западные дипломаты предсказывали в частных беседах: «коммунистический Китай обречен на коллапс — экономический, финансовый и социальный...»²⁶. «Пророки» не фантазировали: ведь за три года до этого не кто иной, как Дэн Сяопин признал: «Сейчас вопрос не в том, упадет или нет знамя в Советском Союзе... а в том, упадет или нет знамя в Китае»²⁷. Порожденные реформой проблемы (обострение социального неравенства, рост цен, коррупция) — реальность, отразившаяся тремя годами ранее в беспорядках на Тяньаньмэнь, после которых руководству КНР пришлось взяться за «упорядочение» экономики, «кадровую чистку» (ударившую даже по высшему функционеру КПК — Чжао Цзыяну). Интеллигенция жаждала политических реформ; «рыночники-либералы» спорили с «рыночниками-социалистами»²⁸. Даже «баловню реформы», производству ширпотреба стало нелегко: о затоваривании складов, «омертвлении капитала» говорил весной 1993 г. (когда я приехал в Пекин как корреспондент «Правды») тогдашний советник посольства РФ А.И. Денисов²⁹. Тревожно было с занятостью: в 1990-х гг. чистый прирост рабочей силы составлял 8 млн чел. в год³⁰.

И за граница досаждала: ввела эмбарго в наказание за Тяньаньмэнь: в начале 1990 г. зам. госсекретаря США Иглбергер озвучил стратегическую коррективу: «антисоветская база» политики в отношении КНР утрачивает силу³¹ (т.е., когда не стало СССР, для Госдепа отпала нужда кокетничать с Пекином в ущерб Тайбэю). И Дж. Буш (ст.) решил продать Тайваню за 6 млрд долл. 150 истребителей F-16, Франция добавила 60 «Миражей»: в результате островок обрел господство в воздухе над «материком» (чьи ВВС состояли из устаревших аппаратов). Пекин негодовал, что тогда мало кого пугало.

Предсказания западных дипломатов были логичны, но в отчетном докладе премьер-министра Госсовета Ли Пэна на сессии ВСНП в марте 1996 г. на «коллапс» не было и намека. Наоборот, ВВП Китая за VIII пятилетку рос в среднем по 12% в год (рекорд за 17 лет реформ) — на 4,08 проц. пункта выше, чем в предыдущей пятилетке!³²

«Странной» оказалась VIII пятилетка! Не вклинилось ли в нее что-либо чрезвычайное? Да, вклинилось: в самом ее начале, на исходе 1991 г., не стало СССР.

«Все те, кто предполагал, что крушение КПСС и СССР вызовет в дальнейшем крушение коммунистического режима в Китае, явно просчитались», — в этой констатации Роя Медведева³³ есть недоговоренность: катастрофа СССР Китаю не просто не повредила — она ему помогла (если не сказать «спасла»). В результате этой катастрофы вдоль границ КНР образовались гигантские зоны деградирующей экономики, обрушились системы жизнеобеспечения, что Китаю сулило: рынок от Тихого океана до Атлантики для тех именно товаров, какими в избытке располагал (заодно новые рабочие места); дешевое и удобное для транспортировки сырье: доступ к уникальным технологиям.

«Быстро принять, хорошо исполнить большие решения»

Взятая в подзаголовок формулировка американского политолога Фукуямы с характеристикой «китайского стиля» борьбы за национальные интересы дает ключ к пониманию успешности КНР в освоении *постсоветского фактора*.

Мне доводилось слышать от китайцев слова сочувствия по поводу краха СССР, но на деле в роковых ситуациях верховодят интересы — личные, национальные. Чем тяжелее бедствовали вдоль границ Китая брошенные на произвол судьбы Сибирь и Дальневосточье, среднеазиатские республики, Монголия, тем выше были шансы Китая выпутаться из своих проблем. И он шансы использовал.

К этой ситуации хочется применить образ из космонавтики — «разгонный блок» (ступень ракеты-носителя для вывода космического аппарата на целевую орбиту): кол-

лапс СССР сыграл сходную для Китая роль в непростое для него время. За 1991–95 гг. эта «помощь поневоле» могла ежегодно превышать разницу среднегодовых показателей ВВП двух пятилеток (4,08 %): без «постсоветского фактора» VIII пятилетка не могла быть успешнее предыдущей. Но функции разгонного блока — не в кратковременной выгоде, главное у него — выход на рабочую орбиту...

«Приграничный тип территориальной открытости возник в 1992 г., когда Госсовет КНР утвердил присвоение статуса «открытости приграничного города» 13 городам, уездам и поселкам, расположенным близ границы страны...» — читаем у эксперта из Амурского госуниверситета Н.П. Рыжовой³⁴. Первыми такой статус обрели 9 марта 1992 г. Суйфэньхэ, Хэйхэ, Хуньчунь, Маньчжоули. Чуть позже вдоль границы возникло 13 обширных «зон приграничного экономического сотрудничества» и 90 «приграничных торговых зон» поменьше (последние — для «малых форм» торговли, включая «челночную»)³⁵. А лексикон «гайз кайфан» обогатился понятием «приграничный пояс открытости» (ППО): он охватил все эти поспешно (но «с умом») сколоченные структурные звенья. Для мобилизации «человеческого фактора» захолустным городам и поселкам вдоль постсоветских территорий были дарованы льготы, ранее выпестованные (дабы «всасывать» инокапитал, осваивать элитные товары) для портов, «особых экономических зон» тихоокеанского побережья.

У постсоветских границ, «инокапиталом» не пахло, но задачи были не менее важные: облегчить «всасывание» леса, сырья, удобрений (в тот начальный этап — и автомашин, тракторов, самолетов) и нелегитимированный вывоз ширпотреба с тысяч «поселково-волостных предприятий». Продумывалось все до мелочей: уже в 1993 г. пров. Хэйлуцзян имела Центр информации по приграничной торговле, Центр обучения кадров для приграничной торговли³⁶. По оценке Н. Рыжовой, «ППО был создан для подтягивания окраинных регионов до уровня развития приморских». Но главная функция, несомненно, — осваивать постсоветский фактор.

Старт удался: в 1993 г. товарооборот Хэйлуцзяна с регионами РФ достиг 1,89 млрд долл. (25% товарообмена КНР с РФ!)³⁷ По ходу «странной» пятилетки КНР не просто проскочила «ухаби́стый участок» перестройки, но выработала стратегию на перспективу: налицо акселерация процессов накопления «количественных сдвигов» на пути к вступлению КНР в ВТО и к ее становлению в качестве «мировой фабрики».

«Чудо № 1», вырубка тайги, энергоцехи «чимерики»

Неологизм «китайское чудо» принято адресовать рыночной перестройке: учетверение ВВП за ее первые 20 лет³⁸ трактуется как победа рыночной системы над плановой. Но КНР знает еще одно чудо: на заре ее развития национальный доход более чем учетверился (за 8 лет!), промышленность выросла в 7,7 раза³⁹. Если чудо нынешнее творится в мирных условиях, то «чуду № 1» сопутствовали тотальная экономическая блокада Запада, война с США в Корее, внутренние конфликты. Но имелся и благоприятный фактор: союз с СССР. В мемуарах Ли Юэжэня (переводчика Мао Цзэдуна), собственно-ручно им мне дарованных⁴⁰, есть описание, как в августе 1952 г. в Москву прибыла (на трех самолетах!) делегация ведущих ведомств КНР. Ее ядро (50 чел.) 10 месяцев дорабатывало при участии нашего Госплана проект плана первой пятилетки. Один из первых уроков деловитости, что озвучил потом тогдашний зам. премьера Госсовета Чэнь Юнь, гласил: *«Отвыкайте от слов «почти», «примерно», «более или менее». С советскими специалистами оперируйте точными расчетами, конкретными цифрами»*⁴¹.

300 объектов, построенных или реконструированных с советской помощью⁴², дали чуть ли не все, в чем нуждалась на первых порах «новорожденная» держава: железнодорожные магистрали, мосты (в том числе двухъярусный 1670-метровый через Янцзы); появились первые автомобиль, трактор, самолет китайского производства (как и

первые балетная студия, театр для детей); были сформированы Академия наук и 40 научных центров; модернизирована система образования, создана система здравоохранения, введен порядок охраны труда на производстве...

Мне довелось лицезреть «чудо № 1»: в 1957–1959 г. работал там переводчиком. В дневнике есть запись, как в сентябре 1958 г. сопровождал советника Посольства СССР Н. Сударикова на церемонии пуска атомного реактора и циклотрона. Присутствовали заместители премьера Госсовета КНР Не Жунчжэнь⁴³, Чэнь И. В журнале «Дружба» зам. директора Института атомной энергии АН КНР писал: «...Заводы из разных районов СССР прислали нам самое передовое оборудование... Имея этот реактор, мы можем получить цифровые данные, необходимые для строительства других атомных реакторов». Пример приязни китайцев: на игре сборных Пекина и СССР по футболу болельщики хлопали нашим горячее, чем своим. В лексикон китайцев вошел неологизм «сулянь лаодагэ» («советский старший брат»).

Полвека спустя «братья» как бы поменялись ролями, но без нашей помощи Китаю опять не обойтись. Как российское сырье служит «мировой фабрике», показывает торговля лесом, в которой, пишет кандидат экономических наук С. Грибова, сложилась монополия⁴⁴. В 2007 г. за куб соснового кругляка в Забайкалье платили, по ее данным, 72 долл., но едва груз минует шлагбаум у перехода Маньчжоули, цена более чем удваивалась (понятно, почему сей «медвежий угол» украсили небоскребы и хайвэй?) В пунктах переработки 1 куб стоил уже 200 долл.⁴⁵ С учетом объема закупок получается: только эти «ценовые ножницы» давали КНР годичный «навар» почти в 10 млрд долл. Мебельщики США не могли соперничать с мебелью «инст-чимерики», сработанной задешево из почти дармовой древесины.

Но эти «ножницы» — лишь вершина айсберга. Покупатели кругляка сплочены, отмечает С. Грибова, а продавцы (тысячи «фирм-однодневок» и единоличных «старателей») конкурируют между собой, сбивая цену. По данным властей, в 2007 г. рубки по лесорубочным билетам в Забайкалье составили 2 280 тыс. куб. м, а экспорт, по таможенной статистике — 4160 тыс. куб. м⁴⁶. Разница (почти 2 млн кубов) — браконьерские рубки. Черкизону было далеко до таежного криминала (с его китайской составляющей), сочетающего подкуп чиновников и варварское обращение с лесом (вплоть до рукотворных пожаров для «расчистки» подъездных путей или для списания добротного леса как «горелого»). А ведь еще в 1992 г. (пока китайцы осваивали таежные тропы) для целлюлозно-бумажного производства отводилось 16% вырубки, для деревообработки — 41%, «кругляк» составлял 40%. После обретения Китаем бренда «мировая фабрика» абсолют-но доминирует кругляк.

Но есть тема поважней: энергоснабжение «мировой фабрики».

...То, что на Китай ныне приходится более трети импортируемой в мире нефти, полтора десятка лет назад выглядело бы фантастикой, ибо энергоресурсы были его козырем. По углю он 1-й в мире. По добыче газа — 9-й. И нефтью не обделен — до конца 1980-х гг. была его экспортной статьей (выкачивал тогда больше, чем Венесуэла, Ирак или Арабские Эмираты). Но с 1994 г. ее пришлось импортировать.

Главные поставщики КНР (Ангола, Саудовская Аравия, Иран — за морями, в местах неспокойных), а сибирская нефть «под боком». В 1999 г. китайская корпорация CNPC обговорила с Ходорковским тему нефтепровода, летом 2001 г. Касьянов (тогда — премьер-министр) договорился в Пекине о разработке ТЭО, осенью Китай уже готовил изыскательские работы с расчетом, что в 2010 г. нефтепровод вступит в строй. По версии веб-сайта «Жэньминь жибао», «за 25 лет в Китай поступило бы 700 млн т нефти стоимостью в 150 млрд долл., Китай стал бы для России главным рынком нефтяного экспорта»⁴⁷.

Но Ходорковский попадает под суд⁴⁸, выявляются новые покупатели — Южная Корея и Япония (последняя посулила щедрый, по тогдашним меркам, кредит: 5 млрд

долл. на прокладку трубы до Находки, плюс 2 млрд для разработки месторождений). К тому же, взбунтовались экологи: ведь «короткую» трубу к китайскому центру нефтепереработки Дацину предполагалось вести по берегу Байкала. Китайские СМИ, не вникая в проблематiku бесценного резервуара пресной воды, стали доказывать взаимовыгодность проекта, цитировать высокопоставленных лиц с намеками, что неблагоприятное для КНР решение «*может бросить тень на двусторонние отношения*». «*Китай будет взбешен, если Россия отдаст нефтепровод Японии*», — предупредила американская «*Вашингтон таймс*», и в наших СМИ появились вести об ужесточении позиции Китая на переговорах о вступлении России в ВТО (якобы добивался ее согласия на неограниченный въезд в РФ китайской рабочей силы, поддержал требование ЕС повысить внутрироссийские цены на топливо)⁴⁹. В интервью китайскому ТВ накануне визита в Пекин (октябрь 2004 г.) В. Путину пришлось высказаться о нефтепроводе: «*Скажу совершенно откровенно и честно: прежде всего мы должны исходить из наших национальных интересов. должны развивать восточные территории Российской Федерации, территории Дальнего Востока, должны планировать и осуществлять там крупные инфраструктурные проекты. Окончательное решение будет принято, исходя из этих соображений. Но мы учитываем и интересы наших партнеров...*»⁵⁰ Восторжествовал компроект ВСТО («Восточная Сибирь — Тихий океан»): труба длиной 4 500 км от Тайшета до Находки (позволяющая включить в круг клиентуры США, Корею, Японию) с ответвлением на Дацин от Сковородино. Монополии и грехов перед экологией, характерных для лесоторговли, Россия в данном случае избежала благодаря проявлению политической воли и потому, что в нефтеторговле ее представляет не криминальная «вольница», крышуемая продажными чиновниками, а звенья госкапитализма (Газпром, Транснефть). Но коллапс СССР по-прежнему благоприятствует Китаю: конкуренция среднеазиатских и российских «энергоцехов чимерики» позволяет влиять на цену.

Конец — «сокрытию» потенциала и потенций

На международном форуме «Россия и Китай в клубке Евразии» (октябрь 2006 г.) директор китайского Института социального развития Европы и Азии Ли Фэньлинь⁵¹ утверждал: «*Особые интересы России в Центральной Азии нам понятны... Китай изначально "заявлял свои интересы" в этом регионе осторожно, чтобы не вступать в противоречие с российскими интересами...*»⁵². Это идентично упомянутому выше завету Дэн Сяопина об осторожности во-вне («*не высовываться*», как у нас любят обозначать эту «стратегему»). Но постсоветский фактор сопряжен со столь весомыми шансами, а политические и экономические элиты постсоветского пространства столь податливы нажиму, что Пекин не позволяет себе чрезмерно осторожничать. Напротив, активизация КНР наблюдалась как раз в тех точках постсоветского пространства, где у России возникли проблемы (в Грузии, Молдове, Белоруссии).

Что же касается Монголии (семь десятилетий столь тесно связанной с СССР, что ее, случалось, величали его «16-й республикой»), то там Китаю — и вовсе не до церемоний. К примеру, 90% продукции медно-молибденового комбината «Эрденет», одного из крупнейших в мире (созданного трудом советских изыскателей и строителей, за советские инвестиции) ныне поступает в КНР, «*где на нее стабильно поддерживаются более высокие цены, чем на мировом рынке*»⁵³.

...Оценивая отношение китайцев к России лондонский аналитик д-р Бобо Ло заметил у них «*смесь презрения (как к державе, «переживающей упадок». — А.К.), остаточного уважения и стратегической осторожности*»⁵⁴. Вес третьей составляющей снижается по мере укрепления Китая, что видит и Бобо Ло: «*Призыв Дэн Сяопина "скрывать наш потенциал" и "выжидать удобного случая" становится неактуальным. Все более могущественный, самоуверенный и во многих отношениях трудный Китай —*

это реальность, требующая изменения в мышлении всех, кто имеет с ним дело», отметил аналитик в той же статье.

Тогда же, в 2010 г., сходную оценку дал знакомый читателям ПДВ шеф Программы изучения политики Китая в Университете Дж. Вашингтона проф. Д. Шамбо⁵⁵: «В последние месяцы Пекин активно закручивает гайки у себя в стране, резко и самоуверенно ведет себя за рубежом... Многие сходятся во мнении, что преодолен некий порог, и теперь с Китаем будет гораздо труднее иметь дело»⁵⁶.

За последнюю пару лет, действительно, все отчетливее проявляется уверенность Пекина в себе и своих силах. Примеры тому: жесткость на копенгагенском форуме по потеплению климата, обострившееся противостояние с Ханоем в Южно-Китайском море, шаги по созданию авианосного флота. Ища объяснения данному феномену, проф. Шамбо назвал несколько вариантов на выбор (сводящихся, в основном, к противостоянию «националистов» и «либералов» внутри КНР). Более убедительную версию могла бы подсказать гегелевская диалектика. Первый «порог» диалектически обусловленной трансформации количественных изменений в качественные, напомним, совпал с присвоением Китаю на стыке XX—XXI вв. титула «мировой фабрики». «Второй порог» ознаменовался примерно через 10 лет освобождением от внушавшейся Дэн Сяопином тактики сокрытия потенциала, «невывывания» вовне.

Да и возможно ли «держаться в тени» державе, опередившей по ВВП (в том же 2010-м году) Японию и вышедшей по этому показателю на второе место после США?

Когда разразился глобальный кризис, китайский потенциал уже был «секретом Полишинеля». В Китае многие эксперты априори хотели видеть «локомотив», вытягивающий мировую экономику из бездны. И надежды в немалой степени оправдались. «После 1989 года капитализм спас Китай. После 2009 года Китай спас капитализм».— цитировала лондонская «Times» английского министра иностранных дел Д. Миллибэнда⁵⁷. «Пока западные демократии кое-как тащились вперед, страдая одышкой, китайская экономика мчалась в будущее на всех парусах», — читаем в статье «Financial Times» «Почему китайский капитализм эффективней американского?»⁵⁸. Особо впечатляет похвала Фрэнсиса Фукуямы, того самого, что 22 года назад... «похоронил историю»

Сей нонсенс изложен, надо признать, весьма складно: «Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив, — писал Фукуяма под впечатлением сноса Берлинской стены и агонии СССР. — То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления». Но в начале 2011 г. вдруг выходит в «Financial Times» его статья «Демократия США мало чему может учить Китай». Американский «Time» это прокомментировал: «Фукуяма, похоже, предупреждает о том, что, говоря языком теории Дарвина, китайская модель способна лучше приспособиться к условиям окружающей среды, чем любая свободная страна»⁵⁹. Понять «ренегатство» Фукуямы нетрудно. Определение либерализма как «окончательной формы правления» сочли «великим открытием», манифестом «монополярного мира». Автор млеет в лучах славы, намного превзойдя популярность изобретателей «чимернки»: Google накопил по словосочетанию «The End of History» более миллиарда (!) ссылок. Как вдруг, вопреки тотальному патронату «либерализма» над миром, оный низвергся в трясину кризиса, из которой успешней всех выплыл Китай! И «могильщик истории» вынужден признать преимущества «авторитарного капитализма КНР». Благодаря мировому кризису проявилось: весть о «кончине» Матушки-Истории — несколько преждевременная, и под воздействием «китайского чуда» «гуру-ренегат» от своего заблуждения косвенно отрякся.

Какие количественные перемены подготовили эту новую трансформацию в новое качество?

...У энергобезопасности Китая есть «ахиллесова пята»: почти 80% импортируемой им нефти уязвимы, ибо добываются в беспокойных регионах Ближнего и Среднего Востока, Африки (90% перевозятся танкерами других стран)⁶⁰. Важной особенностью «нулевых» годов для КНР стала закладка трубопроводной сети для углеводородов с прилегающего постсоветского пространства. Китай близок к достижению нефтяной безопасности по сформулированной там формуле «трех третей» (треть — с Ближнего Востока, треть — из других «заморских» регионов и треть — по суше, из России, Центральной Азии, Каспия⁶¹).

Прокачка нефти к Дацину через ВСТО началась в конце 2010 г.: сроки, изначально предлагавшиеся корпорацией CNPC, были (несмотря на заминку из-за споров о маршруте) соблюдены, чему помог китайский кредит в 21,5 млрд долл.). Но к тому времени (с июля 2006 г.) нефть уже шла в КНР по трубе из Казахстана и даже начата подготовка ее второй очереди. Китайские корпорации купили доли в казахстанских нефте-разработках — примерно 22% добычи (у США и России — соответственно, 24% и 9%).

...Сколько в последние годы было споров, скандалов по газопроводным проектам «Южный поток», «Набукко», «Северный поток»? А не уступающая им по длине и емкости первая очередь газопровода СAGP уже проложена — без особой шумихи — через территории трех среднеазиатских государств и КНР: газ из прикаспийских скважин с декабря 2009 г. подается в тихоокеанский мегаполис Гуанчжоу, а вскоре достигнет и Гонконга. Вопреки соперничеству со стороны ЕС, почти половина газа, экспортируемого Россией, Туркменией и Узбекистаном, предназначена (или уже поставляется) Китаю.

Еще важный сдвиг в сфере в энергобезопасности: достигнутое с Казахстаном в 2011 г. соглашение о поставках урана, что покроет 40% потребностей Китая в этом стратегическом сырье.

Новинка данного этапа: «цзоу чуцью» (установка на «выход вовне»), в рамках которой экспорт-импорт дополнились вывозом капитала для масштабной скупки месторождений полезных ископаемых, транспортной инфраструктуры, технологий, а также для реализации крупных строительных проектов (часто — «в обмен» на нефть или иное стратегическое сырье) с неизменным использованием китайских оборудования и рабочей силы.

Стоит отметить, что многие действия Китая на территориях бывшего СССР и его бывших союзников, сопряженные с освоением месторождений полезных ископаемых, строительством транспортной инфраструктуры, лесоразработками, торговлей, активно способствуют росту его геополитического влияния на безбрежных пространствах Евразии.

...В «трансформации № 2» *постсоветский фактор* вновь сыграл огромную роль. Он не только облегчил Китаю решение социально-экономических задач (поставками сырья, покупкой его товаров, вольным или невольным содействием решению проблем занятости), но и обеспечил ему формирование геополитического фундамента мировой державы. Эта ипостась «китайского чуда» рождена не пленумом 1978 г. и не курсом реформ и открытости; ее истоки — в «чуде № 1», созданном с помощью СССР в 1950-е гг. Дальнейшие изменения этой ипостаси протекали опять-таки неотрывно от *постсоветского фактора*.

Напомню: в начале 1990-х гг. ВВС Китая выглядели слабее тайваньских, и неудивительно, что среди примеров нынешнего китайского «высывывания» американский китаист-политолог Д. Шамбо назвал парад 1 октября 2009 г., когда НОАК «продемонстрировала новейшие образцы вооружений». Его, видимо, поразили провезенные по Тяньаньмэнь ракеты, способные нести ядерные боеголовки. Родословная ракет и боеголовок восходит к 1958 г., когда в КНР прибыли наши ведущие атомщики и ракетчики. К исто-

рическому пленуму 1978 г., повернувшему Китай к НЭПу, тот уже обладал благодаря СССР статусом ракетно-ядерной державы. А потом статус поднялся еще выше... благодаря коллапсу СССР.

Отправляясь в Китай весной 1993 г., я априори восхищался его реформами. Подстать были заголовки первых моих статей: «НЭП по-пекински: всерьез и навсегда», «Рынок в красном варианте», «Когда китайский Гагарин скажет: «Поехали». Космическая тема особенно волновала. Как переживал за неудачи ракет «Чанчжэн»! В 1995 г. случился взрыв при коммерческом запуске спутника «Апстар-2»: несколько человек погибло. В шести последующих запусках счет трагедий и удач был «3:3». Но с октября 1996 г. аварии прекратились, истинные причины чего проявились позднее.

...Именно тогда, в 1996 г. китайцам удалось установить контакт с Центральным НИИ машиностроения в г. Королеве. Благодаря «новому мышлению» и шоковой терапии барьеры секретности пали, а прекращение госфинансирования толкнуло головной ракетно-космический центр в волны бизнеса. В 1991 г. (когда в Китае началась «странная пятилетка») при нем возникло ЗАО ЦНИИМашэкспорт. С ним Китайская импортно-экспортная компания точного машиностроения, проявив «высший пилотаж» в технике освоения *постсоветского фактора*, заключила контракт, который, по свидетельству ФСБ, предусматривал передачу документации «о численном моделировании аэродинамического обтекания асимметрических моделей в условиях сверхзвукового потока, который китайская сторона планировала использовать для создания пилотируемых космических кораблей»⁶². Криминалом суд счел, в частности, «незаконное выполнение работ, которые могли быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники»⁶³. До 2003 г. ЗАО успело передать заказчику 13 научно-технических отчетов, к выполнению коих привлекло более десятка НИИ и КБ «со стороны». Гендиректор ЗАО, член Академии космических наук И. Решетин с тремя подельниками попали за решетку, Китаю же удалось «в ускоренные сроки и с меньшими финансовыми затратами устранить конструктивные и технологические недостатки ракет «Великий поход»⁶⁴, служившие причиной их аварии»⁶⁵.

В октябре 2003 г. шеф Управления по реализации программы пилотируемых космических полетов Се Минбао заявил на пресс-конференции⁶⁶, что непосредственные расходы на запуск «Шэньчжоу-5»⁶⁷ составили... менее одного млрд юаней, или примерно 121 млн долл.⁶⁸ Дешевизна потрясла мир. Я выразил свое удивление в газете «Слово»: «По какой бы методике ни производился данный подсчет, — цифра получилась странно-ватая... При взрыве в январе 1995 года (когда посредством китайской ракеты «Чанчжэн» запускался зарубежный спутник «Апстар-2») китайская страховая компания «Тайпинъян» отчислила его владельцам... 160 млн долларов. Может ли космический корабль «3-го поколения» быть дешевле рядового спутника?»⁶⁹ После «дела Решетина», выяснилось, что очень даже может! К тому же услуги «с черного хода» дополнила помощь легальная, по линии обещаний Ельцина, данных при его посещении Пекина в 1996 г.: Китай обрел документацию по обеспечению длительного пребывания человека в космосе и безопасного возвращения на Землю, образцы скафандров: его космонавты прошли курс обучения в Звездном городке⁷⁰.

Хотелось бы счесть, что эти дары — «в порядке вещей»: отвечают, мол, духу и букве дружбы 1950-х гг. (когда нашим футболистам китайцы хлопали горячее, чем своим). Но смущает вышедшая в 2009 г. Белая книга «Космическая отрасль Китая». В ней относительно подробно сказано о сотрудничестве Китая в этой сфере с Бразилией и Германией, без подробностей — о фактах взаимодействия с Пакистаном, Таиландом и Францией; Россия же... вскользь упомянута среди дюжины стран (Италии, Японии, Швеции, Аргентины, США и пр.), с коими у КНР «подписаны на уровне правительств или министерств соглашения, протоколы о намерениях или меморандумы о научно-техническом сотрудничестве в освоении космоса». Возобладавшие в данном случае мотивы «прести-

жа» не совпадают с завещанной Дэн Сяопином *стратегемой «осторожности вовне»*: потенциал Китая тут не только не утаивается, но намеренно преувеличивается («Белая книга» по космосу вышла в конце 2009 г. — когда Пекин пришел к «порогу», обозначенному в анализе Дэвида Шамбо).

Итак, последовательная, весьма изобретательная реализация китайским руководством курса реформ и открытости в первые 10 лет XXI в. способствовала новым количественным сдвигам и их очередной трансформации в новое качество. Благодаря глубоко и детально продуманной стратегии и политической воле, нацеленной на ее реализацию, Китай отчасти приобщился (наряду с Россией, другими бывшими союзными республиками) к «советскому наследству», причем сумел распорядиться оным рациональней, нежели «прямые наследники».

Если бы... Попытка ретропрогнозирования

...Из сочинений Фергюсона одно из занятных — «Виртуальная история: альтернативы и контр-факты» (“Virtual History: Alternatives and Counterfactuals”), вышедшее в 1997 г. Каждая глава представляет собой эссе, посвященное какому-то известному событию с попыткой уяснить, как изменился бы ход истории, если бы оно получило альтернативный поворот (*Что, если бы немцы осуществили вторжение в Англию в 1940 г.? Или — если бы президент Кеннеди остался жив? Как повернулась бы бы мировая история — не случись в 1989 г. коллапса коммунизма?*).

В таком жанре (именуемом «альтернативной историей», «ретропрогнозированием») античный классик Тит Ливий пытался разобраться: что если бы Александр Македонский не умер скоропостижно и учинил поход на Рим? «На долгом пути своего развития человечество сделало слишком много ошибок. Возможно, ретропрогнозирование поможет избежать хотя бы некоторых других», — читаем в статье одного из приверженцев этого «экзотического» направления исторической науки⁷¹.

Взгляд с такого ракурса на проблематику, рассмотренную в нашей статье, сулит вполне прагматичные результаты, ибо представляет собой, в сущности, «контрольное взвешивание» роли *постсоветского фактора* в переживаемых Китаем преобразованиях, уточнение оценок *курса реформ и открытости* как такового.

...Можно не сомневаться: если бы СССР на карте Евразии сохранился, его связи с КНР были бы дружескими, развивались в русле стратегического партнерства. Не обошлось бы, естественно, без поставок углеводородов. Но в меньшем количестве (и, разумеется, без конкуренции РСФСР с Туркменией или Казахстаном, помогающей покупателю сбивать цену). Нелегальной миграции китайцев на советскую территорию не существовало бы. при этом китайцы наверняка существенно помогли бы обогащению нашего рынка ширпотребом, как и налаживанию его производства в СССР (я, помнится, готовил в конце 1988 г. корреспонденцию в «Правду» о намечавшемся сотрудничестве Львовского телевизионного завода с Китаем).

...Не было бы безоглядной вырубке сибирского леса, каковая растлеивает души, плодит криминал и коррупцию (сомнительно, что захолустный городок Маньчжоули украсили бы хайвэй и небоскребы, тревожащие юных сибиряков). Рост китайского ВВП был бы не «запредельным», как в последние годы, но высоким: ведь и в 1950-е гг. Китай развивался стремительно, пока Мао Цзэдун не подорвал научное планирование волюнтаризмом «большого скачка».

...Не исключено, что СССР и КНР проложили бы сообща «новый шелковый путь» от Тихого океана до Атлантики, но ни у кого в Пекине и в мыслях бы не было — покупать нефтяные скважины в Казахстане, угольные и медно-молибденовые сокровищницы, золотые прииски в Монголии или железнорудные — в Армении. Как не могло бы идти речи о политических интересах Пекина на Каспии, Кавказе, в Белоруссии.

...Словосочетание «китайское экономическое чудо» фигурировало бы в СМИ (как и индийское, бразильское). Китайцам удавалось поднимать экономику и в условиях феодальной формации, и при плановой системе, и под водительством рынка.

...Но без «постсоветского фактора» «китайское чудо» выглядело бы приземленной, до вашингтонских деривативов Пекин навряд ли дотянулся бы, а Ли Сиен Лунг не додумался бы до бренда «всемирная фабрика», как и Фергюсон с Шулариком — до «чимерики». Впрочем, «история» последней практически исчерпана, ибо в Китае множатся собственные «гедонисты». Долларовых миллионеров, охочих до комфорта и «всякой всячины» здесь уже почти миллион (даже для Китая многовато и обременительно).

Кстати, разумно ли трактовать «мировую фабрику» (да и «чимерику») как цивилизационный прогресс? Целесообразно ли перегонять ресурсы со всего света в какую-либо страну только потому, что в ней мало платят рабочим?

...С полетами «Шэньчжоу» Китаю, вероятно, пришлось бы повременить, ибо, не случись коллапса СССР, не распахнулись бы миру и «святая святых», врата Центрального НИИ машиностроения в Королеве. Хотя Ян Ливэя вполне могли бы пригласить на учебу в «Звездный городок».

Прошлого, однако, не вернешь: Советского Союза нет, на его территории протекают тревожные процессы, и на Китай, впитавший частицу силы рухнувшего колосса, ложится высокая, как никогда в прошлом, ответственность.

Китай весьма успешно использовал коллапс СССР, действуя в русле своих национальных интересов, что не означает, что от этого коллапса выиграл раз и навсегда. Кстати, комплименты, предсказания грядущего лидерства Китая в устах западных экспертов вряд ли представляют собой благие пожелания. Скорее, это — предостережения. Не исключено, что на пути дальнейшего восхождения «китайского чуда» будут создаваться препоны (уже сейчас есть подозрения, не есть ли «магрибские революции» — попытки отвадить Китай от африканского сырья).

При СССР будущее Китая было бы спокойней и предсказуемей. В нынешней ситуации многое зависит от взаимного доверия КНР и РФ, их подлинно равноправного и взаимовыгодного сотрудничества — при условии ясного осознания и четкого соблюдения Россией ее национальных интересов (именно этому у Китая и следует, в первую очередь, учиться). К сожалению, серьезных подвижек в этом направлении не заметно: сырьевая привязка постсоветского пространства к Китаю нарастает.

1. См.: *Taipei Times*. 2003. 18 нояб.

2. *People's Daily Online*. 2002. 6 авг.

3. *People's Daily Online*. 2002. 20 дек.

4. *Leggett K., Wonacott P.* The Chinese Hammer // *Far Eastern Economic Review*. 2002. 17 oct.

5. Там же.

6. Китай годом ранее привлек 53 млрд прямых инвестиций из-за рубежа — на 13 млрд больше, отмечено в этой статье со ссылкой на Bloomberg (*China's labor costs, not yuan, lure Dell, Motorola*, *Taipei Times* Oct 09, 2003).

7. Там же.

8. Там же.

9. Русский репортер. 2011. № 7. 22 февр. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1298841960>.

10. Такой посыл некорректен, ибо именно с помощью СССР закладывался фундамент китайских успехов.

11. Тайна китайского экономического чуда. Бюллетень по проблемам экономической и социальной политики. — <http://www.klex.ru/76>.

12. Завтра. 2010. 28 июля.

13. Фрэнсис Фукуяма — американский философ, политолог, политик. Автор нашумевшей статьи «Конец истории?» (1989 г.), переработанной в книгу. Работал в «мозговом центре» США *Rand*

- Corporation*, занимал пост в Центре планирования политики Госдепартамента США. Вопреки репутации «неокона», изначально был в оппозиции к американскому вторжению в Ирак.
- Хантингтон Р. — американский политолог (1927— 2008). Автор концепции «столкновения цивилизаций» (западной, японской, китайской, индуистской, исламской, православной, латиноамериканской, африканской).
14. Китайское чудо: Продолжение следует? // Радио Свобода. 2011. 14 февр.
 15. Результат эйфории, овладевшей западными интеллектуалами после распада СССР: о себе заявили Фукуяма (с «Концом истории»), Хантингтон (со «Столкновением цивилизаций»), Бжезинский (с «Великой шахматной доской»), Фергюсон—Шуларик (с «чимерикой»).
 16. Фергюсон Н. — Знарок истории экономики и финансов. В 2004 г. попал в список «Ста влиятельнейших персон мира» (из россиян туда включили только В. Путина). Шуларик М. — германский экономист. «Чимерику» презентовали в феврале 2007 г. в двух вариантах: публицистическом ("Wall Street Journal") и научном (в Интернете). См.: Chimerica and global asset markets by Niall Ferguson and Moritz Schularick: <http://jfk.fu-berlin.de/faculty/economics/team/persons/schularick/chimerica.pdf>.
 17. Банкротство случилось 15 сент. 2008 г. — это событие считается началом мирового кризиса.
 18. <http://www.newsru.com>.
 19. Разница в оплате труда между США и КНР, на самом деле, выше (если сравнивать рабочих с рабочими).
 20. Бергер Я. М., гл. научный сотрудник ИДВ РАН, удачно посостязался с «дустом» в остроумии: пересказывая концепцию Фергюсона, уподобил «американо-китайский симбиоз»... семейной ячейке: муж зарабатывает, жена тратит. (См.: Я.М. Бергер. Экономическая стратегия Китая. М., 2011. С. 486).
 21. См: Foreign Affairs. 2008. № 4.
 22. Американец польского происхождения. В 1977–1981 гг. — советник по национальной безопасности в администрации Дж. Картера. Стоит на антисоветских и антироссийских позициях.
 23. Подразумевалась стратегия сплочения Японии, США, Китая, Пакистана, Ирана, Турции, Европы в единый фронт борьбы с «советским гегемонизмом».
 24. Александрова М. Четверть века торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР (на примере провинции Хэйлуунцзян) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 58.
 25. Там же.
 26. Потомственный китаевед, ныне — член Совета Федерации РФ (представляет Амурскую обл). Цитируется по публикации в «Известиях». — (<http://www.izvestia.ru/politic/article3136812>)
 27. Медведев Р. «Китай и распад СССР». // ПДВ. 2011. № 1. С. 174.
 28. Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. М., 2006. С. 195.
 29. Ныне — 1-й заместитель министра иностранных дел РФ.
 30. См.: Энциклопедия Кольера. —http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/3409/
 31. См.: Henry C.K. Liu. Obama, change and China. Part 2. A dangerous balance. // Asia Times. 2009. 13 марта.
 32. Там же. С. 556.
 33. Медведев Р. Указ. соч. С. 175.
 34. Рыжова Н.П. Развитие окраинных регионов КНР: роль «приграничного пояса открытости». Пространственная экономика. 2008. № 4.
 35. Там же.
 36. Александрова М.В. // Сайт Перспективы. 2009. 6 марта.
 37. См.: Александрова М.В. Четверть века торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР (на примере провинции Хэйлуунцзян) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. №1. С. 58.
 38. 1980–2000 гг.
 39. Жэньминь жибао. 1958 12 февр.
 40. Ли Юэжань. Вайцзяо утайшандэ синь чжунго линсю [Лидеры Нового Китая на дипломатической арене]. Пекин. 1994.
 41. Там же. С. 25
 42. Ровно половина их вступила в строй уже по ходу 1-й пятилетки.
 43. Маршал Не Жунчжэнь отвечал за реализацию проекта создания атомной бомбы.
 44. «Рынок одного покупателя», на котором именно он (а не продавец) диктует цену.

45. Грибова С.Н. Забайкальский край и Китай в торговле лесом: новые подходы // *Пространственная экономика*. 2008. С. 145.
46. Там же. С. 141, 142.
47. Крушинский А. Великая Восточная труба // *Энергополис*. 2009. №3. С. 38.
48. Дело М. Ходорковского стало разворачиваться в начале 2003 г., в октябре он был арестован.
49. См.: Китайцы отомстили за Дацин // *Известия*. 2004. 19 июля.
50. Веб-сайт Жэньминь жибао. 2004. 13 октября.
51. В 1995–98 гг. — Посол Китая в РФ.
52. Крушинский А. Евразия, ШОС и игроки-киллеры // *Парламентская газета*. 2006. 26 сент.
53. См.: Файзуллаев Д. Битва за Монголию: оправдывает ли цель средства? // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 3. С. 33–34.
54. Бобо Ло. Постоянная перезагрузка Китая. Взгляды Пекина на постсоветское пространство. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1288562640>.
55. См.: Шамбо Д. Заметки о современном американском китаеведении // *Проблемы Дальнего Востока*. 2009. № 6. С. 146–153.
56. Shambaugh D. The year China showed its claws // *The Financial Times*. 2010. 17 febr.
57. <http://polit.ru/news/2010/01/12/state.popup.html>.
58. *The Financial Times*. 2011. 21 янв.
59. Karon T. Why China Does Capitalism Better then the U.S. // *Time*. 2011. 1 jan.
60. См.: Ли Син, Мартиросян А., Чжао Чжэнь. Значимость центральной части Евразии для энергетической безопасности Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 2011. № 2. С. 36.
61. Портяков В.Я. Китай и Россия в ШОС // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 6. С. 57.
62. ФСБ против ЦНИИМаш. — <http://www.agentura.ru/timeline/2005/cniimash/>.
63. Там же.
64. По-китайски: «Чанчжэн».
65. См.: Шлындов А. Сотрудничество России и Китая в научно-технической, технологической и производственной сферах. *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 6. С. 19.
66. *Peoples Daily on-line*. 2003. 21 окт.
67. Первый китайский пилотируемый космический полет, состоявшийся 15 окт. 2003 г. «Китайский Гагарин», Ян Ливэй (431-й по счету землянин, побывавший в Космосе) за 21 час полета совершил 14 витков вокруг Земли.
68. По тогдашнему обменному курсу 1 доллар равнялся 8,2767 юаня.
69. Крушинский А. «Вызов Китая» // *«Слово»*. 2003. 24 окт.
70. См.: Шлындов А. Указ. соч.
71. См.: Невский Б. «Альтернативная история как наука». — <http://www.mirf.ru/Articles/art62.htm>.

Политика

Китайско-американские отношения на новом этапе: что впереди?

© 2011

А. Давыдов

В статье анализируются взаимоотношения между Китаем и США на протяжении последних двух с половиной лет. Автор приходит к выводу, что в результате трудных договоренностей сторонам удалось на нынешнем этапе выработать некую парадигму обоюдного поведения, позволяющую регулировать возникающие между ними проблемы и разногласия на неконфронтационной основе. При подготовке статьи автором использованы данные из опубликованных им ранее работ, а также аналитических материалов ИДВ РАН, в составлении которых он принимал участие.

Ключевые слова: Китай, США, «большая двойка», стратегические интересы, региональные и глобальные конфликты.

В июле с.г. во взаимоотношениях КНР и США отмечается знаменательная дата: ровно 40 лет назад Г. Киссинджер, помощник по национальной безопасности тогдашнего американского президента Р. Никсона совершил в качестве его спецпосланника секретную поездку в Пекин, заложив «первый камень» в фундамент последующей нормализации американо-китайских отношений и проторив путь историческому визиту Никсона в Китай в феврале 1972 года. Визиту, сам факт которого во многом способствовал последующим существенным переменам не только в отношениях между ведущими мировыми державами — КНР, США и СССР, но и во всей глобальной архитектонике.

Вспоминая то время, Киссинджер впоследствии признавался: «Мы с президентом Никсоном решили тогда попробовать пойти на взаимодействие с Китаем потому, что были уверены: создать новый порядок в мире без Китая невозможно»¹.

В вышедшей в преддверии этого своеобразного юбилея его новой книге «О Китае» Г. Киссинджер изложил свои размышления о реалиях американо-китайских связей, отметив, что «в настоящее время отношения между двумя странами прекрасны и крепки». Одновременно он признался, однако, что «некоторых трений в процессе их взаимодействия невозможно избежать». В этом «патриарх американо-китайской разрядки» абсолютно прав, хотя несколько смягчает за камуфляжной формулой «некоторых трений» суть существующих разногласий.

За прошедшие 40 лет отношения США и Китая пережили значительное число «взлетов и падений», которые влияют как на состояние взаимосвязей двух стран, так и на ситуацию в мире в целом. В этом смысле не являются исключением и последние два с половиной года, на протяжении которых у власти в США находится администрация первого в их истории президента-афроамериканца, демократа Б. Обамы.

Провозгласив после прихода в Белый дом «новый курс» на китайском направлении, он не сумел, однако, поначалу адекватно оценить и осмыслить цели и намерения КНР, вытекавшие из процесса обретения ею в результате трансформаций, сопутствовавших глобальному финансово-экономическому кризису, статуса второй державы мира. Эта недооценка привела к стагнации и даже некоторому откату в отношениях обеих стран в 2010 г., что, впрочем, не оказало существенного влияния на характер и объем прежде всего их торгово-экономических связей. Упорядочению и «переналаживанию» китайско-американских контактов призван был способствовать состоявшийся в январе с.г. визит в США Председателя КНР Ху Цзиньтао.

* * *

Выступая накануне январской поездки Ху Цзиньтао в США в организованном агентством «РИА-Новости» видеомосте Москвы и Пекина на тему «Чего ждать России от китайско-американского сближения?», я осмелился утверждать, что *сближения* как такового *между КНР и США не наблюдается*, а есть нормальные отношения, которые, как и прежде, развиваются, чередуя «пики с провалами». И поэтому предложил расценивать предстоящий визит китайского лидера в Вашингтон как важный шаг на пути к восстановлению поврежденных на протяжении 2010 — кризисного для взаимоотношений двух стран года — связующих их нитей.

И теперь, спустя более полугода после визита, мне не кажется необходимым де-завуировать сказанное тогда, но с одним небольшим уточнением: сближения КНР и США в смысле «упрочения их дружественных связей» в январе 2011 г. не произошло. Но в попытках реконструкции порушенного былыми ссорами сторонам удалось вместе и порознь, заново и четче, чем в прошлом, определить контуры взаимоприемлемой конфигурации их глобальных устремлений, нарушая которые каждая из них рискует навлечь недовольство визави. Удастся ли им впредь избегать таких нарушений — покажет только будущее.

Ключевым в совместном заявлении руководителей двух стран по итогам визита представляется признание того, что КНР и США договорились прилагать «усилия по установлению отношений сотрудничества и партнерства, *основывающихся на взаимовы уважении, взаимной пользе и взаимовыигрыше*». А в комментарии к нему на сайте «Жэньминь жибао он-лайн» с категоричной откровенностью констатировалось, что «антагонистические игры и мысли о конфронтации» более неприемлемы, а *общей ответственностью* лидеров обоих государств *становится «разумное урегулирование проблем в американо-китайских отношениях в целях реализации обоюдной выгоды»*.

Что скрывается за этими формулировками и что из них вытекает? Ответ, возможно, даст обзор и ретроспективный анализ событий в отношениях обеих стран на протяжении двух с половиной лет пребывания Б. Обамы в Белом доме.

* * *

Примечательно, что его инаугурация на пост президента состоялась спустя всего несколько дней после торжественно отмеченного в Америке и Китае 30-летия установления между ними официальных дипломатических контактов. В выступлении на праздничной церемонии, проходившей 5 января 2009 г. на Нью-йоркской фондовой бирже,

Г. Киссинджер особо подчеркивал необходимость совместного противостояния двух стран экономическим и политическим катаклизмам и усиления между ними стратегического диалога².

Через неделю, 12 января в Пекине открылся приуроченный к юбилею двухдневный симпозиум, в котором приняли участие более 250 китайских и американских политиков, дипломатов и ученых. Многие из них были лично причастны к процессу формирования и развития двусторонних связей. Выступая на торжественном банкете в их честь, заместитель Председателя КНР Си Цзиньпин отмечал, что за прошедшие три десятилетия объем торговли между двумя странами вырос более чем в 120 раз — с 2,5 млрд долл. США в 1979 г. до 300 с лишним млрд долл. в 2007 г. Между сторонами было подписано свыше 30 соглашений о межправительственном сотрудничестве, создан механизм диалога более чем по 60 вопросам, непрерывно расширялось и углублялось взаимовыгодное сотрудничество, динамично развивались дружественные контакты, продолжал углубляться культурный обмен. В последние годы свыше 2 млн граждан КНР и США ежегодно пересекали границы двух государств³.

В тот же день в Доме народных собраний состоялась встреча Ху Цзиньтао с Дж. Картером, Г. Киссинджером, З. Бжезинским и Б. Скоукрофтом, на которой Председатель КНР охарактеризовал китайско-американские отношения как «одни из самых важных, *значимость влияния которых выходит за границы двустороннего формата*». В ответном слове Дж. Картер, бывший президент США, при котором официальные дипотношения с Китаем были установлены, отметил, что «американо-китайские отношения *стали самыми важными двусторонними отношениями в мире*».

Оценки политиков подкреплялись и детализировались в комментариях и заявлениях экспертов обеих стран. Заместитель министра иностранных дел КНР Хэ Яфэй выдвинул на открытии симпозиума ряд предложений относительно будущего развития китайско-американских связей. Он подчеркнул, что стороны должны строить их на основе взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды, руководствуясь стратегической дальновидностью, уважать принципы трех совместных китайско-американских коммюнике; непрерывно углублять диалог и взаимопонимание, прикладывая усилия к росту политического взаимодоверия; активно возвращать новые ростки межгосударственного сотрудничества, ставя во главу угла его развитие и расширение; должным образом разрешать разногласия и чувствительные проблемы, уменьшать трения между двумя государствами; всемерно поддерживать обмены между всеми общественными кругами Китая и США, укрепляя тем самым социальную базу китайско-американских отношений.

Для китайских специалистов одним из главных вопросов стала экономическая взаимозависимость США и КНР. Профессор Пекинского института международных исследований Ши Юньхун указывал, что в будущем американо-китайские разногласия будут касаться не Тайваня, а проблемы торговли, а «нынешний финансовый кризис является еще одним свидетельством того, что *влияние США в мире начинает ослабевать, в то время как Китай, наоборот, находится на подъеме, и необходимо сделать все, чтобы способствовать дальнейшему укреплению его статуса как глобальной державы*»⁴.

Американский синолог, профессор Рассел Ли Мозес, наоборот, самым серьезным барьером, препятствующим улучшению китайско-американских отношений, назвал именно тайваньский вопрос. Но будущий курс взаимоотношений США и Китая, по его мнению, не следовало сводить лишь к решению имеющихся проблем. Он предложил сторонам *выработать ясный список своих целей, чтобы избежать недоразумений, ведущих к конфронтации*.

Руководители Филадельфийского института внешнеполитических исследований обусловили «расцвет двусторонних отношений» США и Китая в первую очередь тем, что «экономические и стратегические интересы взяли верх, а они диктуют партнерство». Окончание «холодной войны» оставило США в роли единственной сверхдержавы, и «эти условия способствовали экономическому развитию Китая, сотрудничество с процветающими США было ему выгодно, при этом Пекин незаметно стал неоспоримой геополитической силой». В то же время российскому руководству, по мнению американских экспертов, «не нравится мир в том виде, каким он стал после «холодной войны», и оно хотело бы его переделать». Если Китай вполне устраивает нынешняя глобальная расстановка политических и экономических сил, то Москва, «решившая, что нефтедоллары дают ей повод диктовать свои условия в международных отношениях, не хочет мириться с существующими геополитическими реалиями», утверждали они⁵.

14 января 2009 г. лондонская «Financial Times» опубликовала статью З. Бжезинского, в которой как бы резюмируя юбилейные оценки, он подчеркнул, что «США и Китай должны развивать стратегическое сотрудничество, создав «большую двойку», которая сможет значительно изменить ситуацию в мире». Политолог утверждал, что Пекину и Вашингтону не следует забывать о своей взаимозависимости, и призвал «углубить и расширить геостратегическое сотрудничество». По его мнению, непосредственное участие Китая в решении проблем в ряде стратегических регионов мира давно назрело и стало необходимым. Бжезинский также предложил КНР наладить совместную разработку политики в области климатических изменений и реорганизации ООН⁶.

* * *

Статья в ведущей британской газете вызвала в мире громкий резонанс, хотя, по существу, не стала откровением. Поскольку тема возможности формирования геополитического альянса между США и КНР, идея создания Вашингтоном и Пекином коалиции в виде «большой двойки», или «мира на двоих» (G-2), экономического и политического блокирования двух стран в формате т.н. «кимерики» постоянно присутствовала на протяжении нескольких предыдущих лет в мировых СМИ.

Впервые ее выдвинул в 2005 г. руководитель вашингтонского Института мировой экономики Фред Бергстен изначально в качестве концепции создания некоего экономического американо-китайского кондоминиума, в основу которого закладывались следующие соображения:

– в совокупности экономики двух стран в течении четырех лет общемирового подъема с середины первого десятилетия XXI в. обеспечивали около 50% глобального экономического роста;

– США и КНР являются самыми крупными торговыми странами и одновременно наиболее злостными загрязнителями глобальной окружающей среды;

– в то же время Америка и Китай находятся на диаметрально противоположных позициях с точки зрения дисбаланса мировой торгово-финансовой системы: в то время, как США остаются ее крупнейшим должником и дебитором, КНР является страной с самым большим активным сальдо и наибольшими золотовалютными резервами;

– оба государства выступают, соответственно, в качестве лидеров двух групп стран: США — богатых и индустриально развитых, а КНР — развивающихся с формирующейся рыночной системой, причем каждая из этих групп обеспечивает в настоящее время до 50% общемирового ВВП.

Более года спустя после Бергстена британский историк Нейл Фергюсон и экономист Морис Шуларнк в своих работах формализовали китайско-американскую экономическую связку, описав ее в виде своеобразного механизма — «кимерики» — конгло-

мерата производителей-кредиторов и потребителей-должников, который, став в случае превращения из виртуального в реальный «единой экономической системой», охватил бы около 13% мировой территории и четверти мирового населения, производя при этом почти треть общемирового ВВП и обеспечивая более половины глобального экономического роста.

Главную опасность в случае реализации своей идеи исследователи видели в том, что в такой «комбинации» в руках Китая сосредоточились бы сильные рычаги экономического воздействия на США (огромные валютные ресурсы, американские долговые обязательства, положительный баланс в двусторонней торговле и пр.), используя которые, он мог бы при желании пытаться шантажировать Америку угрозами изменения силового баланса в результате переориентации собственных приоритетов в направлении, к примеру, ШОС, членом которой является Россия, или африканского континента.

Небезосновательность подобных опасений, очевидно, стала одной из причин, заставивших политиков и политологов США подвергнуть идею «большой двойки» дальнейшему развитию, доработке и усовершенствованию. В результате появилась уточненная концепция будущего мироустройства, призванного опираться на «единство интересов» или «общую судьбу» США и Китая. Она не была плодом совместных коллективных усилий, но ряд видных представителей американской политологии и синологических кругов внесли в нее каждый свою лепту.

В итоге «кимерика» как таковая составила лишь часть идеи «большой двойки», олицетворяя экономическую «смычку» Америки с Китаем с целью их взаимодействия для преодоления, прежде всего, трудностей разразившегося в конце 2008 г. финансово-экономического кризиса, а конкретнее — привлечения Америкой китайских ресурсов для поиска путей выхода из катастрофической ситуации, в которой очутилась в тот момент ее экономика.

Свое видение проблемы представил Г. Киссинджер, который считал, что новый мировой порядок должен строиться, прежде всего, на системе совместных приоритетов, альтернативой которой является хаос. По Киссинджеру, наряду с уже имеющимися глобальными органами финансового управления необходимо было *создать политические наднациональные органы с США и КНР в качестве «ядра»*, поскольку им сейчас «важно сотрудничать и не замыкаться в своих регионах, чтобы совместно преодолеть последствия кризиса»⁷.

Схожие мысли высказал и известный американский синолог Дэвид Лэмптон — директор Центра по изучению Китая при университете им. Дж. Хопкинса, который, однако, больше ратовал за взаимодействие вышеупомянутой «двойки» прежде всего в области т.н. «мягкой силы» и особенно в интеллектуально-технической сфере⁸.

Подход З. Бжезинского отличался особым акцентом на *общность стратегических интересов США и КНР* и тесное взаимодействие двух стран в целях их реализации.

* * *

То, что статья в «Financial Times» была опубликована менее чем за неделю до прихода к власти нового президента-демократа и вышла из-под пера одного из его ключевых на тот момент внешнеполитических консультантов, давало основания предположить, что для «встающей за штурвал» администрации она носила характер программной.

Действительно, унаследовав в политике по отношению к КНР — в том числе и благодаря занятию ключевых внешнеполитических постов в его администрации Х. Клинтон и Б. Гейтсом — сочетание подходов своих предшественников Б. Клинтона и Дж. Буша-мл., Б. Обама взял курс на дальнейшую активизацию попыток вовлечения Ки-

тая в глобальные экономические и политические процессы при одновременном ограничении возможностей его независимой контригры.

В частности, переосмысление его администрацией итогов китайской политики Буша привело к выводу о том, что заставить Пекин скорректировать его курс (как политический, так и валютный) в пользу США вряд ли реально. Отсюда возникла мысль предложить ему некий большой проект, в данном случае дуополюсность, в рамках которого необходимые Вашингтону действия могли бы трактоваться не как уступки, а как шаги по построению совместного мирового порядка. При этом идея американского лидерства с точки зрения самих Соединенных Штатов не должна была подвергаться сомнению.

В стратегическом плане предложенный Обамой Пекину вариант «двойки», в отличие от «бушевской», был направлен на завязывание новой крупномасштабной геополитической игры, результатом которой должно было стать очередное глобальное возвышение несколько «сникшей» на тот момент Америки на фундаменте спровоцированного ею китайско-российского разлада (не случайно Китаю демонстративно, но ненавязчиво был сделан намек на то, чтобы занять место России в качестве главного американского визави) и ослабление обонх соперников США.

Еще в ходе предвыборной кампании будущий президент заявлял, что будет «подталкивать» Пекин к «более ответственной роли» в оказании американскому лидерству содействия при решении общих проблем XXI в. В то же время Б. Обама указал, что США будут не только сотрудничать с Китаем, но и «соостязаться с ним, распространяя демократические ценности».

Для Китая это не стало неожиданностью, поскольку он традиционно был готов к тому, что именно при администрациях демократов упор в американской внешней политике зачастую делался на проблему соблюдения в КНР прав человека, что расценивалось там как вмешательство во внутренние дела, посягательство на суверенитет и навязывание чуждых западных норм общественной жизни.

Со своей стороны Пекин желал, чтобы курс США на китайском направлении был более предсказуемым. Беспокойство у руководства КНР вызывали настойчиво повторяемые Б. Обамой обещания перемен. Усиление критики со стороны США по поводу преследования диссидентов или введение протекционистских мер и позиционирование Китая как главного виновника экономических бед, постигших Америку, не могли устроить его.

По мнению китайцев, американцам было необходимо прежде всего осознать, что Китай, скупивший к тому времени облигации Министерства финансов США на сумму свыше 700 млрд долл., являлся главным гарантом огромного долга Америки и, обладая самыми большими валютными резервами в мире, мог помочь восстановить ее национальную экономику.

* * *

Поскольку приход к власти администрации демократов на этот раз совпал с наиболее острой фазой развития глобального финансово-экономического кризиса, на первый план в китайско-американских отношениях выдвинулись проблемы, связанные с его преодолением.

На этом фоне американцы явно приглушили правозащитную тематику. Х. Клинтон в ходе своего первого визита в КНР в феврале 2009 г. заявила на пресс-конференции в Пекине, что «давление по этим вопросам не должно мешать решению проблем глобального экономического кризиса, глобальных изменений климата и кризисов в сфере безопасности»⁹.

В качестве первого шага Обама предложил Китаю повысить курс юаня и тем самым помочь устранению дисбаланса в мировой торговле, а заодно и уменьшению торгово-

го дефицита самих США. Американская администрация высказала также заинтересованность в том, чтобы Китай продолжал покупку облигаций Министерства финансов США.

На встрече Обамы с председателем КНР Ху Цзиньтао в апреле 2009 г. в Лондоне была достигнута договоренность об американо-китайском стратегическом и экономическом диалоге, охватывающем практически все сферы сотрудничества двух стран в мировых делах — от укрепления режима нераспространения ядерного оружия, урегулирования национальных конфликтов, улучшения связей военных ведомств США и Китая — до преодоления мирового кризиса¹⁰.

Американская администрация в ходе переговоров обещала Китаю вдвое сократить свой финансовый дефицит после улучшения экономической ситуации. Китай, со своей стороны, заявил о намерении усилить макрорегулирование и расширить сферу внутреннего потребления.

По мнению сторон, «в силу новых исходных пунктов и обращенности в будущее» *межгосударственные отношения двух стран*, исходя из стратегических и долгосрочных интересов и перспектив, *были оценены ими не только как приоритетные, но «крайне конструктивные и активные, необходимые для будущего мира».*

Логично предположить, что как раз после лондонской встречи в умах ряда ведущих специалистов в области внешней политики и в США, и в КНР начала вызревать мысль о гипотетической реальности некоего альянса сторон на почве взаимной заинтересованности в возможностях друг друга, но при этом исключительно на условиях, которые каждая из них сочла бы единственно приемлемыми для нее самой.

Не в последнюю очередь это ощущение должно было подкрепляться впечатлением относительной мягкости, плавности и безболезненности «переходного периода» в отношениях двух стран по сравнению с предыдущими сменами Вашингтонских административных властей.

Что касается соображений, на которые опиралась каждая из сторон, то США исходили из того, что Китай, официально не отвергавший в тот момент зондажа идеей «большой двойки», не станет оспаривать американское глобальное лидерство при условии согласия Америки на усиление его региональной роли и дальнейшее укрепление позиции ведущей развивающейся державы мира.

От внимания в США не ускользнуло, что со второй половины первого десятилетия нынешнего века Китай начал постепенное замещение своей прежней внешнеполитической концепции «мирного возвышения» более мягкой по формулировкам концепцией «гармоничного мира». Как практический результат этих изменений американская сторона восприняла его лояльное поведение по отношению к ней как партнеру по экономической «связке» в период глобального кризиса.

Знаковым для нее стало также согласие Китая после «прихода во власть» Обамы на возобновление военных связей, замороженных в конце президентства Буша из-за его решения о военных поставках Тайваню.

И, наконец, определенную роль, видимо, сыграли замеченные Америкой попытки представителей некоторых внешнеполитических ведомств КНР, прежде всего, китайского МИДа определенным образом «подыграть» ее идее «G-2». Характерно, что после встречи в Лондоне на протяжении почти 10 месяцев вплоть до визита Обамы в Китай представителям экспертного сообщества и СМИ КНР в дискуссионно-пропагандистских целях не возбранялось обсуждать в печати, на ТВ и в специальных изданиях как саму эту идею, так плюсы и минусы предложенного США формата¹¹.

Со своей стороны руководство Китая, анализируя предложенную Вашингтоном инициативу, не могло не учитывать, что смена власти в США совпала с началом качественной трансформации мировой архитектуры — постепенным демонтажом монополяр-

ной системы, связанным с ослаблением глобальных позиций и роли Америки в мире. Его причины носили комплексный характер и были обусловлены как внешнеполитическими неудачами предыдущей администрации, так и ее внутренней политикой, приведшей США, а за ними всю мировую экономическую систему к глубочайшему финансовому кризису.

Экономическое «недомогание» сказалось на военно-политической мощи США и существенно ограничило их способность силового реагирования, возможности диктовать более слабым и зависимым странам линию поведения. На таком фоне вес, авторитет и влияние Китая в мире, подкрепленные усилением его комплексной мощи, значительно возросли.

Кроме того, «на руку» Китаю сыграло то обстоятельство, что впервые со времен Ф. Рузвельта к власти в США пришла администрация, нацеленная в силу сложившихся внутренних условий на определенную социализацию американского государства, воссоздание ориентированных соответствующим образом институтов, что потребовало от нее принципиально иных подходов и к международной политике, сокращения ресурсов для внешней экспансии.

Внутреннее «полевение» порождало необходимость внешнеполитических коррективов, смягчения прежнего, агрессивного курса. А стремление выпутаться из иракского и афганского «тупиков» заставляло притушить накал в отношениях с КНР и Россией, приведя к идеям американско-российской «перезагрузки» и «нового курса» на китайском направлении.

Эти коррективы нашли отражение в новых доктринах новой американской администрации — внешнеполитической и ядерной, но в итоге не стали определяющими в ее курсе. По существу, внешнеполитическая программа кандидата в президенты Б. Обамы так и не была полностью реализована в международной политике администрации Обамы-президента, поскольку Соединенные Штаты, вопреки его предвыборным обещаниям, вознамерились сохранить за собою прерогативу глобального доминирования, не пожелав переуступить ее кому-либо или хотя бы поделиться с кем-то этой привилегией.

* * *

В Китае это отчетливо осознали в ходе визита туда президента США в ноябре 2009 г. Поэтому на привезенное Обамой предложение Пекину о дуумвирате с Америкой, в котором «партию первой скрипки» Вашингтон безоговорочно оставлял за собою, а Китаю отводил роль «младшего партнера», последовал решительный отказ.

На встрече с американским президентом 18 ноября 2009 г. в Пекине премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао без обиняков заявил, что с идеей т.н. «большой двойки» Китай не согласен. Он подчеркнул, что его страна «все еще остается развивающейся... с огромным населением, и ей предстоит пройти долгий путь для того, чтобы превратиться в модернизированное государство». «Китай проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику и не намерен вступать в союз с другой страной или группой стран. Глобальные проблемы должны решаться всеми государствами мира, а не одной или двумя странами», — отметил премьер¹².

Помимо перечисленных им причин отказа от участия в «двойке», Китай в тот момент, как показал последующий ход событий, исходил также из соображения о том, что качественные трансформации, происходившие в международной архитектонике и системе современного миропорядка на фоне разразившегося глобального кризиса, должны были гарантировать ему основание и право претендовать не на вспомогательную роль в двустороннем альянсе, а на полноправную позицию второй державы мира. Тем более, что по экономическим показателям он справлялся с кризисом увереннее многих

других и уже тогда достигал Японию, которую затем превзошел по итогам 2010 г., обнародованным накануне ответного январского (2011 г.) визита Ху Цзиньтао в Вашингтон.

На фоне полученной Обамой отповеди значение опубликованного за день до этого, 17 ноября 2009 г., его совместного заявления с Ху Цзиньтао по итогам «углубленных, конструктивных и откровенных консультаций о состоянии и перспективах китайско-американского сотрудничества на пяти главных направлениях» было фактически девальвировано до уровня рядовой декларации. Критики президента внутри США не упустили своего шанса, укоряя его за «излишние реверансы» в адрес Пекина. «Америка предстала в роли просителя и дала понять китайцам, что заинтересована в них намного больше, чем они в ней», — утверждал, в частности, Д. Лэмpton¹³.

Главным результатом поездки Обамы в КНР осенью 2009 г. стало, как ни парадоксально, гораздо более глубокое и четкое осознание американской политической элитой характера, целей и устремлений Китая на современном этапе, который, будучи на подъеме, демонстрировал твердость, бескомпромиссность и неуступчивость, уважая и признавая только силу, действуя исключительно в собственных интересах с явным намерением трансформации его укрепляющейся мощи в желание закрепить за собой статус ведущей глобальной державы.

Это обнаружило несостоятельность разработанной Госдепартаментом и Советом национальной безопасности США и выдвинутой заместителем госсекретаря Джеймсом Стейнбергом в отношении КНР новой формулы «стратегического заверения» (strategic reassurance), суть и главное отличие которой от зелликовского «ответственного акционера» (responsible stockholder) состояли в том, что *Китаю*, помимо принятия на себя ответственности за глобальное развитие, *необходимо было убедить остальное международное сообщество, что он в качестве глобальной державы не будет угрожать его безопасности и благополучию*. Но таких гарантий Пекин давать не собирался. Напротив, Соединенным Штатам в ответ было предложено самим предоставить Китаю гарантии невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Выводы и реакция американской администрации на обозначившуюся позицию Пекина были соответствующими. От осторожности и сдержанности она перешла к планомерному процессу подкрепления своих принципиальных позиций по самым чувствительным проблемам американо-китайских отношений.

В итоге на протяжении всего 2010 г. негативное в них заметно превалировало позитивное: конфликт вокруг американской компании Google, грозившей свернуть деятельность в КНР в ответ на цензуру в китайском Интернете; обострение отношений в связи с намерением США выполнить обязательства перед Тайванем о поставках вооружений и ответным прекращением Пекином военных связей с Вашингтоном, введением Китаем санкций против американских компаний, участвующих в вооружении острова; повышение пошлин на ввоз в США китайских покрышек и стальных труб; прием в Белом доме далай-ламы; возобновление Соединенными Штатами предъявления претензий к Китаю по проблеме прав человека и защите национальных меньшинств; отказ КНР в поддержке США по иранской ядерной программе; отказ им в требовании ревальвировать юань и уменьшить американский дефицит в торговле с Китаем; разночтения в отношении к проблеме глобального изменения климата; жесткая реакция США на китайские претензии в отношении спорных территорий и акваторий в Южно-Китайском море; кризис на Корейском полуострове; вручение Нобелевской премии мира китайскому диссиденту Лю Сяобо и т.д.

* * *

На начальном этапе обострения отношений с США у некоторых представителей китайского экспертного сообщества возникли настроения в пользу пересмотра внешнеполитической стратегии страны в направлении ужесточения с целью более решительного и агрессивного продвижения ее стратегических интересов. Этот новый стиль отчасти был опробован в региональных территориальных спорах в ЮВА и СВА. Но в двусторонних связях с Соединенными Штатами предпочтение было отдано сохранению сдержанности.

Характерно, что серьезные разногласия и конфликты сторон в политической сфере практически не отразились на их поведении в области двусторонних торгово-экономических, научно-технических и культурных связей, продолжавших расти и шириться. Активизировался ставший регулярным стратегический и экономический диалог. В 2010 г. товарооборот Китая и США достиг 385,34 млрд долл., уступив только торговле КНР с ЕС (479,71 млрд долл.). При этом американский экспорт в Китай, который в 2009 г. не превышал 100 млрд долл., составил год спустя 110 млрд долл. и рос на 50% быстрее, чем экспорт в другие страны мира.

Примечательно, что, выйдя в 2010 г. по объему ВВП (6,48 трлн долл. по официальным китайским данным) на второе место в мире, КНР еще до этого на протяжении ряда лет никому не уступала лидирующих позиций по общему объему экспорта и величине золотовалютных запасов (в прошлом году — 1, 578 трлн долл. и свыше 3 трлн долл. соответственно). В то же время размер внешнего долга у США практически сравнялся с объемом их ВВП и составил около 14 трлн долл. или более 45 тыс. долл. на каждого американца при дефиците госбюджета в размере 1,48 трлн долл.¹⁴

В актив Китая, оценивая темпы его развития в «погоне» за США, следует занести второе после них место по сумме привлеченных в прошлом году в страну прямых иностранных инвестиций (109 млрд долл.). Его мощный рывок за последние годы в научно-технической области, в сферах разработки передовых технологий и фундаментальных исследований по многим показателям приблизил КНР к уровню США. В вузах Америки в настоящее время обучается более 128 тыс. китайских студентов, и перед нею встала задача довести количество своих студентов в КНР до 100 тыс.

Несмотря на постоянно декларируемое недовольство Вашингтона экономической экспансией Китая, растущим в торговле с ним дефицитом и заниженным курсом его национальной валюты, китайским товарным демпингом и государственным протекционизмом, по-прежнему налицо стремление США удерживать быстро растущий Китай в орбите своего экономического притяжения, привязав к себе еще крепче. Это стремление породило в свое время попытки мифологизации Америкой якобы «неразрывной экономической взаимозависимости США и КНР», выражавшейся в утверждении, что «резкий шаг одной из сторон по выходу из статус-кво неизбежно повлечет неприемлемый взаимный ущерб: китайский рынок потрясет обвальное падение спроса на товары, а американский — отказ Пекина финансировать дефицит США». Спорным представлялось и заявление о том, что «китайская сторона не имеет никакой другой стратегии, кроме покупки долларов и экспорта собственных товаров в США».

Факты свидетельствуют о другом. В утвержденном в марте с.г. 4-й сессией ВСНП 11-го созыва плане экономического и социального развития КНР на XII пятилетку закреплено последовательное усиление в модели экономического роста страны упора на увеличение внутреннего потребления вместо стимулирования экспорта. Таким образом, стартовавший с началом глобального кризиса курс на расширение собственных внутренних рынков создал альтернативу стимулирующим «инъекциям» Китая на рынках США. К тому же, кризис показал, что, во-первых, американо-китайская взаимозависимость внесла немалый вклад в «надувание» спровоцировавшего его т.н. «пузыря», а во-вторых,

обе стороны тяготеют неразрывностью этой связи, ограничивающей пространство для маневра в остальных вопросах.

Но одновременно фактом остается и то, что КНР превратилась сегодня в главного кредитора Америки: ей принадлежат ценные бумаги казначейства США на сумму около 900 млрд долл. и активы американских компаний на такую же сумму¹⁵. Может ли Китай «обрушить» экономику США, если захочет избавиться от американской наличности? Это непростой вопрос, и мнения экспертов по нему расходятся. Так, вопреки многочисленным утверждениям о реальности подобного развития сюжета профессор экономики Шанхайского педагогического университета Лю Синьхуа заявила, что «хотя Китай и является держателем американских денежных обязательств в виде гособлигаций, которые считает надежнее валюты, обратно в Америку отправить их он не может. Так это не работает»¹⁶.

Неоспоримо, однако, что в мировой экономике Китай постепенно превращается в главного международного банкира и кредитора, оттесняя США. В последнее время он раздал больше кредитов, чем Всемирный банк, открывает все новые рынки для своих товаров, уменьшая зависимость от американского, усиливает влияние в Европе, покупая государственные облигации Португалии, Испании, оказывая помощь компаниям Греции, строя автострады в Польше¹⁷.

Одновременно Китай продолжает оставаться главным «производственным центром» американских корпораций и сохраняет значительную зависимость от внешних рынков, в первую очередь, от американского. От производства в Китае Америка также выигрывает: его рабочая сила значительно дешевле, а экология страдает в КНР, а не в США.

Ведущие китайские экономисты признают, что самая актуальная задача для КНР сегодня — стимулировать внутренний спрос, а не только наводнять Америку экспортом. Но при всех колоссальных и довольно эффективных усилиях китайского государства добиться успехов на этом направлении в одночасье невозможно, поскольку это требует резкого повышения покупательной способности населения при создании разветвленной сети кредитования, что нереально в стране, где отсутствует комплексная система социального обеспечения, подменяемая традицией максимального сбережения.

И в мире, и в самом Китае много рассуждают о причинах китайского экономического бума. Некоторые эксперты указывают на появление якобы «принципиально новой китайской экономической модели, доказавшей свое превосходство над либеральной моделью Запада». Другие видят в ней лишь повторение пути, по которому прошли в свое время Япония, Сингапур и Южная Корея, подчеркивают, что «вечно сохранять высокие темпы роста Китаю не удастся»¹⁸. Третьи считают, что никакой альтернативы западной модели экономики в Китае нет, а есть альтернативная модель управления, «в первую очередь, во внеэкономической сфере»¹⁹.

Несмотря на расхождения в оценках причин экономических успехов КНР, все эксперты сходятся в главном, признавая, что сегодняшний Китай выступает по существу «основным мотором» глобальной экономики и играет ведущую роль в удержании ее от реального падения. Рост Китая — одновременно важнейшая подпора эмиссионным усилиям Федеральной резервной системы США, позволяющая доллару пока «держаться на плаву», покрывая американский бюджетный дефицит.

Таким образом, экономическая и валютно-финансовая «смычка» между США и КНР стала не только гарантией от разрушения связей двух стран вне зависимости от того, какие политические «тучи» застилают горизонты их отношений, но и залогом сохранения на обозримую перспективу функционирующей в настоящее время мировой экономической системы.

* * *

Отсюда становится понятным, почему обоюдное настроение выправить наметившийся в отношениях двух стран на протяжении 2010 г. крен к «тупику» возобладало накануне официального государственного визита Ху Цзиньтао в США (18–21 января с.г.) и в Вашингтоне, и в Пекине. По мнению наблюдателей и экспертов, он должен был обозначить «переломную точку» во взаимоотношениях Америки и Китая, поворот к их существенному улучшению в силу неприемлемости для обеих сторон дальнейшего их регресса или даже стагнации. Значимость встречи усиливало то, что она была последней для обоих лидеров, поскольку в КНР в будущем году уже запланирована смена руководства, а в США грядут новые президентские выборы.

Для Китая визит представлял реальную возможность достигнуть договоренности с Америкой о реформировании двусторонних связей таким образом, чтобы, с одной стороны, не усугублять существующие разногласия, разрушая уже достигнутое, а с другой, придать своим отношениям с США более сбалансированную и приемлемую для Пекина конфигурацию.

Это нашло отражение в итоговом заявлении сторон, где было зафиксировано, что «планка» взаимоотношений поднята ими с уровня «всестороннего конструктивного сотрудничества» до категории отношений «сотрудничества и партнерства», в основу которых закладывались взаимоуважение, взаимная выгода и обоюдный выигрыш²⁰. Следует отметить, однако, что даже в своем новом качестве китайско-американские отношения уступали по характеру доверительности отношениям «стратегического партнерства и взаимодействия» между КНР и Россией. Примечательно, что Пекин сохранил за собою право самому определять круг и степень своей вовлеченности и ответственности за решение глобальных проблем.

В ходе переговоров лидеры двух стран обозначили готовность к взаимодействию и сотрудничеству по всему спектру двусторонних связей и актуальных международных проблем, включая экономику и торговлю, энергетику, охрану окружающей среды, борьбу с терроризмом и противодействие распространению оружия массового уничтожения, ситуацию на Корейском полуострове, иранскую и иные острые региональные проблемы, климатические изменения, развитие «Группы 20» и другие вопросы глобальной значимости.

В ходе визита китайская сторона прежде всего стремилась решить свои экономические задачи и хотя бы частично урегулировать противоречия в торгово-экономической сфере. В ответ на выдвинутые США требования по вопросам ревальвации китайского юаня, защиты интеллектуальной собственности и экономической трансформации власти КНР пошли на наиболее значительное за последние 17 лет повышение курса своей национальной валюты, а также объявили, что за последний год около 40 тыс. чел. были арестованы в Китае за нарушения прав на интеллектуальную собственность.

Одновременно китайская сторона объявила о «серьезном препятствии», которое, по ее мнению, «серьезно мешает развитию двусторонних торгово-экономических отношений», отметив, что, будучи третьей страной по размерам американского экспорта, КНР остается вне списка государств, на которые США распространяют упрощенные торговые процедуры.

Несмотря на намеченный в итоговом заявлении комплекс детальных мер по расширению экономического взаимодействия, Соединенным Штатам так и не удалось заручиться конкретным обещанием Китая о приведении курса юаня в соответствие с желательными для них параметрами. Пекин лишь обещал «усиливать его гибкость». На деле же, судя по высказываниям китайских экспертов, он и не намеревался ревальвировать юань в том диапазоне, на котором настаивал Вашингтон.

Вопрос валютного курса в китайско-американских отношениях по существу перестал быть чисто финансовой и экономической проблемой и давно приобрел политический характер. Поскольку миром правят деньги, мировой экономикой будет управлять тот, у кого их больше и у кого они надежнее. Если в прошлом США фактически «раздели» и обанкротили бывший СССР гонкой вооружений, то ныне Китай по существу «задавил» Америку дешевым товарным экспортом, лишив многие из ее промышленных отраслей возможности сохранить производство.

Теперь, в дополнение к этому, он настоятельно предлагал США пойти на изменение глобальных финансовых условий и международного финансового климата, давая понять, что не собирается до бесконечности сохранять систему перманентного финансирования им американского дефицита, а хочет заручиться финансовой ответственностью и с их стороны.

К американо-китайскому саммиту обе стороны подготовили весомый пакет контрактов. Накануне поездки Ху Цзиньтао США посетила специальная китайская делегация, которая обсудила с американскими партнерами дальнейшее поощрение экспорта в Китай из Соединенных Штатов и стимулирование китайских инвестиций в США. В ходе двустороннего форума по торгово-экономическому сотрудничеству, состоявшегося в рамках визита 21 января в Чикаго, был подписан ряд соглашений в области импорта и экспорта, по взаимным инвестициям и сотрудничеству в сферах энергетики, технологий и высокоскоростных железных дорог. Обсуждался контракт на прокладку китайскими компаниями первого участка суперскоростной железнодорожной магистрали в Калифорнии на сумму в 45 млрд долл.

Во время визита Ху Цзиньтао было объявлено также о закупках Китаем американской продукции на сумму свыше 60 млрд долл., включая 200 самолетов «Боинг» стоимостью 19 млрд долл. Иными словами, действие эмбарго на продукцию американских компаний, вооружающих Тайвань, тем самым аннулировалось.

Это наглядно подтвердило, что углубление и расширение торговых связей двух стран параллельно затрагивает аспект снижения напряженности между ними в военно-стратегической сфере. В Пекине, видимо, посчитали, что ее эскалация может создать для КНР лишние препятствия. Перевод отношений с США в силовую плоскость обнаружил бы, что Китай пока не столь силен в военном отношении, чтобы быть готовым к полномасштабному противостоянию с Америкой. Договоренность о восстановлении прерванных в 2010 г. контактов оборонных ведомств обеих стран предшествовала поездке китайского лидера в Вашингтон.

В документе по итогам визита наряду с суммированием позитивных результатов, достигнутых сторонами по широкому кругу вопросов — от двустороннего сотрудничества в отдельных областях до взаимодействия в соответствующих широких сферах их общих стратегических глобальных и региональных интересов — тем не менее, выявилось наличие сохраняющихся противоречий по целому комплексу проблем. Среди них — беспокойство Вашингтона по поводу усиления позиций Китая в АТР, вытекающего из продолжающегося стремительного роста его экономической и совокупной мощи, включая военный потенциал.

Уже сегодня в Восточной и Юго-Восточной Азии, где Китай существенно потеснил США как в экономическом, так и в политическом плане, образовались группировки с его сильным влиянием и без американского участия: АСЕАН+1 (Китай), АСЕАН+3 (КНР, Япония, Южная Корея), АСЕАН+6 (Восточно-Азиатский саммит: Китай, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Индия), «треугольник» в СВА (Китай, Япония, Южная Корея).

Китай занял место США в качестве главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, Тайваня, многих стран АСЕАН. Этому, в частности, способствовало создание с 1 января с.г. зоны свободной торговли между АСЕАН и КНР. Планы выхода военно-морских сил Китая в мировой океан, претензии на острова и акватории в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях — все говорит о том, что острота борьбы между Америкой и Китаем за влияние в регионе будет сохраняться.

Соединенные Штаты озабочены тем, что у многих в Азии складывается впечатление, будто Китай вышел из экономического кризиса значительно укрепившимся, а Америка — сильно ослабшей. Если оно сохранится, страны региона могут задуматься о переориентации на Пекин — как на более сильного и перспективного партнера. А это усилит и глобальные позиции КНР.

Вместе с тем, из итогового документа явствует, что, по-видимому, наметилось определенное сближение подходов обеих сторон к решению корейской ядерной проблемы. Однако замедление прогресса в преодолении тайваньского тупика, которому сознательно способствуют США сохранением и укреплением военных связей с островом, может вмиг разрушить пока еще слабо обозначившиеся потенциальные контуры шаткого фундамента ослабления напряженности в СВА.

Государственный визит Председателя КНР в США некоторые СМИ назвали «рублежным» еще потому, что он окончательно продемонстрировал неспособность американской стороны влиять на внутривнутриполитическую ситуацию в Китае и оказывать давление на Пекин в вопросах демократии и прав человека. Разногласия в этой области продолжали сохраняться.

Неким «подарком» американцам со стороны КНР можно было бы считать лишь зафиксированную в документе договоренность о проведении очередного раунда диалога по этой тематике и возобновлении ее обсуждения юристами обеих стран. Во время визита китайский лидер фактически повторил давно известную позицию его страны, но при этом впервые открыто признал универсальность прав человека и демократических норм, подчеркнув, что в этой области КНР «еще много предстоит сделать». Это заявление Ху Цзиньтао, однако, так и не попало на страницы официальной китайской печати.

Не осталось без внимания наблюдателей и аналитиков отсутствие в документе по итогам визита упоминания о принципах будущего мироустройства. Это могло свидетельствовать либо о том, что разногласия в концептуальных подходах сторон к проблеме однополярного или многополярного мира бескомпромиссны и непреодолимы, либо о том, что они умышленно по взаимному согласию «затенили» эту тематику, исходя из каких-то собственных соображений. Россия в документе вообще не фигурировала. Из него также следовало, что Китай намерен оставаться самостоятельным центром силы, а ту или иную степень региональной и глобальной ответственности будет брать на себя в соответствии с имеющимися возможностями.

Выступая 20 января 2011 г. в Национальном комитете США по китайско-американским отношениям, Председатель КНР заявил, что его страна не претендует на мировую гегемонию, выступает против гонки вооружений и не создает военную угрозу другим странам. Дозированный характер курса КНР в военно-оборонительной сфере проявляется в усилении ею военного потенциала на наиболее важных для себя направлениях, избегая втягивания в гонку вооружений или военные конфликты, чреватые противостоянием с США.

Судя по некоторым признакам, в Пекине воцарилась эйфория от осознания того факта, что КНР практически достигла с США «равенства статусов». Однако это равенство, как подчеркивал ряд западных СМИ, если и проглядывает, то обеспечивается не за счет силового паритета двух держав, как это имело место во времена противостояния

США и СССР, а исходя из потенциала Китая и тенденций его развития. Именно поэтому некоторые наблюдатели справедливо отмечали, что если китайско-американским отношениям периода президентства Дж. Буша-мл. был присущ экономический крен, то при Обаме они «дрейфуют» в военно-стратегическом направлении.

Пока Китай существенно отстает от США в военно-силовой составляющей, не следует исключать, что нечто близкое идее «двойки», но с собственной «китайской спецификой» он будет «держат в уме» как альтернативный вариант недопущения новой bipolarности.

В то же время усиление Пекином внимания к укреплению военной мощи страны, участвовавшие территориальные споры КНР с некоторыми странами-соседями, заявленная устами китайского руководства «необходимость всемерного усиления и модернизации НОАК», которая должна «уметь побеждать в локальных войнах, идущих в условиях информатизации»²¹, свидетельствуют о том, что у руководителей Китая, наряду с осмыслением преимуществ от реализации проекта китайско-американского альянса, существуют и другие настроения — не исключать вероятности силового противостояния. Прежде всего, в ключевом для отношений с США тайваньском вопросе.

* * *

Оценки визита Председателя КНР в США в СМИ обеих стран отличались нюансами и тональностью, но совпадали в главном — *их двусторонние отношения вступили в длительный период формирования модели глобального партнерства с элементами соперничества.*

В ходе переговоров китайская сторона сбалансировала сочетание жесткости и гибкости и на этот раз продемонстрировала готовность к компромиссам. США обнаружили большую восприимчивость к озабоченностям КНР, согласившись, в частности, обсуждать проблемы обустройства АТР, участвовать в выработке программ обеспечения безопасности, отвечающей интересам всех стран региона.

В официальных материалах и сообщениях китайских СМИ особо подчеркивалась качественная «новизна» китайско-американских отношений, обретенная в результате поездки китайского лидера в Вашингтон. Отмечалось, что достигнутые там договоренности «открывают выдающиеся перспективы для развития отношений сторон и укрепления международного авторитета Китая».

Американские оценки были более сдержанными, однако устами Обамы было заявлено, что «этот визит может заложить основу [отношений двух стран] для следующих 30 лет». Как бы косвенно подтверждая удовлетворение его итогами, американский президент день спустя после завершения визита объявил о намерении участвовать в избирательной кампании 2012 г., хотя еще накануне встречи с Ху Цзиньтао его шансы на повторное переизбрание оценивались весьма скромно.

* * *

Развитие отношений КНР и США после визита подтвердило вывод о том, что после года «охлаждения» они не только вернулись на нормальные рельсы, но и обрели большую предсказуемость, стабильность и даже определенную доверительность.

В русле восстановления контактов военных ведомств с 15 по 22 мая 2011 г. США посетил начальник Генштаба НОАК генерал-полковник Чэнь Биндэ, программу визита которого подготовил лично его американский визави, председатель Объединенного комитета начальников штабов ВС США Майкл Маллен, включивший в нее посещения американских командных центров, военных и тренировочных баз, которые прежде были

закрыты для иностранцев. В ходе их переговоров были намечены конкретные проекты для будущего взаимодействия по военной линии.

Визиту китайского военачальника предшествовал состоявшийся 9–10 мая в Вашингтоне третий раунд стратегического и экономического диалога двух стран, в рамках которого был впервые запланирован и проведен китайско-американский стратегический диалог по безопасности.

По итогам всего комплекса обсуждений был подписан документ, озаглавленный «Всесторонние рамки содействия мощному, продолжительному и сбалансированному росту экономики и экономическому сотрудничеству между Китаем и США». Главными темами переговоров стали курс юаня, военное сотрудничество и вопросы безопасности, а также права человека.

Стороны выразили стремление к дальнейшему расширению двусторонней торговли и инвестиций, борьбе против торгового и инвестиционного протекционизма. США заверили, что будут бдительны в отношении чрезмерно конъюнктурных обменных курсов, а Китай обязался продолжить поддерживать гибкий курс юаня. Одновременно он настаивал на необходимости плавного, а не единовременного реформирования мировой валютной системы.

Было также достигнуто соглашение о решении макроэкономических проблем, партнерстве в области финансовых систем, взаимодействии в сфере экологии, что очень важно с учетом масштабов экономик двух стран и объемов потребляемых ими ресурсов.

Стороны сочли важным уже сам факт состоявшегося диалога по безопасности между министрами обороны двух стран и решение о том, что их встречи в рамках стратегического диалога будут проходить отныне на регулярной основе.

Разногласия в области прав человека, как обычно, оказались самыми серьезными. США сообщили Китаю, что «в Вашингтоне имеют информацию о тех, кто был задержан или исчез» и высказали опасения, что этот вопрос оказывает влияние «на политику и стабильность Китая и региона в целом»²².

В своем выступлении в ходе диалога госсекретарь США Х. Клинтон подчеркнула, что «для поддержания отношений в позитивном русле США и КНР должны быть честными в плане разногласий и устранять их твердо и решительно». Тем не менее, она предпочла больше внимания уделить положительным аспектам отношений двух стран, отметив, что они вместе работают над расширением сфер сотрудничества и сокращением расхождений.

В числе «самых постоянных вызовов» она назвала Иран, КНДР и восстановление мировой экономики. Х. Клинтон сообщила также о создании новой американо-китайской «консультационной группы по вопросам Азиатско-Тихоокеанского региона», где у двух стран имеется широкий круг общих интересов и вызовов.

Оценивая итоги диалога, американская газета «Вашингтон пост» назвала достигнутые на нем договоренности «значительными вехами», позволившими «оставить в стороне продолжавшиеся в течение года трения»²³.

* * *

События в отношениях КНР и США на протяжении последних нескольких лет дают, как нам кажется, основания для следующих выводов.

В результате «проб и ошибок», совершавшихся обеими сторонами в течение первого десятилетия XXI века, им, по-видимому, удалось «нащупать» некую парадигму взаимного поведения, которая призвана удерживать их от перехода «граней допустимого» в отношении друг друга. На основании этого они рассчитывают при необходимости

договариваться о том, как «сообща мастерить в будущем лекало для последующей совместной перекройки мира».

Монополярный мир под эгидой США неприемлем для Китая, так же, как неприемлемы для него любые формы китайско-американского альянса, в котором Америке отводится главенствующее, а КНР вспомогательное, подчиненное место. Китай, как и США, всегда руководствовался исторически укоренившимся в национальном сознании постулатом предопределенности его роли как ведущей мировой цивилизации.

При этом и Китай, и США исходят из того, что их двусторонние отношения — «самые важные двусторонние отношения в мире» и играют определяющую роль, прежде всего, для глобальных процессов в сфере экономики и торговли.

В силу складывавшихся в мире обстоятельств экономики двух стран оказались переплетены настолько тесно, что лучшим стимулом для их конструктивного диалога являются как обоюдная выгода, так и взаимная боязнь ущерба в случае ухудшения взаимоотношений.

Дальнейшее сохранение зависимости КНР от экспорта и внешних инвестиций, однако, при определенных обстоятельствах может сыграть и негативную для нее роль, отрицательно повлияв на внутривнутриполитическую стабильность.

В то же время расширение рамок китайско-американского диалога увеличивает вероятность пересечения и столкновения сфер интересов двух стран. Между США и Китаем и теперь сохраняются серьезные разногласия, которые не позволяют им создать политический альянс.

Противоречия между ними затрагивают различные сферы взаимоотношений: политику, экономику, торговлю, экологию, военную и гуманитарную области, подходы к решению локальных, региональных и некоторых глобальных проблем.

Существенно укрепив позиции во всех стратегически значимых регионах мира, Китай сегодня фактически уже стал мировым политическим полюсом. Быстрый экономический рост заставляет его искать дополнительные источники технологических новаций, ресурсов и инвестиций и одновременно защищать свои интересы на этом поприще путем, в том числе, военного усиления.

Это не говорит, однако, о том, что он готовится к внешней экспансии и открытому конфликту с США. Хотя некоторые аналитики предрекают Китаю через несколько десятилетий статус глобальной супердержавы, нынешнему и следующему поколениям китайских руководителей, похоже, предстоит сосредоточиться, прежде всего, на решении стоящих перед страной серьезных внутренних проблем — экологических, климатических, социальных. Необходимо уже сегодня перенастраивать экономику с экстенсивного на интенсивный путь развития с переориентацией ее с экспортно ориентированной модели на модель внутреннего потребления.

Вот почему даже фундаментальные и трудно устранимые противоречия между КНР и США, такие, как идеологические различия по проблемам демократии, прав человека или соперничество в сфере потребления энергоресурсов, скорее всего не спровоцируют острую конфронтацию между ними.

К самым застарелым, заостренным, но, как представляется, преодолимым относится несколько затененное в последнее время противоречие по тайваньскому вопросу, выступающему одновременно как часть комплексной проблемы соперничества США и Китая за влияние в Восточной и Северо-Восточной Азии. Пути решения тайваньской проблемы могут быть найдены, как нам кажется, на основе взаимных шагов сторон навстречу друг другу, нацеленных в первую очередь на разрядку напряженности в этих регионах с одновременным осуществлением определенных внутривнутриполитических коррекций как на материке, так и на острове.

Многое в решении двусторонних проблем между США и КНР будет зависеть от того, как сложится внутренняя ситуация в каждой из этих стран и какие силы окажутся в них «у руля» в ближайшие 5–10 лет.

Произойдет ли в Америке, как это часто случалось в прошлом, «откат» в направлении консервативного национализма как реакция на годы правления «почти левых» либералов? Увы, первые признаки такого «поворота» отмечаются уже сегодня.

И наконец, вступит ли усилившийся Китай, преодолев внутренние неурядицы и проблемы, на путь глобального доминирования или сохранит в качестве приоритетной цели стремление продолжать повышение благосостояния и жизненного уровня своего народа?

Отвечив на эти вопросы, мы получим ответы и на многие другие.

1. <http://russian1.peopledaily.com.cn/31520/7394292.html>
2. <http://russian.people.com.cn/31520/6567940.html,06/01/2009>.
3. <http://russian.people.com.cn/31521/6573014.html,13/01/2009>.
4. <http://www.voanews.com/russian/2009-01-01.cfm>.
5. <http://russian.people.com.cn/31521/6565856.html>.
6. Financial Times, 14.01.2009. (<http://www.inosmi.ru/print/246645.html>).
7. <http://www.polit.nnov.ru/2009/01/26/usachina2wchi/>
8. <http://russian.people.com.cn/31520/6564984.html>.
9. Bloomberg, 2009. 22 febr. — <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20670001&sid=apSqGtcNsqSY>.
10. The White House Press Office. Statement on Bilateral Meeting with President Hu of China. 1.04.2009. — <http://www.whitehouse.gov/>
11. См., например: Шинцзе чжиши. 2009. № 22.
12. <http://russian.people.com.cn/31521/6817249.html>.
13. http://www.odnako.org/magazine/material/show_10971/
14. Для сравнения: внешний долг России по итогам 2010 г. составил около 483 млрд долл., т.е. примерно 3300 долл. на одного россиянина.
15. Согласно другим данным, правительство КНР в декабре 2010 г. держало в государственных облигациях США не 891 млрд долл., а 1,16 трлн долл. По сообщению Reuters, такое расхождение объясняется тем, что часть вложений Китай делал через зарубежных агентов, в первую очередь, в Великобритании (Lenta. RU. 2010. 2 мар.).
16. http://www.odnako.org/magazine/material/show_10974.
17. http://www.odnako.org/magazine/material/show_10971.
18. http://www.odnako.org/magazine/material/show_10973.
19. http://www.odnako.org/magazine/material/show_10930.
20. <http://russian.people.com.cn/31520/7268074.html>.
21. См. доклад Вэнь Цзябао «О работе правительства», представленный 4-ой сессии ВСНП 11-го созыва в марте 2011 г.
22. <http://www.rondon.org/polit-110520103909>
23. Ibid.

Токио-Пекин: конфликтный потенциал сохраняется?

© 2011

А. Семин

В статье освещаются события в отношениях Японии и Китая в связи с инцидентом, происшедшим 7 сентября 2010 г. в Восточно-Китайском море.

Автор указывает на источник возникновения подобных инцидентов, вскрывает узел серьезных противоречий двух стран: спор о принадлежности островов Сенкаку, отсутствие согласованной морской границы и единого подхода к освоению нефтегазовых ресурсов в Восточно-Китайском море. Он приходит к выводу, что сохраняющийся конфликтный потенциал несет угрозу курсу на стабильные добрососедские отношения.

Ключевые слова: Япония, Китай, острова Сенкаку, территориальный спор, морская граница, нефтегазовые ресурсы.

В последние годы в японо-китайских отношениях стали утверждаться новые, позитивные тенденции. Напряженность периода 2001–2006 гг. сменилась, казалось, атмосферой, благоприятной для сближения двух стран. В 2007–2009 гг. были достигнуты и неоднократно подтверждались договоренности об установлении «стратегических взаимовыгодных отношений». Официальный статус этим договоренностям придало подписание в мае 2008 г. в Токио премьер-министром Японии Я. Фукуда и председателем КНР Ху Цзиньтао Совместного японо-китайского заявления о всестороннем развитии взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах¹.

По значимости это Совместное заявление стороны относят к категории таких дипломатических документов, как Совместное коммюнике о восстановлении межгосударственных отношений 1972 г., Договор о мире и дружбе 1978 г., Совместная декларация о построении партнерских отношений 1998 г. Следовавшие за Я. Фукуда на посту главы японского правительства Т. Асо, Ю. Хатояма и Н. Кан подтвердили преемственность принятого политического курса Японии в отношении Китая. В Пекине также демонстрировалось стремление сделать приоритетной целью политики «всеобъемлющую стратегию стимулирования взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах» двух стран в отношении друг друга.² Однако события 2010 г. показали, что продвижение сторон к этой цели подвергается испытанию.

Инцидент в Восточно-Китайском море

Толчком к неблагоприятному развитию событий в двусторонних отношениях стал инцидент в Восточно-Китайском море. 7 сентября 2010 г. вблизи островов Сэнкаку (по-китайски Дяоюйдао), принадлежность которых Японии Китай оспаривает, произошло столкновение китайского траулера с двумя патрульными катерами береговой охраны

Японии. По утверждению японской стороны, якобы располагающей видеозаписью происшедшего, капитан китайского судна намеренно осуществил таран японских катеров. Траулер с командой был задержан японскими властями. В связи с инцидентом генеральный директор Бюро Азии и Океании МИД Японии А. Сэйки в тот же день заявил протест по телефону послу КНР в Японии, а премьер-министр Н. Кан сделал лаконичное заявление: «Мы имеем дело с вопросом, относящимся к компетенции нашей страны»³.

После снятия показаний с задержанных китайское судно и члены команды, кроме капитана, были освобождены. Дело капитана подлежало рассмотрению окружного суда г. Наха японской префектуры Окинава. Такой ход событий не устраивал китайскую сторону. С самого начала официальные лица КНР, давая свое объяснение происшедшему, настаивали на том, что «всю полноту ответственности» за инцидент должна нести Япония⁴.

Пять раз посол Японии в КНР У. Нива вызывался в МИД КНР для вручения ему нот протеста. При этом японская сторона отмечала «противоречащий дипломатическому протоколу» стиль поведения китайских официальных лиц. Так, один из вызовов японского посла, который был сделан, по утверждению японской стороны, по прямому указанию Председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У Банго, пришелся на ночные часы выходного дня⁵.

Пекин настойчиво добивался прекращения судебного расследования в связи с инцидентом. Официальный представитель МИД КНР Цзян Юй на пресс-конференции 14 сентября в Пекине подчеркивала: «Японская сторона должна прекратить т.н. юридическую процедуру, чтобы обеспечить скорейшее безопасное возвращение на родину капитана китайского рыболовного судна»⁶.

Добиваясь своей цели, Китай предпринял ряд мер воздействия на Японию. В одностороннем порядке было отменено проведение в согласованные сроки важных двусторонних переговоров по вопросу заключения соглашения о совместной разработке месторождений природного газа в Восточно-Китайском море. Китайская сторона также приняла решение отложить запланированный визит в Японию делегации Всекитайского собрания народных представителей⁷. Наряду с этим, на Японию было оказано и экономическое давление. Например, был резко сокращен экспорт в Японию редкоземельных материалов, по которым она на 90% зависит от КНР. Одновременно были ужесточены таможенные процедуры для экспортируемых в Японию и импортируемых из Японии товаров, что приводило к затягиванию сроков их доставки потребителям. Речь шла о фактическом нарушении правил ВТО. Японские компании выступили с требованием к своему правительству надлежащим образом воздействовать на Китай. В этот период в деловых кругах Японии стали усиливаться настроения в пользу освоения рынков, альтернативных китайскому⁸.

Как ответную меру на задержание китайского рыболовного судна Япония восприняла арест в китайской провинции Хэбэй четырех служащих японской компании «Фудзита». Группа находилась в Китае в соответствии с межправительственным соглашением о программе утилизации химических боеприпасов, оставленных японской армией в период войны в Китае (1937–1945 гг.), и занималась поиском подходящего места для строительства завода. Японцы были задержаны представителями госбезопасности КНР 20 сентября 2010 г. и помещены в изолятор якобы по подозрению в ведении нелегальной видеосъемки военных объектов⁹.

Под давлением Пекина японская сторона довольно скоро отказалась от судебного разбирательства действий капитана китайского траулера: он был освобожден через 17 дней после ареста. Токио всячески демонстрировал стремление к скорейшему возвращению отношений с Пекином в нормальное русло. Уже через неделю после инцидента министр иностранных дел С. Маэхара заявил, что «приложит все силы для восстановления «стратегических взаимовыгодных отношений» между Японией и КНР». Он приветствовал достигнутое 13 сентября 2010 г. между премьер-министром Японии Н. Каном и

премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао договоренность о проведении японо-китайской встречи в верхах. Хотя на самом деле согласие китайской стороны на эту встречу в Брюсселе в рамках Азиатско-Европейской конференции глав государств было получено не легко и она в соответствии с пожеланием китайской стороны носила неофициальный характер и была непродолжительной. К тому же, эта встреча оказалась недостаточно подготовленной японской стороной: беседа велась главой кабинета Японии в отсутствие японского переводчика. Как представляется, достичь существенных результатов на встрече японскому премьеру не удалось, в частности, невыясненным остался вопрос о сроках и месте проведения возможного саммита двух стран¹⁰.

Сходной по характеру и результативности была и встреча министра обороны Японии Т. Китадзава с министром обороны Китая Лян Гуанле 12 сентября 2010 в Ханое рамках конференции министров военных ведомств стран АСЕАН + 8. Она также носила неофициальный характер. Высказанное в беседе двумя министрами согласие способствовать развитию между двумя странами стратегических взаимовыгодных отношений было, по сути, формальным. К неудовлетворению японского министра обороны, Лян Гуанле проинформировал его о том, что ранее планировавшийся в рамках двустороннего обмена заход японского учебного корабля в китайский порт Циндао не состоится. Решение принято, как пояснил Лян Гуанле, с учетом настроений жителей города, того резонанса, который имел в Китае инцидент 7 сентября 2010 г. в районе островов Сенкаку¹¹.

И все же процесс постепенного улучшения отношений между двумя странами продолжался. Вскоре после освобождения Японией капитана китайского судна в Китае были выпущены на свободу трое японских работников компании «Фудзита», четвертый — С. Такахаси был несколько дольше задержан в изоляторе (находился там 20 дней), но позднее тоже освобожден без предъявления каких-либо обвинений. К моменту освобождения всей группы появились признаки того, что Китай снимает ограничения на экспорт в Японию редкоземельных материалов¹².

События, связанные с инцидентом, вызвали большой общественный резонанс в Японии. При этом, как показали данные опроса, проведенного газетой «Ёмиури», свыше 80% респондентов выразили крайнюю неудовлетворенность действиями кабинета министров по урегулированию ситуации¹³. В комментариях, которые были помещены в японских СМИ, правительственная дипломатия характеризовалась, в основном, как «малодушная» и «топорная»¹⁴. Неслучайно, рейтинг кабинета, возглавляемого Н. Каном, менее чем за месяц упал с 66% до 53%. Следует подчеркнуть, что одновременно серьезно пострадал в глазах японцев и имидж Китая. Так, 84% респондентов заявили, что не доверяют ему. Этот показатель недоверия превзошел пиковый — зафиксированный в 2004 г., в период резкого ухудшения японо-китайских отношений.¹⁵

По-видимому, спустя какое-то время мировое сообщество станет свидетелем того, что данный японо-китайский инцидент, — при котором состояние отношений двух стран опустилось фактически до нижнего предела, полностью исчерпан. Хорошо, если стороны смогут не допустить повторения ситуации. Ведь в районе Восточно-Китайского моря сохраняется основной очаг возможного возникновения конфликта между Японией и Китаем. Потенциальная угроза этого существовала и в сентябре 2010 г. Неслучайно министр иностранных дел Японии С. Маэхара на пресс-конференции в Токио 14 сентября 2010 г. заявлял: «Если суверенитет Японии над островами Сенкаку подвергнется военной угрозе, правительство примет соответствующее решение, вытекающее из законов нашей страны, включая развертывание Сил самообороны с тем, чтобы защитить японскую территорию»¹⁶.

Спорные острова

Острова Сенкаку расположены в Восточно-Китайском море в 420 км к западу от японской Окинавы, 420 км от китайского порта Фучжоу и в 190 км к северо-востоку от тайваньского порта Цзилун. Острова необитаемы, среди них три относительно крупных, общей площадью 6,3 кв. км. История принадлежности островов непростая. В настоящее время реально владеет ими Япония. Китай законность этого владения оспаривает.

Японская аргументация относительно владения островами содержит следующие основные положения:

1. С 1885 г. правительство Мэйдзи осуществляло исследования островов в рамках ответственности префектуры Окинава. Острова признаны необитаемыми, признаков правления там не обнаружено Цинской империи. 14 января 1895 г. были установлены знаки, подтверждающие принадлежность островной территории Японии. Поэтому архипелаг не был включен в Договор от мая 1895 г., где Цинское правительство передавало Японии Тайвань и Пэнхулидао.

2. В Сан-Францисском договоре острова Сенкаку не названы среди территорий, от которых должна была отказаться Япония. Но они были включены в Соглашение о возвращении Окинавы 17 июля 1971 г.

3. Китайское правительство не высказывало своего мнения относительно территорий, попадающих под опеку США. Таким образом, признавалось, что Сенкаку не являются частью провинции Тайвань. Только после обнаружения на шельфе нефти в 1970-х гг. XX в. Китай поставил вопрос о суверенитете над островами.

4. Япония придерживается международного принципа первообладания. Японцы заявили о своем праве и осуществляют реальное управление. В 1996 г. японское правительство передало четыре острова на 30 лет в аренду частному лицу, в т.н. эффективное негосударственное управление.

5. Китай однажды уже признавал, что Сенкаку являются японской территорией. Это было сделано в благодарственном письме за спасение китайских рыбаков от 20 мая 1920 г. консула Китая в г. Нагасаки¹⁷.

Китайская сторона обосновывает свое право на принадлежность островов Дяоюйдао (Сенкаку) следующими аргументами:

1. Китайцы первыми открыли, дали название, обозначили на географических картах и заявили о принадлежности островов.

2. Острова относятся к провинции Тайвань, а не к архипелагу Рюкю (Окинава).

3. Заявление Японии о владении островами является актом агрессии.

4. Острова были необитаемыми, а не бесхозными.

5. США специально оставили проблему островов в качестве «яблока раздора».

6. «Эффект времени» не отменяет объективного факта незаконности захвата Японией китайской территории¹⁸.

Территориальный спор вокруг Сенкаку с середины 1990-х гг. стал подогреваться интересами сторон к имеющимся в районе запасам нефти и газа. Китай с 1993 г. превратился в импортера нефти, и его зависимость от ее ввоза быстро возрастала. Но особую остроту ситуации придало решение Токио, а затем в июле 1996 г. и введение 200-мильной Особой экономической зоны (ОЭЗ) вокруг Японии, что закрепляло японские права на указанные острова и создало проблему демаркации морской границы в этом районе.

Разногласия вокруг границы и ресурсов в Восточно-Китайском море

Со временем обретал все большую актуальность вопрос о разграничении Особых экономических зон Японии и Китая. Так, в мае 1999 г. китайские суда вели геолого-разведку на нефть на шельфе островов Сенкаку, в японской Особой экономической зоне. Стало очевидным, что Пекин отказывается признавать границы японской ОЭЗ. В вопро-

се о границе и поныне подходы Китая и Японии не совпадают. Китай проводит линию своей границы по кромке континентального шельфа. Она проходит гораздо восточнее (в 340 морских милях от побережья КНР, вплоть до «Окинавской впадины») той, которую признает Япония: последняя ведет ее по центральной линии, равноудаленной от континента и Окинавы.

Согласно Конвенции ООН о морском праве, Особые экономические зоны прибрежных стран могут простираться до 200 морских миль от береговой линии. Однако в случаях, когда между странами — менее 400 миль и происходит взаимное перекрытие ОЭЗ, странам следует договариваться, находя компромисс. В случае с Японией и Китаем попытки достичь компромисса путем переговоров успеха до настоящего времени не имеют. При этом КНР ведет добычу с нескольких платформ, в том числе расположенных вплотную к признаваемой Японией центральной линии: Чунсяо (Сиракаба), Дуаньцяо (Кусуноки), Тяньвайтянь (Касии). Японские специалисты считают, что газонефтяные поля на китайской стороне фактически соединены с полями в японской экономической зоне. У японцев существуют опасения, что Китай может выкачать весь газ из спорного района. С 2005 г. японские компании получили разрешение своего правительства на ведение там поисковых работ. Китайская сторона расценила это как провокацию. Возникшая с этого времени эскалация напряженности в японо-китайских отношениях в связи с ситуацией вокруг этого района продолжалась до 2006 г., когда стало возможным начать переговоры руководства двух стран с целью нормализации обстановки.¹⁹ Была даже достигнута договоренность, (носившая скорее декларативный характер) о совместном освоении ресурсов Восточно-Китайского моря. Но согласовать позиции сторон не удалось. Китай считает, что проблемы принадлежности островов Дяоюйдао и демаркации японо-китайской границы в Восточно-Китайском море следует решать «в одном пакете»²⁰. Япония не готова к принятию такого подхода и вообще не заинтересована обсуждать вопрос о принадлежности островов Сенкаку.

На встрече лидеров Японии и Китая в сентябре 2009 г. в Нью-Йорке бывший глава японского кабинета министров Ю. Хатояма произнес возвышенные слова о своем стремлении «превратить Восточно-Китайское море из моря проблем в море дружбы». Ему вторил председатель КНР Ху Цзиньтао: «Это море должно стать морем мира, дружбы и сотрудничества»²¹. События вокруг урегулирования инцидента, возникшего в Восточно-Китайском море в сентябре 2010 г., красноречиво говорят о препятствиях, которые сохраняются на пути осуществления эти устремлений. И все же перспективы их преодоления существуют. Сдвиг в этом направлении уже происходит. Толчком к этому послужили трагические события в Японии, связанные с природно-техногенной катастрофой на атомной электростанции «Фукусима».

В Китае в последнее время усиливается осознание необходимости эффективного международного сотрудничества в целях обеспечения безопасности своей ядерной энергетики. Она весьма уязвима перед лицом, прежде всего, возможных стихийных бедствий. Ведь половина китайских АЭС, по оценке специалистов, находится в сейсмически опасных зонах. 7 мая 2011 г. произошло землетрясение с магнитудой 4,1 в провинции Сычуань, оно напомнило о широко известном разрушительном землетрясении 2008 г. в той же провинции с огромным числом жертв и грандиозным материальным ущербом²². Трагедия на японской АЭС имела значительный резонанс в КНР. В этой связи Пекин дал согласие на проведение в Японии трехстороннего саммита с участием Японии, Китая и Республики Корея.

На встрече глав правительств этих стран (21–22 мая 2011 г.), проходившей с посещением района аварийной станции «Фукусима», были обсуждены проблемы ядерной безопасности в регионе, включая вопросы обеспечения безопасности ядерной энергетики стран-участниц саммита. Премьер-министрами Японии, Китая и Республики Корея проявлена готовность содействовать возобновлению шестисторонних переговоров по

урегулированию ситуации на Корейском полуострове, а также активизировать экономическое сотрудничество.

Таким образом, принятый в последние годы Токио и Пекином курс на развитие «стратегических взаимовыгодных отношений» развивается негладко. Анализ ситуации в Восточно-Китайском море позволяет сделать вывод о наличии значительного конфликтного потенциала в отношениях двух стран. На данном этапе фундамент для преодоления разногласий по целому ряду существенных для сторон проблем не создан. В связи с этим нельзя полностью исключать в будущем очередного обострения японо-китайских отношений. Однако новая тенденция, обозначившаяся в них в последнее время, порождает надежду, что стороны предпримут попытки к поиску компромисса на основе общности интересов, в частности в сфере обеспечения ядерной безопасности, экономического и регионального сотрудничества.

1. http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint_0805.html.
2. Sino-Japanese relations and China policy toward Japan in the coming decade. /Institute of Japanese Studies. Chinese Academy of Social Sciences. Peking. 2009. P. 8.
3. Mainichi Daily. 2010..Sept. 9.
4. <http://www.mfa.go.cn/rus/xwfw/fyrth/exjzhzh/t752964.html>.
5. Ёмиури симбун. 2010. 12 окт.
6. <http://www.mfa.go.cn/rus/xwfw/fyrth/exjzhzh/t75229664.html>.
7. Ibid.
8. Ёмиури симбун. 2010. 29 сент.
9. Ibid.
10. Kyodo. 2010. Sept. 14.
11. The Daily Yomiuri. 2010. Sept. 14.
12. The Daily Yomiuri. 2010. Oct. 10.
13. Ёмиури симбун. 2010. 5 окт.
14. Ёмиури симбун. 2010. 29 сент.
15. Ёмиури симбун. 2010. 5 окт.
16. Kyodo. 2010. Sept. 14.
17. <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/senkaku.html>.
18. Материалы международной конференции по проблемам безопасности в Северо-Восточной Азии, Тяньцзинь. КНР. 16–18.01.2007.
19. Семин А.В. Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции. М.,2008. С. 69–72.
20. Sino-Japanese relations and China policy toward Japan in the coming decade./ Institute of Japanese Studies/ Chinese Academy of Social Sciences. Peking. 2009. P. 11.
21. Ёмиури симбун. 2009. 23 сент.
22. Russian.china.org.cn. 07.05.2011.

Теория и методология

Особый путь Китая: новая парадигма производства — объектно-ориентированный дизайн и проблемы освоения труднодоступных территорий

© 2011

Л. Бадалян, В. Криворотов

Авторы описывают становление нового способа производства, который является ресурсосберегающим и трудоинтенсивным – в китайском стиле, но одновременно технологически продвинутым и способным преодолеть самые «узкие места» сегодняшней перерабатывающей промышленности. Новый тип производства основан на оживлении традиционного института местной кооперации и может стать ядром нового технологического стиля, который позволит значительно сократить стоимость производства благодаря отказу от ряда дорогостоящих стадий разработки нового вида продукции.

Ключевые слова: объектно-ориентированный дизайн, фордизм, Чунцин, производство мотоциклов, китайская глубинка.

Введение

Исторический анализ. Где проходит путь к успеху: через подражание лидеру или через уникальную страновую адаптацию?

В учебниках по экономике даны рецепты экономического развития (Acemoglu, 2004, 2005), с акцентом на триаде: соблюдение прав собственности, демократизация общества и приватизация общественной собственности, которая, по определению, менее эффективна чем частная. При этом предполагается, что все прочие рецепты, по определению, неверны и обречены на провал.

Единственная проблема в том, что сегодня уже есть ряд стран, которые уверенно развиваются, несмотря на нарушение указанных правил. В то же время, многие другие страны, следующие им, испытывают хорошо известные трудности.

Среди наиболее ярких примеров первой группы — Китайская Народная Республика. Она встретила свою 60-летнюю годовщину высокими темпами роста в условиях мирового финансового кризиса. Даже учитывая значительные вливания прямых иностранных инвестиций (FDI), особенно после 2001 г., когда Китай вступил в ВТО, а также

возможность использовать старую индустриальную инфраструктуру динамика роста Китая поражает. В осуществлении курса, намеченного руководством, КНР нарушила все известные предписания традиционной экономики мейнстрим.

Тем не менее, загадку проясняет исследование большой базы исторических и современных данных с введением новой категории — освоение очередной уникальной геоклиматической зоны. Продолжая линию, развивавшуюся в прошлом физиократами XVIII в. (Quesnay в Meek, 1962), авторы показывают, что новая территория является единственным источником любого богатства, создаваемого в индустриальной и аграрной области.¹

Однако, как нами показано (Badalian, Krivorotov 2009a), введение ее в продуктивный оборот предполагает значительный период преобразования общества в процессе кардинального техно-социального перехода. Этот сценарий неоднократно повторялся в истории, вызывая периоды катаклизмов по мере истощения возможностей роста доминантного типа экономики времени и удорожания ее основного неэластичного ресурса, такого как нефть сегодня или уголь столетием ранее. На смену в истории возникала принципиально новая экономика на своей уникальной территории, не обладавшей достаточной производительностью ранее. Она расцветала по мере ввода в оборот нового доминантного ресурса и уникального технологического и институционального пакета, возникшего как уникальная адаптация к новым геоклиматическим условиям.

Благодаря этому в истории удавалось преодолевать мальтузианские ограничения, возобновляя, казалось бы, исчерпанный рост путем освоения бывших неудобий. Тем самым можно было прокормить на значительно более высоком уровне благосостояния неперестанно растущую популяцию Земли. В качестве побочного эффекта происходила перетасовка пирамиды мировой иерархии, создавая новые супердержавы типа современных США, которые выросли по мере создания своей уникальной экономики массового производства, основанной на нефти. Последняя позволила резко поднять производительность огромной территории с экстремальным климатом. Сегодня техно-социальный стиль массового производства распространяется по всему миру в процессе разворачивающейся глобализации. Можно предполагать, что кризис 2008 г. означал истощение возможностей роста современной экономики и необходимость перехода в новое место, развивая новые технологические и институциональные приспособления для резкого увеличения отдачи с теперешних «неудобий», например, в третьем мире в процессе их продуктивного освоения.

Концепция, изложенная выше, предполагает специальную адаптацию, ключик для того, чтобы отомкнуть скрытые богатства новой зоны освоения. Технологии и институты, развитые для других мест, обычно недостаточно производительны в новых условиях и требуют значительной переделки. Поэтому старые рецепты, идеально подходящие для Запада, вряд ли годятся в своем первоизданном виде для третьего мира, с его принципиально другими социальными и геоклиматическими условиями. В том числе горы, пустыни, вечная мерзлота и прочие территории с суровым и крайне разнообразным климатом, включая внутреннюю территорию Китая, негостепримны для дешевых и всюду плотных сетей автотрасс, обычных в США и Европе.

Исторически инновационные адаптации, способные полностью изменить тип ландшафта и стиль жизни, возникали только под колоссальным давлением необходимости, когда люди были вынуждены выживать на ранее негостепримных территориях на фоне нехватки наиболее важных ресурсов данного периода. Это пробуждало предпринимательство, направленное на поиск нестандартных решений и использование локальных возможностей как социальных, так и ресурсно-климатических. При удаче, уже существующие местные институты могли быть слегка адаптированы и использованы в принципиальной новой функциональности. Например, как замечено Дани Родриком (2007), в азиатских странах, таких как Вьетнам, старинные традиции соседской солидарности и

кооперации зачастую компенсируют отсутствие современной деловой инфраструктуры и коррупцию властей.

Китайский опыт выглядит наиболее перспективным. Сегодня в рамках современных технологий производство товаров уже не составляет труда. Тем временем резко поднялась стоимость проектирования товаров, особенно обладающих новой функциональностью². Напомним, что в современной модели массового производства проектирования требует не только каждая отдельная деталь, но также и линия по производству этой детали (Ehrlenspiel et al 2007).

На практике это привело к появлению доминантных моделей товаров, которые затем повторяются огромными партиями с небольшими изменениями. Коммерческий успех изделия предполагает необходимость амортизации всех связанных расходов, по крайней мере, на уровне среднерыночной прибыли на инвестиции (Principe et al 2003: 135). Поэтому даже известные компании избегают радикальной смены дизайнов своих товаров и идут на это только при наличии достаточно емкого рынка и под давлением конкуренции. Это значительно затрудняет вход на рынок малым и инновационным фирмам, где цена нового дизайна становится запретительной при отсутствии значительных начальных инвестиций.

В Китае эта проблема пока решается с беспрецедентным успехом благодаря новой модели производства объектно ориентированного дизайна (ООД), впервые возникшей в Чунцине в производстве мотоциклов. Традиционная кооперация соседских фирм под давлением нехватки начальных инвестиций привела к возникновению новой парадигмы дизайна — вместо подробных спецификаций каждой части практикуется модульное проектирование, где задаются только самые базовые параметры и входы-выходы основных систем (колес, рам, моторов). Сами комплектующие проектируются поставщиками и выбираются потом по критерию цены и качества конечным сборщиком.

Этот подход повторяет линию современного развития софтвера. На наших глазах произошел отказ от линейного кода с переходом к модульному коду объектно ориентированного программирования (ООП). Каждый модуль пишется отдельно и предоставляется для пользования другим частям программы, запрещая им вход в его «скрытый» от них код. Это значительно увеличило возможности многократного использования кода, резко снизило цену и облегчило смену модулей. Эти эффекты еще более заметны для реальных объектов типа чунцинских мотоциклов.

Как показано (Badalian, Krivorotov 2009), в прошлом принципиально новая модель производства ложилась в основание уникальной адаптации, использующей особенности страны для решения ее неотложных проблем. После отработки новая модель служила точкой кристаллизации уникальных институтов, постепенно образуя весь техносоциальный стиль времени вокруг себя. Например, в XX в. массовое производство, известное сегодня под названием фордизм, возникло от необходимости использовать массы неквалифицированных рабочих-иммигрантов молодой страны. Подчеркнем, что развитие автомобилестроения с начала XX в. не означало отказа от железных дорог, которые начали строить со второй половины XIX в. и которые были исключительно важны для начального освоения страны — железные дороги успешно оперируют по сей день. Тем не менее, в США никогда не было зависимости от угля и не были построены общестрановые сети его добычи и распространения, повторяющие британские образцы. Это оказалось непрактичным для огромной страны и было развито лишь в немногих городах.

Проблема освоения США была разрешена совершенно по-своему и только с появлением нефтяных технологий XX в., основанных на массовом производстве стандартизованных товаров. С помощью массового автомобиля их развозили в любую точку «задешев», резко снизив стоимость и потери от перевозок. Одновременно массовый трактор помог в распашке трудных земель, а продуктивность их была резко поднята благодаря агрохимии. Как видим, фордизм как новый стиль производства привел к созда-

нию колоссального нового богатства, облегчив доступ к ресурсам территории США. Такие регионы, как Великие прерии, Калифорния и Флорида ранее практически не поддавались освоению, но стали источником огромного богатства и базой процветания общества потребления.

Подчеркнем, что это не произошло благодаря следованию британской индустриальной модели на базе угля или копированию британских институтов. В то же самое время все лучшие достижения европейской технологической мысли (автомобиль), а также идеи по поводу организации труда (конвейер, восходящий к тэйлоризму и фон Мольтке) были охотно взяты и адаптированы к местным условиям.

Не исключено, что такого рода адаптации уже начинаются в Китае. В работе изучена история зарождающегося стиля ООД, истоки которого можно проследить как в древнем прошлом Китая, так и в самых современных западных техносоциальных трендах. Мы показываем его перспективы, а также возможные подводные камни на пути к практической реализации по мере отработки. Для этого мы активно используем параллели с прошлым, прежде всего, с развитием США XX в. и Британии XIX в.

Локальная адаптация — использование специфики территории для роста

Сегодня становится ясно, что успех Китая не связан с отказом от традиций, а наоборот, с использованием их в принципиально новом контексте. Оказалось, что старинный институт соседской кооперации мелких производителей предоставляет хорошую базу для развития миниатюризирующихся технологий компьютерного века. (Badalian, Krivorotov, 2009b). Критичным оказался современный прорыв в транспорте и коммуникациях, который предоставил логистику для глобализации, а также для функционирования рождающихся индустриальных кластеров как хорошо отлаженной суммы малых частей, способных на бесконечные и быстрые изменения общей конфигурации. Соединение старого с новым дало огромное конкурентное преимущество, как это, например, показано успехом Чунцина. Не исключено, что будущее страны зависит от способности развить эту модель далее на основе создания специальной инфраструктуры, проникающей во все сферы жизни: от финансов до здравоохранения, образования и транспорта. В ближайшее время ожидается ввод в эксплуатацию месторождений дешевой иракской нефти, планируемый на 2011–2013 гг. После этого дешевой нефти может хватить на 15–20 лет с дальнейшим выходом нефтяной экономики на плато возможностей роста. По мере роста цен и истощения легкодоступных запасов новая экономика может возникнуть на базе своего уникального ресурса — строительство нефtezаправочных станций и дорог в пустынях и горах может стать непозволительно дорогим. Среди первых кандидатов природный газ, предоставляющий путь к возобновляемым источникам энергии, как описано в (Badalian, Krivorotov, 2009a, 2009b, 2009c).

Подчеркнем, что исторически радикальный отход от старых рецептов скорее норма, чем исключение. В истории неизвестно ни одного примера успешного догоняющего развития, приводящего к лидированию путем копирования старых моделей. Успех приносили новые модели, удачная адаптация имеющегося мирового знания к уникальным местным условиям.

Среди известных примеров — в XIX в. Британия правила морями не потому, что британцы сумели еще лучше усовершенствовать французскую экономику, лидера XVIII в. на основе использования древесины/древесного угля и ветряного/водяного колеса как источника энергии. «Солнце не заходило над Британской империей» по диаметрально противоположной причине — Британия нашла инновационный метод компенсации нехватки своей древесины и отсутствия достаточного числа полноводных рек благодаря радикально новому методу использования обильного и дешевого местного угля. Этот метод был основан на самых современных технологиях того периода, включая теорию газов, развитую в Европе и известную сегодня под названием теории Бойля—

Мариотта. Однако это блестящее достижение удалось ввести в практику не трудами Бес-смертных, членов королевской Академии де сиянс, а благодаря усилиям шотландских ремесленников, таких как Джеймс Уатт и Уилкинсон. Результат хорошо известен — промышленная революция и начало новой экономики пара. Параллельно произошел радикальный социальный перелом — от королевских мануфактур по французскому образцу к мелкому британскому предпринимательству; от блестящих умов Академии де сиянс к шотландским ремесленникам, покрытым сажей; от абсолютистского стиля правления (“dirigiste” government) и великолепия века Просвещения к *laissez faire* и нерушимости частной собственности британских лавочников и разделению труда по Адаму Смиту.

Не менее радикальный перелом произошел в XX в., когда на вершину мировой иерархии вместо Британии вышли США. США не превзошли Британию в рамках ее экономики пара и угля, несмотря на наличие значительных угольных запасов. Однако уголь оказался слишком неудобным для огромной территории в экстремальном климате. Он не годился для распашки Великих Прерий, хотя попытки его использования там хорошо известны. Как следствие развития экономики нефти сегодня Великие Прерии стали житницей страны, хоть тогда они были практически не заселены. Для освоения своей огромной территории, мало производительной в рамках традиционной экономики, включая пар, США пришлось развить сквозь депрессии и войны свою собственную, абсолютно уникальную экономику нефти.

Трудно переоценить исторический масштаб такого монументального перехода от одной экономики со своим установившимся образом жизни, установками, институтами и ожиданиями людей к чему-то совершенно новому, непонятному и непривычному. Исторически это требовало значительного времени. Так, первые паровые фабрики Британии работали в начале XIX в. в рамках успешной экспортной экономики. Однако Великая депрессия 1830-х годов показала опасность столь узкого экономического основания и побудила к масштабному технологическому перелому. Пар стал базой нового стиля экономической жизни, распространившегося от нечастых текстильных фабрик по всей стране в процессе построения инфраструктуры железных дорог. Это позволило лучше использовать те внутренние территории страны, которые оставались недоступными по речным путям. Будучи усовершенствована в Британии, система пара распространилась по миру, начиная с Европы и кончая колониальными владениями. Это закрепило роль Британской империи как мирового доминанта по мере роста белых поселений по всем территориям планеты с умеренным климатом. Возникла сателлитная структура мира вокруг Британского центра, основанная на белых колониях и господстве Британии над мировой торговлей. Те места, которые не удалось колонизировать из-за чрезмерной смертности белых людей (Acemoglu, 2004, 2005), были включены с помощью экспортных центров на удобных точках. На манер разветвленной речной системы железные дороги британской постройки собирали ресурсы со значительной территории к морскому побережью, к морским портам.

В гомологичном развитии первая модель Форда сошла с конвейера еще в 1908 г. Конвейер оказался идеальной адаптацией к условиям молодой страны, с малоквалифицированной иммигрантской рабочей силой, компенсируя нехватку опытных европейских механиков конца XIX в. Тем не менее, фордизм как доминантный стиль производства в центре новой массовой экономики США оформился в своей полноте только к 1950-х гг., после Второй мировой войны. Ровно так, как это было веком ранее, Великая депрессия 1930-х гг. отметила коллапс огромной экспортной экономики, основанной на продажах в Европу, кредитруемых из США.

Это привело к кризису 1929 г., который имел те же причины и последствия, что и его гомолог столетием ранее. Подобно строительству железных дорог в 1830-х гг., трудовому законодательству и финансовой реформе правительства Пила в 1840-х гг., новый курс Рузвельта сыграл решающую роль в создании фундамента нефтяной инфраструкту-

ры США на базе сельской электрификации и сельских дорог (Badalian, Krivorotov, 2009a). Построение нефтяной инфраструктуры США было закончено только в 1950-х гг., когда она обеспечила основу для роста потребительского общества. Система базировалась на: системе автотрасс; развитой кредитной системе от потребления до производства; стандартизованном образовании, выращивающем эффективных работников, а также потребителей с предсказуемым поведением. Все это контролировалось законодательством, построенным на учете интересов бизнеса. Вся эта инфраструктура, от физической до институциональной, стала основой экономики массового производства, уникального для США, и фундаментом их мирового лидерства.

Сегодня аналогичным образом Китай, может быть, на пороге создания собственной модели организации производства. В случае, если удастся развить ее до уровня полноценной инфраструктуры, может открыться возможность освоения внутренней территории, в настоящее время не обладающей достаточной производительностью. На фоне беспрецедентной плотности населения, при которой почти девяносто процентов людей ютятся на семи процентах земли на морском побережье и в долинах рек Янцзы и Хуанхэ, огромные просторы экстремальной сложности освоения в глубине Китая остаются практически незаселенными, и их ресурсы используются благодаря продвижению вглубь извлекающе-перерабатывающих центров с ханьским населением. Освоение этой территории в рамках принципиально новой модели остается кардинальной задачей будущего, на грани выживания и богатства.

Как показано выше, уже возникли уникальные подходы к организации производства, распространяясь от таких мест, как Чунцин. Новая модель основана на вековых традициях соседской кооперации, используя уникальные китайские преимущества: большое число искусных ремесленников, малые соседские фирмы, традицию ресурсосберегающих трудозатратных производств. Это накладывается на самые современные тренды: миниатюризацию и развитую логистику, которая и позволяет осуществить координацию усилий отдельных производителей, что ранее становилось неразрешимой задачей по мере увеличения уровня сложности производства.

Согласно пэттернам прошлого, будущий успех Китая зависит от способности доработать свою уникальную парадигму труда на основе самых современных технологий, включая возобновляемую энергию, «умное» аква-агро-животноводство, позволяющих использовать теперешние «неудобья», нанотехнологии, роботнику и т.п. Конечная цель состоит в предоставлении орудий труда для мелкого и среднего производителя как в индустрии, так и в сельском хозяйстве для освоения огромной малопродуктивной территории внутреннего Китая. Последняя очевидным образом не подходит для монокультурного массового производства типа американского, проникновение которого вглубь уже ведет к росту антагонизма между коренным населением и ханьцами. В отличие от плотной инфраструктуры автотрасс американского типа, создающей излишнее давление на хрупкую природу внутренних регионов, встает вопрос о более адекватной модели экономики малых серий на основе малой механизации, роботизации и компьютеризации, позволяющей использовать разнообразие нетрадиционных ресурсов как путь к богатству. Принципиальное значение приобретает понимание этапов трудного пути впереди.

Противоречие? Экономика малых серий как путь к экономике масштаба

Отмечалось, что преимущество дешевого труда третьего мира временно и может быстро исчезнуть. В случае Китая намного более важной может оказаться гибкость мелких производств, продемонстрировавших свою способность к быстрой переориентации и производству на заказ. В экономике бытует мнение, что только экономика масштаба дает значимые прибыли. В этом смысле экономика малых серий, основанная на нетрадиционных ресурсах, понимается как ее прямая противоположность, и ее потенциал ап-

приори считается незначительным. Однако, как показано выше, именно такая экономика и формируется сегодня в Китае на основе старинной традиции мелких соседских производств, которые научились выживать совместно через кооперацию.

Традиционная мудрость гласит, что, хотя многие производства уже распространились на Китай, пока их преимущества будет продолжать базироваться на дешевизне рабочей силы, они могут уйти с той же легкостью, как пришли. Малое и гибкое работает только в начале пути. Поэтому считается, что Китай должен по возможности переключаться на крупное производство западного типа, как в сельском хозяйстве так и индустрии, ибо экономика масштаба остается единственным способом компенсировать исчезновение дешевого труда. Однако ниже мы покажем, что условия уже изменились, что включает и возможный отказ от укоренившихся представлений.

Оказывается, что даже сегодня Китай достиг своих успехов не только за счет дешевизны труда, где уже растет отчаянная международная конкуренция. Китай превратился в предпочтительного мирового производителя благодаря своей невиданной гибкости — сегодня это единственное место в мире, где можно заказать экономичную малую партию уникальных частей по спецификациям заказчика.

Это противоречит традиционной точке зрения о преимуществах размера. Китайский опыт выглядит невероятным — кажется невозможным успех новичка, которому, очевидно, пришлось начинать с нуля. Каким образом удастся достигать прибыльности при производстве малых серий товаров, известной специализации Китая в то время, как от этого отказались практически все, прежде всего, на Западе?

В определенной степени ответ на этот вопрос дан в рамках новой теории торговли. Пол Кругман отметил (Krugman 1979), что эффекты типа экономики масштаба могут быть также получены за счет брендов. В свою очередь, бренд может быть тщательно выпестован и выращен под защитой внутреннего рынка, вдалеке от жесткой конкуренции. Это особо важно на ранних этапах, когда бренд уязвим и не имеет достаточного рынка. Кроме того, падение цены «входа» на новый рынок нередко отмечалось как побочный эффект модернизации и миниатюризации современного производства вместе с аутсорсингом, предоставляющим доступ к дешевому труду.

Однако даже этот анализ не отвечает на важнейший вопрос — можно ли вообще выжить и даже процветать путем экономики малых серий на заказ или необходимо увеличивать масштаб и переходить на массовое производство стандартных продуктов сразу же, как это станет возможно. Если верно последнее, как считает большинство, то производство малых партий, основанное на нестандартном ресурсе, непрактично в принципе. Это, в свою очередь, снимает всякую возможность для роста развивающихся стран за пределами использования их дешевого труда. Даже в Китае условия слишком разнообразны, и стандартных ресурсов слишком мало, чтобы обеспечить стабильный рост на основе массового монокультурного производства западного типа.

Интригующая альтернатива, позволяющая генерировать прибыль на уровне массового производства через дешевые малые серии была отмечена Альфредом Маршаллом еще в 1890 г. (Marshall, 1890). Он считал, что кооперация малых соседских производств представляет собой более предпочтительный путь, чем стандартизованные крупные предприятия. При наличии определенных условий это позволяет начать бизнес, без значительных первичных инвестиций и избегая дорогостоящих ошибок. Тем не менее, его идеи были забыты вплоть до 1970-х гг., когда о них вспомнили для объяснения взрывного роста производительности в Южной Европе. Как известно, в последней — начали с малых семейных производств, по Маршаллу. Постепенно эта модель распространилась из Италии в Испанию, Марокко и т. д.

Следуя устойчивым паттернам прошлого, эти страны росли, используя свою уникальную адаптацию, оказавшуюся благоприятной после появления соответствующих технологий — малые соседские производства были распространены в Средиземноморье

столетиями. При появлении внешнего спроса, обеспеченного современной логистикой, местная кооперация в соединении с дешевым трудом привела к быстрому росту, несмотря на отсутствие начальных инвестиций. Это вызвало значительное число новых исследований, которые фиксировали появление новых индустриальных регионов и аккумулировали численные данные в течение длительного времени, вплоть до 2000-х гг. (Becattini, Dei Ottati 2006), (Becchetti, Rossi 2000), (Catalan and Ramon-Muñoz 2009). Постепенно ведущие фирмы выросли в размере, подтверждая традиционный тезис о необходимости экономики масштаба.

Вскоре, однако, быстрый рост наткнулся на препятствия. Рост зарплаты в 1973–1985 гг. привел к росту задолженности фирм. В сочетании со скачком в учетных ставках это вызвало рост банкротств. В 1990-х гг. началась массивная реструктуризация. Ранние индустриальные регионы, которые были достаточно аморфны, были преобразованы в кластеры (Whitford, Porter 2007). Новая преобладающая структура центра и спутников (hub-and-spokes) подчеркивала потребность в координации и логистике, способной обслуживать нужды всего кластера, несмотря на сохраняющуюся автономию его частей. Компенсируя рост зарплаты, конкурентоспособность обеспечивалась более совершенным дизайном и маркетингом одновременно с резким снижением связанных с ними затрат.

Однако даже эта, намного более совершенная модель вскоре обнаружила свои ограничения. Начиная со вступления Китая в ВТО в 2001 г., резко снизилось число выживших кластеров, потерявших преимущество дешевого труда. Те немногие предприятия, которые выжили и даже продолжали расти, выработали новую модель, которую обобщенно называют «быстрой модой» (“fast apparel”) или «фирмой без фабрики». Например, такие успешные испанские компании как Манго, Индитекс/Зара (Mango, Inditex/Zara) начинали свою деятельность как современный вариант «надомного» производства, выдавая заказы соседям, в то время как сами они брали на себя наиболее прибыльную и трудную функцию дизайна, маркетинга и логистики.

Первые попытки интернационализации модели малых серий, таким образом, датируются 1986 г., когда Испания вступила в Европейский Союз. Модель работала эффективно вплоть до 2001 г., когда Китай вступил в ВТО, что привело к волне банкротств и началу крупномасштабного аутсорсинга, прежде всего, в Китае.

Только самый верхний уровень, занятый изощренным дизайном и координацией поставщиков, сумел выжить и даже обрести конкурентоспособность. Все прочее «отправилось» в Китай или к другим недорогим поставщикам. Это указывает на перспективность и необходимость перевода модели соседей-предпринимателей на высокие технологии как в низкотехнологических областях типа текстиля, так и, тем более, в высокотехнологических типа мобильной связи. Эффективность «хайтек» логистики в этом случае способна компенсировать производство малыми сериями, используя его гибкость и малую затратность как конкурентное преимущество. Важнейшим моментом становится значительное улучшение дизайна и координации между поставщиками. Прибыль обеспечивается резким снижением расходов на конечный продукт и экономией на каждом шаге процесса.

Реалистичность этого подхода была продемонстрирована на деле недавним беспрецедентным успехом, казалось бы, невозможным производителя чипсетов для телефонов, мобильных плееров и т.п., не обладавшего собственной производственной базой. МедиаТек, тайваньский производитель чипсетов объявил о росте прибыли во втором квартале 2009 г. на целых 80% по сравнению с прошлым годом (\$277 млн). Модель работы — компания проектирует чипсеты и распределяет заказы на детали поставщикам, у которых есть свои заводы. Британский журнал «Экономист» сообщает, что если ранее фирмы в Китае нуждались в 20 млн юаней (\$2,9 млн), 100 инженерах и, по крайней мере, девяти месяцах для того, чтоб произвести новый продукт для рынка,

то в рамках новой модели им нужно 500,000 юаней, 10 инженеров и три месяца. В результате число производителей чипсетов в Китае теперь исчисляется сотнями³. Это подчеркивает важность «маршалловых особенностей» (Marshallian externalities), особенно специализированного знания, специалистов-поставщиков и специализированного труда. Эта триада реализует старый смитовский принцип разделения труда, но на следующем, ранее недостижимом уровне исполнения и сложности. В результате прибыль обеспечивается резким повышением конкурентоспособности при смене товаров. Бесконечная гибкость новой модели производства и ее способность быстро доставлять новые продукты на рынок достигается благодаря постоянно меняющейся конфигурации поставщиков. Это более чем компенсирует утерянный масштаб вследствие резкого снижения стоимости дизайна. Как показано выше, это наиболее узкое место современного массового производства «расширяется» при значительном росте кооперации, обеспеченном новейшими технологиями логистики.

Недавно, когда глобальная индустрия моды была охвачена кризисом и магазины заполнились штабелями почти идентичных непроданных моделей, дизайнеры малых серий, которые считаются самыми модными, такие как Inditex/Zara, увеличили свою долю рынка. Это показывает, что малое — это новое большое. Кризис подчеркнул опасности массового производства. Оно слишком инерционно, имеет огромные риски потерь, легко отстает, оставаясь за бортом научно-технического прогресса. Одновременно, выявился потенциал малых серий, которые создаются задешево на заказ, без массивных потерь и нежелательных запасов, поскольку готовый продукт всегда отвечает потребностям дня.

Опыт продвинутых западных индустрий, от информационных технологий до производства самолетов, показывает, что сдвиг в сторону от стандартизации и униформности уже начался. Стандарты еще недавно настойчиво культивировались повсеместно, от массмедиа до общеобразовательных школ. Сегодня они заменяются трендами в сторону персонализации продуктов и сегментации рынков, которые значительно снижают долю рынка массовых стандартных продуктов в стиле XX века. Эта тенденция стала заметной с 1990-х гг. С ростом влияния цифровых технологий виртуальные группы в Интернете приобретают коллективную мощь, увеличивая свое влияние, способное формировать тренды. Это движение не остановить даже крупным транснациональным компаниям, отстаивающим свои права, типа ассоциации производителей музыкальных записей. Сила нового движения недавно обратила на себя внимание в связи с несоразмерной ролью в избрании первого черного президента США. Среди многих примеров новых технологических орудий для интернет-групп выделяются различные википедии, софтвар открытого кода, клауд-компьютеризация и т.п.

С помощью этих орудий «малыши» начинают конкурировать с гигантами типа Майкрософта, который стоит перед проблемой сокращения прибылей из-за роста убытков. Эра персонального компьютера подходит к концу, а деловая жизнь и компьютеризации уходят в Интернет и его виртуальные «окрестности». В Интернете все отвечает потребностям дня, нет залежалых и устаревших продуктов. Этот феномен повлиял даже на поп-культуру, породив странное создание — модного «очкарика», который еще недавно был предметом публичного презрения.

Тренд, который начался в виртуальном мире, постепенно переливается в мир физический — мир реального производства. Здесь Боинг отвечает на вызов Аэрбуса. Проблема состоит в отсутствии значительных инвестиций, которые для Аэрбуса обеспечиваются консорциумом стран ЕС. Чтобы ответить на последнюю модель Аэрбуса, Боинг должен строить свой Дримлайнер не только быстро, но также и дешево, снижая по возможности издержки на проектирование. Решение во многом совпало с моделью ООД в Чунцине, только на значительно более высоком уровне сложности. Оно предполагает аутсорсинг проектирования основных частей и систем самолета нескольким крупным поставщикам, в то время как Боинг становится генеральным подрядчиком,

держателем внешних спецификаций, контролирующим весь процесс. На сегодняшний день успех пока ограничен, с несколькими отсрочками конца работ, вероятно, из-за новизны концепции дизайна такого типа. Вместе с тем создается возможность конкурировать с Аэробусом в ситуации, когда иных вариантов нет и не предвидится. Возникающие проблемы могут объясняться отсутствием у Боннга соответствующего опыта. Аналогичные трудности в реализации концепции объектно ориентированного программирования давно известны и предполагают принципиально другую квалификацию дизайнеров, которая вряд ли есть у Боннга.

Этот короткий обзор приводит нас к заключению, что кооперация в стиле Маршалла в рамках малых серий как жизнеспособная замена экономики масштаба требует совершенно нового технологического основания с использованием возможностей новых технологий. Основным преимуществом остается беспрецедентная гибкость нового подхода, достигаемая путем прямого контроля за результатами проектирования со стороны спецификаций взаимозаменяемых модулей. Это дает возможность значительно снизить издержки современного проектирования, в потенциале одновременно повышая его качество.

Это подтверждает популярное утверждение, что стабильное сравнительное преимущество не может покониться на хрупком основании, каким являются затраты рабочую силу. Пример фордизма подтверждает, что как только новая индустрия получает настоящие конкурентные преимущества, затраты на рабочую силу постепенно теряют значимость. Хорошо известно, что Форд был способен продавать автомашины и тракторы по очень доступным ценам, поднимая зарплату своих рабочих на невиданный по тем временам уровень.

В этом смысле Китай, возможно, уже имеет жизнеспособное конкурентное преимущество. Уровень освоения современных концепций производства и их использования для создания реальных продуктов в Китае в настоящее время не имеет равных. Это уже сработало для достижения лидерства в производстве достаточно сложных машин. Конечно, мотоциклы — это не самолеты, но уже и не ширпотреб. Практика фордизма показывает, что потенциал новой деловой модели подтверждается только в том случае, если она становится общепринятой и распространяется везде, вплоть до самых сложных уровней производства. Начиная с сегодняшних мотоциклов, мобильных и солнечных панелей, эта модель уже начинает постепенно продвигаться в сторону более сложных продуктов, включая самолеты. История показывает, что это может существенно снизить значение дешевизны рабочей силы. Повышение качества жизни будет происходить и благодаря увеличению отдачи с ранее недоиспользованных территорий, повышая их производительность.

Противоречие? Развитие глубинки как путь к лидерству

Авторы показали (Badalian, Krivorotov, 2009a), что исторически ценовая конкуренция неизбежна, если большое количество новых товаров, не имеющих аналогов, поступают на рынок в условиях недостаточного спроса. Среди примеров — Эндрю Карнеги, который в конце XIX в. столкнулся, скорее, с проблемами продажи дешевой массовой стали, чем её производства. Было непросто найти крупных потребителей, способных финансировать производство нового продукта в нужных масштабах. Тем временем внедрение новых продуктов из стали открывало новый источник производительности. Новый стиль жизни складывался вокруг продуктов из стали, способствующих резкому росту производительности территорий, которые ранее считались неудобьями. Скромный массовый автомобиль и остро необходимый трактор оказались в фокусе нового стального мира, работающего на нефти. Именно они позволили окупить впечатляющие небоскребы и мосты, подобные кафедральным соборам, летящим над океанами. Не случайно, что процесс построения этого мира занял десятилетия.

Новый стиль жизни, ставший возможным с приходом массовой стали сложился только к 1950-м гг. Обратим внимание, что к тому времени прошли десятилетия с момента принятия новых технологий в промышленности. Удивительным образом поворотным пунктом стало не столько массовое принятие продуктов на базе нефти/стали в городах, что произошло относительно рано. Намного более важным было их принятие в сельских районах США. Это пэттерн, который постоянно повторяется. Исторические лидеры развивали свою уникальную форму сельского хозяйства и можно показать, что их дальнейшая мощь в значительной степени базировалась на этом скромном, но очень устойчивом основании.

Британия, например, преуспела в улучшении земли и культивировании новых пород растений и животных, переселяя их в новые места обитания. Новые методы агрикультуры были отлажены еще внутри страны, с затратой огромных усилий в течение столетий, начиная с так называемой норфолкской системы, заимствованной из Нидерландов в начале XVII в. Между тем, ее преимущества стало возможно использовать сполна только с приходом пара, когда внутренние районы страны оказались связаны железными дорогами. Впоследствии эти возможности в еще большей мере были использованы в период глобализации, когда британцы получили огромные дивиденды от своей политики "аграрного колониализма". В соответствии с этой схемой система белых поселений в зоне умеренного климата по всему миру от Америки до Африки и Полинезии поддерживалась путем распространения так называемых "колониальных культур" (табак, сахар, хлопок, чай, гевея и т.п.) Торговые потоки вели в Лондон, который служил фокусом, где товары собирались вне зависимости от конечного назначения. Глобальный контроль над мировой торговлей лежал в основе британского имперского величия.

Для США важность обмена между городом и деревней была еще более значимой. Хотя США хорошо известны своей индустриальной мощью, мало кто знает, что первое массовое использование критических технологий XX в. было связано с сельским хозяйством. Массовый трактор и автомобиль как фокус нефтяной экономики сыграли ведущую роль в распашке Великих Прерий, освоении Калифорнии и других земель в зоне экстремального климата. В рамках традиционного сельского хозяйства эти территории были практически недоступны и почти не использовались вплоть до XX в. Даже пар, который США активно перенимали у британцев, несмотря на необходимость производства мощных локомотивов, способных преодолевать огромные пространства и сложные ландшафтные зоны, был не слишком полезен при распашке девственной земли прерий. Сельское хозяйство на базе нефти росло в США постепенно, через трудности и катастрофы типа пыльных бурь, побочного эффекта первых массовых распахов Великих Прерий с использованием трактора. То, что сложилось в конечном итоге, оказалось непохожим на то, что существовало до этого. Новые формы стали квинтэссенцией XX в. — массовое применение продуктов нефтехимии (удобрения, пестициды, гербициды); активное использование ирригации, коммерческое культивирование стандартных пород/видов; перевозка продуктов на большие расстояния.

Причины столь большой роли сельского хозяйства в экономиках исторических доминантов требуют своего объяснения. В этой связи трудно переоценить преимущества стабильности, связанные с налаженным обменом между городом и деревней. Одновременно, сельские территории предоставляют ресурсы для развития индустрии и кормят города, генерируя необходимый спрос на их товары.

Наблюдая над современной глобализацией можно предположить, что потребности такого рода можно покрыть за счет глобального обмена в экспортно ориентированной экономике. Считается, что это принесет большую экономию средств, благодаря страновой специализацией и реализуя сравнительные преимущества. Между тем, в истории не существует случаев, когда страны с экспортно ориентированной экономикой

достигали доминирующих позиций, что указывает на возможность ошибки в традиционной аргументации.

Экспортно ориентированные экономики часто возникают на начальных стадиях развития будущего лидера. К примеру, как Британия, так и США создали мощные экспортные экономики, которые просуществовали вплоть до Великих депрессий, соответственно, 1830-х и 1930-х гг. Именно эти депрессии показали, что избранный курс на экспорт, который вполне оправдывал себя на начальных этапах, с течением времени исчерпывается и требует поворота экономики вовнутрь, на освоение своей собственной территории. Возникает вопрос — почему? В чем внутренние причины возникающей нестабильности, которая исторически производит впечатление системной?

С привлечением известного исторического материала ответ на этот вопрос оказывается довольно простым и очевидным. Как показано выше, исторически страны достигают позиции доминанта путем освоения своей территории, формируя уникальную адаптацию к ее условиям. Это очевидным образом противоречит самой природе экспортной ориентации. Экспорт призван покрывать потребности, которые формируются во внешней, доминирующей экономике. Последняя, очевидно, не имеет ничего общего с уникальностью новой геоклиматической зоны и, тем более, с ее освоением. Новые типы продуктов могут выступать только как замещение того, что производилось ранее. Британия, например, до 1830-х гг. специализировалась на экспорте текстиля. В этом смысле пар не представлял особой необходимости, поскольку центры производства (Манчестер) были расположены в непосредственной близости к экспортным портам (например, Ливерпуль). И лишь впоследствии инновационная функциональность пара была использована для экономического освоения внутренних территорий страны. Только тогда страна смогла достичь позиций неоспоримого мирового лидера. То же самое справедливо и в отношении США. До 1930-х гг. страна специализировалась на производстве товаров традиционного экспорта в Европу, таких как пшеница и металлы. США стали доминантом только после Великой депрессии 1930-х гг., в процессе которой они вынуждены были переориентироваться на освоение своей территории.

В определенном смысле, это неизбежно. Вряд ли можно достичь выдающихся результатов, копируя других, поскольку их трудно обыграть на собственном поле. Это верно даже в производстве дешевых замещений популярных продуктов, вплоть до того момента, пока их функциональность не выходит за пределы традиционного использования. Ситуация радикально меняется, когда создаются продукты с новой, неслыханной ранее функциональностью, которые возникают в процессе решения реальных проблем освоения своей собственной территории. Это, судя по всему, сейчас происходит в Китае. Упомянутый ранее дешевый мотоцикл производит радикальные именованные не только в Китае, но и в других странах развивающегося мира, где он открывает доступ к рынкам для групп населения, которые его ранее не имели.

Таким образом, эти мотоциклы уже выполнили важнейшую работу по освоению недонпользуемых территорий третьего мира, расширяя их доступ к рынкам. Сегодня эти территории пробуждаются с помощью инновационных транспортных и коммуникационных продуктов, от дешевого мотоцикла до мобильного, которые становятся доступны самым бедным слоям населения. Технология компьютерного чипа играет здесь ключевую роль, открывая дорогу нововведениям на ранее невозможном уровне.

Сегодня мы являемся свидетелями развертывания ранних стадий внедрения массового компьютерного чипа и связанных с ним технологий. В этот начальный момент возможны лишь более или менее осмысленные догадки о масштабе драматических сдвигов, к которым может привести дальнейшее развитие этих технологий. Например, уже существующие технологии сенсоров и распознавания образов дают возможность предсказывать фантастические возможности типа полностью безлюдных производств, выращивания и ухода за животными и растениями на расстоянии, питомника рыб в океане,

сбора урожая по мере созревания, включая дикую природу, разнообразное и процветающее производство пищи и ресурсов в океанах, пустынях, горных районах и т.п.

Очевидно, что будущее не усыпано розами. Уже сейчас сама способность чипа заменить человека при выполнении многих работ порождает массовую безработицу. Этот разрушительный процесс активно развивается, уничтожая массовую занятость, характерную приметой второй половины XX в. Еще недавно занятость такого типа служила надежным основанием налоговой базы, оплачивая услуги современного государства, воспринимаемые населением как неотъемлемые права.

Однако не стоит впадать в излишний скептицизм. Как ни тернист этот путь в будущее, его пэттерн вряд ли нов. Его предыдущее пришествие столетие назад принесло глубочайшие потрясения, связанные с приходом массовой стали с 1880 г. Это инициировало дефляционную спираль, которая и повысила уровень безработицы. Только после 1950-х гг. технологический стиль массового производства окончательно сформировался в США, открывая огромную территорию для современного использования. Вплоть до последнего времени это обеспечивало устойчивую базу занятости для зажиточного среднего класса, сердцевины общества потребления.

Можно ожидать повторения этого пэттерна снова в современных обстоятельствах, на базе недопроизводящей территории развивающегося мира. Процессы будут разворачиваться от Китая до Африки и Евразии, по мере того как неудобья развивающегося мира будут открываться для освоения на основе новых миниатюризированных технологий с использованием компьютерного чипа.

По мере развития новых технологий, через социальные катаклизмы и откаты они породят новые профессии и типы занятости, неизвестные сегодня, генерируя богатство на нынешних неудобьях. Окончательная форма технологического стиля XXI столетия, доминантная экономика времени и ее основные институты сегодня еще не определены. Мы можем быть уверены только в одном — все будет совершенно новым, непохожим на то, что было в прошлом и настоящем.

Выводы

Идущая глобализация создает огромные богатства. Во многих странах специфические рикардианские сравнительные преимущества формируют новые экономики, направленные на специализацию в рамках того, что они делают наилучшим образом. Огромные торговые потоки опоясывают земной шар, продвигая распространение современных технологий. Связанное с этим распространение демократических институтов улучшило жизнь многих людей, как это и было предсказано современной экономической теорией.

Между тем, представленный выше анализ показывает, что это только часть намного более масштабной картины. Исторически подавляющее большинство стран несомненно выигрывало от модернизации под эгидой доминанта своего времени. С прошествием времени значительная часть откатывалась назад, поскольку внешний толчок не поддерживался внутренними стимулами и возможностями. История показывает, что “догоняющее” развитие такого рода может продолжаться столетиями. Подобное случилось с Россией, которая в течение последних трех веков непрерывно колебалась между революцией и реакцией, переживая непрерывные и, в конечном итоге, неубедительные попытки модернизации — сегодня “за”, а завтра “против”.

Тем не менее, в течение тысячелетий истории несколько выдающихся стран сумели преодолеть эти тяжелые ограничения по мере исполнения их исторической роли. Лидеры своего времени оказались способны на развитие своих собственных экономик на базе уникальных адаптаций, сформированных в процессе освоения своей территории. Это помогло поддерживать благосостояние значительных сегментов мирового населе-

ния, принося в мир новые стандарты производства, потребления и культуры. Таким образом XIX столетие стало эрой индустриализации под эгидой Британии, так же, как XX столетие было, в основном, американским веком. Историческая судьба страны-первопроходца была невероятно трудна, но и блестяща. Она реализовывалась на практике только при соответствующих условиях, по мере того, как вызревали технологии времени и открывалась возможность для радикального подъема производительности новых территорий, которые еще недавно представляли из себя неудобья.

В истории были также и страны, которые становились лидерами несколько раз, как это произошло с Китаем. В работе (Badalian and Krivorotov, 2009a) его исторический путь суммируется на более широком фоне глобального развития. Китай фонтанировал инновациями в течение столетий, постепенно осваивая свою обширную территорию. В первый раз это произошло почти синхронно с Римом и его прорывом к мировой власти. Процветание Китая в тот период пришло от освоения лёссовых территорий реки Хуанхэ для сельскохозяйственного использования благодаря массовому производству чугуна на беспрецедентном для того времени уровне. С VIII в. и далее, с приходом "мокрого" риса китайский пэттерн сверхвысокой плотности населения мог поддерживаться в более тяжелых условиях долины Янцзы. Последняя была освоена с помощью довольно сложных машин в рамках мелкосерийного производства. Постепенно возникло давление на внутренние районы, наиболее благоприятные из которых были освоены с XVI столетия и далее с помощью новых культур из Америки, включая картофель. Растущей специализации мелких хозяйств способствовал значительный рост торговли благодаря притоку японского и американского серебра через Манилу.

Сегодня вектор развития указывает на остающиеся неудобья, включая пустыни и почти не заселенные горные районы. В настоящее время эти территории в основном используются в рамках извлекающей экономики путем постепенного продвижения в них городов, которые служат входами в экономику массового производства. Это создает трения с местным населением, в то время как страна стоит перед лицом потенциальной нехватки сельскохозяйственной продукции, особенно протеинов, которые эти земли могли бы производить в значительных количествах.

Сегодня, когда современные технологии могут, наконец, обеспечить подъем производительности сложных регионов, страна стоит перед вызовом. Уже имеется уникальная бизнес-производственная модель, которая несет в себе черты исторической преемственности и направлена в будущее. Потенциально, это может породить специальную адаптацию к специфическим условиям страны. Дешевый мотоцикл уже стал доступным транспортным средством для малонаселенных отдаленных районов. Развитие глубинки усиливается продвижением технологии мобильных телефонов, вместе с миниатюризированными технологиями производства и поддержки знания, образования и здоровья. Все вместе это соответствует старинной китайской традиции ресурсосбережения, земледелия на малых земельных наделах, постоянно улучшаемых и передаваемых по наследству.

Уникальная инфраструктура такого масштаба, подходящая для территории и ее населения, способна разбудить и поддерживать производство на сегодняшних неудобьях. Это предполагает формирование соответствующих институтов, которые базируются на новом стиле производства через ООД — уникальную модель на основе китайской специфики. Если Китай разбудит свои неудобья и радикально увеличит их производительность, страна ответит на своей исторической вызов в рамках своего потенциала будущей сверхдержавы.

Сегодня Китай имеет возможность показать путь к будущему. Не следует забывать, что он несет свои ловушки. Исторически изменения в лидирующей группировке часто ассоциировалось не только с прогрессом, но с турбулентностью и человеческими страданиями. Вместе с тем, это тоже всего лишь часть большей картины.

На протяжении человеческой истории лидирующая страна своего времени играла огромную роль в создании, совершенствовании и распространении экономики нового типа, способной открыть для производства огромные новые территории. Это намного увеличивало мировое производство, позволяло прокормить намного больше людей на уровне ранее недостижимого благосостояния. Таким образом, вплоть до сегодняшнего времени человеку как виду удавалось избегать мальтузианской ловушки путем выхода наружу и освоения новых территорий. В нашем будущем вектор перемен указывает на последние оставшиеся неудобья. Многие из них в Китае, но немало их в лесах Сибири и Канады, африканской саванне и азиатских пустынях. Заметим, что это территории с очень хрупкой экологией. Впереди стоит задача огромной трудности — поднять их производительность, не создавая угрозы экологической катастрофы для человечества. Последняя уже происходит в Амазонии, которая покрыта пожарами и вырубками. Методами подсечного земледелия идет коммерциализация джунглей под посадки рыночных культур (соевые бобы и т.п.).

Сегодня разворачиваются самые ранние стадии радикальных изменений в будущее. Вектор роста уверенно сдвигается к Востоку.

Только время покажет, что это нам принесет.

Библиография

- Acemoglu D.* Recent Developments in Growth Theory, Edward Elgar Publishing, 2004.
- Acemoglu, D. et al.* 2005. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth, in Handbook of Economic Growth.
- Badalian L.; Krivorotov V.* (2009a). Economic Development as Domestication of a Geoclimatic Zone: the historic East-West divide and the current trends towards its closure. // Journal of Innovation Economics. 2009. № 1. P. 13–48.
- Badalian L. Krivorotov V.* (2009b). Technological Shift and the Rise of a New Finance System: the Market Pendulum Model. // The European Journal of Economic and Social Systems. Vol. 21, № 2. 2008. P. 233–267.
- Badalian L. Krivorotov V.* (2009c). The wealth of the emerging world — the next 15–25 years. // Journal of Development and Agricultural Economics. 2009. Vol. 1(4) July, P 83–102.
- Becattini G and Dei Ottati G.* (2006): The performance of Italian industrial districts and large enterprise areas in the 1990s // European Planning Studies, 2006. Vol. 14, P. 1139–1162.
- Becchetti L. Rossi S.* UE and non UE export performance of Italian firms. Is there an industrial district effect? // The Competitive Advantage of Industrial Districts. Theoretical and Empirical Analysis. New York, 2000. P. 127–148.
- Catalan J. Ramon-Muñoz R.* Marshall in Iberia. The competitive advantage of the textile, apparel and footwear districts // Presentation at the 15th World Economic History Congress. Utrecht, 2009. 2–7 Aug.
- Ehrlenspiel K., Kiewert A., Lindemann, U.* 2007. Cost-Efficient Design. New York, 2007.
- French M.* *Invention and Evolution. Design in Nature and Engineering.* 2nd edit. Cambridge, 1994.
- Hobsbawm E.* Industry and Empire: The Birth of the Industrial Revolution. NY, 1999.
- Krugman P. Helpman E.* Market Structure and Foreign Trade. MIT Press, 1985.
- Krugman P.* (ed.). 1986 Strategic Trade Policy and the New International Economics. MIT Press, 1986.

Krugman P. Obstfeld M. International Economics: Theory and Policy. Scott Foresman/Little Brown, 1988.

Leamer E. 1995, The Heckscher-Ohlin Model in Theory and Practice // Princeton Studies in International Economics, 1995.

Marshall A. Principles of Economics. London, 1890 [1920].

Meek R. The Economics of Physiocracy. Harvard, Contains a translation of the Tableau Economique, Quesnay's 'explications' of the Tableau etc.

North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990.

Prencipe A., Davies A. Hobday M. The Business of Systems Integration. Oxford, 2003.

Rodrik D. One Economics, Many Recipes. Princeton, 2007.

Romer P., Evans G., Honkapohja S. Growth Cycles // American Economic Review. 1998. June.

Sen A. Development as Freedom. Anchor Books, 1999.

Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1965 Vol 70(1). P. 65–94.

Whitford J. Potter C.: Regional economies, open networks and the spatial fragmentation of production // Socio-Economic Review. 2007 Vol. 5. P. 497–526.

-
1. Мы принимаем модель товарообмена между городом и селом, предложенную физиократами. Однако, в противоположность последним, мы рассматриваем все богатство территории, независимо от способов его производства, индустриальных или аграрных.
 2. “Поскольку цена дизайна товаров очень высока, требуется достаточно большая партия продаж, чтоб оправдать ее.” (French 1994: 249)
 3. Fabless and fearless. How a Taiwanese firm became one of the world's fastest-growing chipmakers. The Economist. Aug 6th 2009.

Экономические дискуссии в КНР в посткризисный период

© 2011

О. Борох

В статье рассмотрены основные тенденции развития китайской экономической науки после 2008 г. Исследованы подходы китайских экономистов к осмыслению уроков мирового экономического кризиса и успехов Китая в преодолении его негативных последствий. Проанализированы дискуссии ученых КНР о «китайской модели» развития, специфике механизмов макроконтроля, роли государства в экономике. С опорой на опыт Китая ученые стремятся к переосмыслению главных направлений мировой экономической теории и созданию влиятельной китайской экономической науки.

Ключевые слова: экономическая наука, антикризисная политика, «китайская модель», роль государства в экономике, макроконтроль, переосмысление экономической теории.

Китай приступает к выполнению 12-го пятилетнего плана (2011–2015 гг.), основные ориентиры которого были намечены еще в прошлом десятилетии. Это смена модели экономического развития, увеличение вложений в человеческие ресурсы, расширение внутреннего спроса, развитие системы социального обеспечения, инвестиции в науку и технику, защита окружающей среды. Программа пятилетки основана на лозунге «научного взгляда на развитие», который обрел официальный статус во второй половине 2000-х гг. Преимущество планов связана и с тем, что прежние цели не были реализованы в полной мере. В марте 2011 г. в докладе о работе правительства на сессии ВСНП премьер Вэнь Цзябао признал, что развитие Китая остается нестабильным, несбалансированным, несоординированным и неустойчивым¹.

На завершающем этапе 11-й пятилетки китайскому руководству пришлось корректировать экономическую политику для противодействия мировому финансовому кризису². Применение антикризисных мер помогло сохранить высокие темпы роста, однако при этом выросла зависимость экономики КНР от государственного вмешательства. Расширение кредитования экономики и поддержки госсектора привели к обострению проблемы инфляции. Обсуждение уроков антикризисной политики в Китае нацелено прежде всего на выявление перспектив использования рыночных механизмов и определение роли государства в экономике. По мнению авторитетного экономиста Ли Инна, в условиях кризиса главными задачами стали поддержание роста и решение проблемы занятости, что привело к вынужденному замедлению темпов рыночных преобразований. Он подчеркнул, что реформы нельзя останавливать. В частности, нужно решать проблемы дуалистичности урбанистически-аграрной структуры экономики, монополизма гос-

предприятий и механизма установления цен на ресурсы, поддерживающего их дешевизну и не стимулирующего обновление техники³.

В центре внимания находился вопрос о том, когда и при каких условиях государству следует отказаться от финансовой поддержки экономики. В условиях кризиса развитие китайской экономики вернулось к прежней модели ускоренного роста, обеспеченного вложениями большого объема дешевых средств. Китайские экономисты встревожены тем, что курс на увеличение инвестиций вместо роста потребления может привести к созданию избыточных мощностей. У Цзинлянь из Центра исследований развития при Госсовете КНР призвал всесторонне изучить воздействие плана инвестиций 12-й пятилетки на макроэкономическую стабильность. Помимо значительных государственных инвестиций в инфраструктуру, на местах намечается заметное увеличение финансирования семи новых стратегических отраслей (энергосбережение и охрана окружающей среды, информационные технологии нового поколения, биотехнологии, производство высокотехнологичного оборудования, новые источники энергии, новые материалы, автомобили на новых источниках энергии). По мнению ученого, тенденция к увеличению инвестиций в эти отрасли превосходит по размаху «большой скачок» 1958 г. и «заморский скачок» массовой закупки иностранного оборудования конца 1970-х гг. Такая политика может негативно повлиять на стабильное развитие экономики в 12-й пятилетке⁴. Заместитель директора Института национальной экономики Китайского фонда реформы Ван Сюлу также отметил, что наращивание инвестиций приведет к быстрому росту производственных мощностей без соответствующего роста потребления⁵.

Многие китайские эксперты указали на важность провозглашенной правительством цели снижения ежегодного прироста ВВП до 7% при синхронизации темпов экономического роста и роста доходов населения. Однако вызывает сомнения готовность местных властей отказаться от привычной ориентации на поддержание высоких темпов роста экономики любой ценой. Секретарь Китайского макроэкономического общества Ван Цзянь отметил, что многие местные правительства стремятся к увеличению темпов экономического развития, рассматривая использование инвестиций для достижения высокого роста в качестве неизменной модели⁶. На основании статистики по 27 провинциям и городам Чжан Шугуан из Института экономики Тяньцзэ показал, что в 2011 г. лишь в четырех местах власти ставили целью рост экономики, не превышающий 10%, при этом в 14 местах собирались достичь роста в 12% и еще в трех — более 13%⁷.

В преддверии сессии ВСНП 2011 г. Вэнь Цзябао в ходе общения с Интернет-аудиторией коснулся этой проблемы. Отвечая на вопрос о путях решения противоречия между провозглашенной правительством сменой парадигмы развития и стремлением местных властей наращивать ВВП, премьер заметил: «Решить эту проблему, если говорить честно, не очень просто. Нужно, чтобы кадровые работники всех уровней действительно поняли, что главный стимул экономического роста — это научно-технический прогресс, это расширение потребления, мы должны идти по пути самостоятельного развития, основанного на интенсивном росте и стимулируемого инновациями. Поэтому мы должны использовать для оценки комплексные показатели, особенно показатели эффективности, окружающей среды и жизни народа. Только так можно ограничить быстрый слепой рост»⁸. Вэнь Цзябао сказал, что сам видел на местах контрасты между масштабным строительством в городах и сохраняющейся бедностью в окрестных деревнях, где для родителей проблемой является выплата за учащегося ребенка ста юаней в год на отопление школы. По его словам, он лично призывал местных руководителей уменьшить темпы городского строительства и тратить больше средств на народное благосостояние. Премьер подчеркнул, что критерием оценки успехов кадровых работников должна быть удовлетворенность народа, а не наличие на подведомственной им территории небоскребов.

В ходе обсуждения уроков антикризисной политики китайские исследователи стремятся понять, какие ее аспекты носили временный вынужденный характер, и что в

ней отражает существенные черты и преимущества сформировавшегося за годы реформ пути развития страны. Благодаря успешному выходу страны из кризиса оживились идущие с середины прошлого десятилетия споры о «китайской модели»⁹.

На основании анализа материалов обсуждений можно выделить две трактовки содержания «китайской модели». Первая подчеркивает связь успеха Китая с либерализацией экономики и проведением рыночных реформ. В этом случае «китайская модель» представляет собой комплекс выработанных в процессе преобразований особых методов перехода к рынку — это реформы путем приращения (*цзэнлян гайгэ*), двухколейная система, опора на эксперимент. Другая трактовка указывает на связь достижений страны с социалистическим строем и характеризует «китайскую модель» как успешное соединение социализма с рыночной экономикой¹⁰.

Сторонники «китайской модели» считают ее существование неоспоримой реальностью. Они видят в уроках кризиса подтверждение того, что «китайская модель» создала условия для быстрого сосредоточения сил в интересах проведения антикризисной политики, продемонстрировав другим странам путь выхода из рецессии. В области теории «китайская модель» расширила горизонты экономической науки, позволив углубить понимание законов экономического развития и изменений институтов. Если развивающимся странам «китайская модель» предоставляет важный опыт экономического развития, то для развитых стран она открывает новый подход к проблеме сферы применимости западных ценностей.

В период кризиса западные страны с либеральной экономикой пострадали значительно сильнее Китая, что дало ученым КНР основания указать на преимущества «китайской модели». Ху Цзюнь и Хань Дун из Народного университета Китая отмечали, что страна добилась успеха благодаря тому, что не встала на неолиберальный путь приватизации и свободной рыночной экономики. В данной трактовке ключевыми особенностями «китайской модели» выступают руководство КПК, главенствующее положение государственной экономики, направляющая роль правительственного плана экономического строительства, использование стимулирующей роли рынка для развития производительных сил.

Для обоснования важности вклада КПК в успешное развитие страны китайские авторы сослались на мнения зарубежных исследователей¹¹. В частности, известный американский футуролог Джон Найсбитт пришел к выводу, что в Китае однопартийная власть способна реализовать долгосрочную стратегию развития, тогда как на Западе цели носят краткосрочный характер и прерываются избирательным циклом. Другим подтверждением этого тезиса стала книга английского политолога Мартина Жака «Когда Китай правит миром: подъем Среднего царства и конец Западного мира»¹². По его мнению, китайское общество поддерживает КПК прежде всего потому, что партия может обеспечить экономический рост.

Оппоненты «китайской модели» указывают, что поиск пути преобразований еще не завершен, а развитие страны сталкивается с существенными проблемами и сопутствующими издержками. Опыт Китая не может служить демонстрационным образцом, пригодным для «экспорта» за рубеж. Если же «китайская модель» сводится лишь к усиленному контролю правительства над всей социально-экономической системой страны, то в этом нет ничего принципиально нового, а вслед за краткосрочными успехами подобная политика может породить серьезные трудности. Самая главная проблема «китайской модели» состоит в том, что экономические реформы пока не доведены до конца, политические преобразования отстают, влияние чиновников на экономику остается значительным. Некоторые критики «китайской модели» объясняют экономические успехи страны тем, что реформы следовали предписаниям «вашингтонского консенсуса». По мнению Яо Яна из Китайского центра экономических исследований Пекинского универ-

ситета, достижения Китая демонстрируют победу неоклассической экономической науки, поэтому «китайская модель» лишена собственного содержания¹³.

У Цзинлянь призвал не преувеличивать долгосрочный позитивный эффект административного вмешательства в экономику. Он отметил, что успех антикризисной политики стимулировал рассуждения о том, что применение административных мер является особым политическим преимуществом Китая; также возобновился интерес к сформулированной в середине 2000-х гг. в ходе критики «вашингтонского консенсуса» идее «пекинского консенсуса», которая была возвышена до уровня «китайской модели». Однако краткосрочный успех государственного регулирования не дает однозначного ответа на вопрос о том, является ли высокая степень вмешательства правительства в экономику добром или злом. В китайских условиях многие чиновники привыкли командовать экономикой, и усиление государственного вмешательства может стать долгосрочной тенденцией. Поэтому слишком оптимистическая оценка использования административных мер в преодолении кризиса, по мнению ученого, весьма опасна¹⁴.

Китайские исследователи предупреждают, что чрезмерно высокая оценка успехов Китая может привести к самодовольству и замкнутости, что в итоге затормозит реформы. Бывший директор Института США АОН Китая Цзы Чжунъюнь провела историческую параллель с событиями вековой давности. В XIX в. стремившаяся к переменам часть китайской интеллигенции ориентировалась на примеры развитых стран Запада и Японии, однако после Первой мировой войны в Китае стало шириться разочарование в учебе у Запада. В результате стали набирать силу традиционалисты и сторонники заимствования советского опыта. Теперь на Западе вновь возникли проблемы, но при этом у Китая нет другого зарубежного примера, каким в прошлом был СССР. В этой ситуации в Китае появляется стремление отвернуться от внешнего мира, поскольку собственный путь представляется весьма успешным. Как и в прошлом, набирает силу тенденция к унаследованию комплекса традиционного знания «госюэ», некоторые исследователи стремятся обнаружить в древних текстах прообразы современных экономических теорий и основы рыночного хозяйства. По мнению Цзы Чжунъюнь, эти неправильные оценки современности могут увести в ошибочном направлении¹⁵. Повышенное внимание к успеху «китайской модели» настраивает китайское общественное мнение на то, что продолжение реформ не является необходимым. Беспокойство по этому поводу высказал бывший проректор Партийной школы ЦК КПК Ли Цзюньжу. По его мнению, националистический акцент на «китайской модели» опасен, так как может изменить ход реформ¹⁶.

Споры о «китайской модели» связаны с обсуждением острой дискуссионной темы «всеобщих ценностей». Официальные пропагандисты указывают на недопустимость попыток представить западные представления о демократии в качестве «всеобщих ценностей». Однако полный отказ от «всеобщих ценностей» порождает националистические тенденции, косвенно подталкивающие Китай к самоизоляции от иностранных идей. Бывший председатель правления группы Чжаошан (China Merchant Group) Цинь Сяо отмечает, что трактовка «китайской модели» как пути развития экономики, структуры государственной власти и способа управления обществом, основанных на государственном руководстве и поддерживаемых национализмом, ведет к отрицанию «всеобщих ценностей». По мнению исследователя, в период реформ в Китае происходила постепенная дендеологизация, которая началась с призывов Дэн Сяопина «искать истину в фактах», «не спорить», не делить преобразования на «капиталистические» и «социалистические». Впоследствии этот процесс продолжили лозунг «тройного представительства» Цзян Цзэминя, идеи «научного развития» и «гармоничного общества» Ху Цзиньтао. Однако увлечение лозунгом «китайской модели» противоречит данной тенденции и ведет к возрождению идеологизации. Цинь Сяо указывает, что теория «китайской модели» основана на признании подъема Китая и упадка Запада: предполагается, что вскоре китайские

ценности заменят пришедшие из-за рубежа ценности просвещения, оказавшие значительное воздействие на китайские преобразования XX в.¹⁷

Глава Школы экономики и менеджмента Университета Цинхуа профессор Цянь Инъи, в прошлом преподаватель экономики в ведущих университетах США, указал на опасность ошибочных выводов из уроков мирового кризиса. Китай добился успеха и смог укрепить свои позиции в мире, внутри страны это привело к распространению настроений «великой державы» и «возрождения». Объективные основания у этих эмоций есть, ведь Китай — это большая страна с древней цивилизацией, которая после периода отставания в недалеком будущем по общим показателям вернется на прежнее историческое место в мире. Однако слияние этих настроений, стремление замкнуться в скорлупу «подъема великого государства» и поставить «национальное возрождение» превыше всего может привести к распространению узкого национализма, который будет мешать вхождению Китая в мир и препятствовать долгосрочному развитию страны. Возникает ошибочное мнение, согласно которому, если Китай станет мощным, то весь мир будет его уважать. Цянь Инъи полагает, что сторонники этой точки зрения смешивают необходимое и достаточное условия — без мощной экономики уважения не добиться, но одних экономических успехов может оказаться недостаточно, чтобы заслужить чужое уважение. Ответ на вопрос о том, сможет ли в результате кризиса Китай подняться на новую ступень, находится внутри страны: для дальнейшего продвижения вперед китайцам нужно трезво понять себя и объективно смотреть на мир¹⁸.

Профессор финансов в Школе менеджмента Йельского университета Чэнь Чжун, автор опубликованной на Тайване книги «“Китайской модели” не существует»¹⁹, отмечает, что никто не способен дать четкое определение «китайской модели». Если это синоним нынешней политики китайских властей, то у «модели» есть две особенности. Это жесткий контроль правительства над экономическими ресурсами и доступом к финансовым отраслям, а также приоритет реформы экономической системы по отношению к политической. По мнению исследователя, опыта трех десятилетий реформ недостаточно, чтобы дать обоснованную оценку эффективности подобной системы. Кроме того, нужно учитывать, что зависимость от внешней торговли и инвестиций, а также низкие темпы роста частного потребления являются внешними симптомами проблем, коренящихся в экономической системе Китая²⁰.

После того, как в 2010 г. Китай по общим объемам экономики опередил Японию и вышел на второе место в мире, возник дополнительный импульс для обсуждения достоинств «китайской модели». Член ПК НПКСК, заместитель руководителя экономического комитета профессор Ли Инин подчеркнул, что по доле высоких технологий и передовой продукции Китай по-прежнему отстает от Японии, и хотя в китайских городах идет быстрое строительство, японские жилища снабжены более современным оборудованием. Китайцам не нужно радоваться тому, что по размеру ВВП они обогнали Японию, следует продолжать прилагать усилия, чтобы превзойти ее на деле. Ли Инин призвал рационально подходить к «китайской модели» и понимать, что ее нужно будет своевременно реформировать по мере дальнейшего развития Китая: «Я не одобряю четыре иероглифа “китайская модель”, так как модель — это нечто твердо установившееся, более подходит “китайский путь”. Мы сейчас ищем путь, как сделать Китай богатым и могущественным, во многих областях необходимы дальнейшие реформы...»²¹.

Несмотря на широкий интерес к проблеме на уровне экспертов, понятие «китайская модель» не входит в число официальных лозунгов. В марте 2011 г. это подтвердил премьер Вэнь Цзябао. Иностранному корреспонденту спросил его, соответствует ли китайская модель развития переменам в мире и могут ли другие страны позаимствовать из этой модели что-то полезное для себя. Ответ гласил: «Мы выбрали путь, соответствующий ситуации в Китае... Наши реформа и строительство еще находятся в процессе поиска, мы никогда не считали, что собственное развитие — это модель»²². Эту осторож-

ную и взвешенную позицию разделяют ведущие китайские экономисты, призывающие к продолжению реформ и к объективной оценке трудностей в развитии Китая.

Возникший на Западе кризис побудил китайских исследователей обратиться к критическому переосмыслению господствующего течения в мировой экономической науке. Неспособность зарубежных экономистов предсказать финансовый кризис и предложить своевременные меры по его предотвращению стала, по мнению Чжан Сяоцина из Института экономики АОН Китая, отражением кризиса внутри экономического знания. Он предположил, что в западном мейнстриме возник кризис основополагающей веры в свободный рынок. Его сопровождает кризис методологии, исшедшей из равновесия и пренебрегавшей фактором времени. Отсутствие внимания к процессу перехода вело к выводу о том, что «шоковая терапия» полезна, хотя результатом ее использования на практике часто становится нестабильность в экономике и обществе. В основном течении экономической мысли также возник кризис формализации, обусловленный чрезмерным вниманием к математическим построениям и созданию формальных моделей. Кроме того, мейнстрим не учитывал значения финансовой сферы как возможного источника макроэкономической нестабильности. Выходом из сложившейся ситуации, по мнению исследователя, может стать отказ основного течения экономической науки от «западоцентризма» и обращение к опыту развивающихся стран, успешно преодолевших внешние кризиса²³.

На этом фоне заметно возрос интерес к теме китайской экономической науки и ее вклада в развитие мировой экономической теории. Чжоу Вэнь и Сунь И из Юньнаньского университета экономики и финансов напомнили, что обсуждение концепции «китайской экономической науки» развернул в 1940-е гг. еще до образования КНР марксист Ван Янань, пытавшийся создать костяк независимой экономической теории для решения специфических проблем страны. Вторая попытка была предпринята в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда экономист молодого поколения Фань Ган выступил с критикой «советской парадигмы» в условиях перехода к рынку, широкого заимствования западных теорий и методов. Третья дискуссия развернулась в начале 2000-х гг., среди ее участников были Линь Ифу, наметивший путь «отуземливания, стандартизации и интернационализации» экономической науки, а также Чэн Эньфу, предлагавший различные формы соединения китайских и зарубежных течений на основе марксизма.

Стимулом для современного обсуждения «китайской экономической науки» стали быстрое развитие Китая и повышение его влияния в мировой экономике. Для объяснения этих тенденций ученые стремятся создать теорию, соответствующую реальности и культурной специфике страны, выработать китайскую «систему дискурса» в экономической науке. «Китайская экономическая наука» призвана обеспечить Китаю «право голоса» в мировой экономической науке, что дало бы возможность влиять на глобальные процессы в интересах создания нового международного экономического и политического порядка, благоприятствующего подъему Китая. По мнению китайских исследователей, трансформация экономической модели Китая требует создания «китайской экономической науки», которая соответствовала бы изначальной направленности традиционной китайской экономической мысли — «управлению миром и вспомоществованию народу» (*цзи ши цзи мить*)²⁴.

Необходимость теоретического объяснения модели развития китайской экономики, экономической реформы и политики макроконтроля требует выхода за рамки неоклассической теории, неспособной предоставить полное понимание китайской реальности. Многие экономисты видят несоответствие между неоклассической теорией и китайской реальностью, что ведет их к сомнению в авторитете мейнстрима, к попыткам внести в него поправки и дополнения. Успешность китайского опыта и его признание иностранными учеными подкрепляют позиции тех, кто призывает с помощью китайского материала исправить и дополнить неоклассические экономические концепции. Дирек-

тор Института народонаселения и экономики труда АОН Китая Цай Фан отмечает, что господствующая теория роста не может объяснить процесс и эффективность развития дуалистической экономики с китайской спецификой. Из теории переходной экономики также нельзя вывести особую целевую модель китайской реформы, критерии ее оценки и пути осуществления. Ограниченным оказывается и механическое применение к находящемуся на стадии перехода Китаю трактовки макроконтроля, исходящей из макроэкономической науки мейнстрима.

Специфика китайской экономики в том, что развитие осуществляется на фоне изменения дуалистической структуры, перехода от плановой экономики к рыночной, использования макроконтроля для поддержания стабильности. Китайские исследователи указывают на отличия от ожиданий стандартной экономической теории в этих областях, что служит дополнительным аргументом в пользу разработки китайской экономической науки. К примеру, в 1950-е гг. в Китае сформировалась система прописки, которая разделила два рынка рабочей силы — городской и деревенский. В период реформы произошло смягчение этой особенности дуалистической экономики, неограниченное предложение рабочей силы было устранено. По мнению Цай Фана, неоклассическая теория исходит из монистической предпосылки экономического развития и потому она зачастую неспособна объяснить дуалистическую модель китайской экономики. Китайским реалиям в большей степени соответствует теория дуалистической экономики У.А. Льюнса (1954), которая долгое время подвергалась критике со стороны неоклассического мейнстрима. Помимо этого, неоклассическая теория исходит из недостатка рабочей силы и не учитывает «дивидендов от народонаселения», которыми воспользовался Китай. Осмысление избранной Китаем модели экономического роста может стать стимулом для обновления экономической науки и позволит внести вклад в теорию развития²⁵.

По мнению Цай Фана, мейнстрим экономической науки может быть дополнен в результате теоретического осмысления китайского пути постепенного перехода от плановой экономики к рыночной, что обогатит теорию переходной экономики. Если с точки зрения неоклассической теории рыночный переход должен следовать догмам «вашингтонского консенсуса», то целевая модель китайской реформы и способы движения к ней не были определены заранее, подход к реформе был основан на прагматизме. Особенности китайских преобразований стали постепенный характер реформы, реформирование путем приращения, принцип содействия развитию с помощью реформы, комплексный характер продвижения преобразований, учет способности населения справиться с последствиями реформ. Господствующая макроэкономическая теория также может быть развита с учетом китайского опыта политики макроконтроля, позволившей поддерживать макроэкономическую стабильность на протяжении всего периода реформ.

С критикой основного течения западной экономической науки выступили не только китайские профессиональные экономисты, но и марксисты, поддержавшие призывы к большему учету национальной специфики и приближению теории к запросам китайской практики. Проректор Юго-Западного финансово-экономического университета Лю Цань подчеркнул, что мировой кризис бросил вызов западной экономической науке мейнстрима. По его мнению, попытки вернуться к кейнсианству, основанному на предпосылке недостатка эффективного спроса, также не помогут объяснить глубинные причины возникновения периодических кризисов при капитализме и решить проблемы капиталистической экономики.

В этом контексте у марксистов возник вопрос о том, какой должна быть система преподавания экономической теории. За годы реформ китайская экономическая наука заимствовала много западных концепций, избавление от догматизма способствовало развитию экономического образования в КНР. Лю Цань напомнил, что в высших учебных заведениях экономического профиля была создана система курсов, включающая «принципы экономической науки», «микроэкономику», «макроэкономику», «экономику разви-

тия», «теорию игр и теорию информации», «новый институционализм» и др. Однако глобальный кризис выявил существенные недостатки теоретической системы экономической науки западного мейнстрима и выстроенной на этой базе модели образования. В китайском экономическом образовании также накопилось немало проблем — это «внимание к моделям и невнимание к идеям, внимание к знаниям и невнимание к методам, внимание к западной теории и невнимание к китайской практике». Китайские студенты разбираются в предпосылке экономического человека, рациональном выборе, максимизации полезности, общем равновесии, но не знают истории и практики китайской реформы. Студенты не умеют использовать китайскую теорию, методы и язык для изложения реалий страны и изучения ее проблем, привычка копировать западную теорию и западный опыт делает их зависимыми от догм западной экономической науки.

Для обновления китайского экономического образования Лю Цань порекомендовал усилить базовое положение марксистской экономической науки и сбалансировать три крупных элемента вузовского курса — это основы теории политэкономии, теория и методы современной экономической науки (т.е. западная экономическая наука), китайская экономическая реформа и практика. Он призвал обратить особое внимание на преподавание «трех историй и одной теории» — истории экономической мысли, истории китайской экономики, истории зарубежной экономики и «Капитала» Маркса. Следует также более четко выделить в учебном процессе основные принципы марксистской экономической теории, модель обучения должна сочетать преподавание базовой теории, научную подготовку и общественную практику, чтобы готовить экономистов, стоящих на китайской почве и имеющих мировой уровень²⁶.

Мировой кризис показал, что марксизм не утратил актуальности, поскольку эта теория позволяет понять причины кризиса и его логику. Некоторые китайские исследователи призвали не противопоставлять марксизм и западную экономическую науку и добиваться их взаимного дополнения, поскольку западная наука не дает возможности разглядеть глубинные проблемы капитализма, тогда как марксизм не предлагает практических рецептов по выводу рыночной экономики из кризиса. Третьим источником обогащения теории стала китайская традиция. Поиск путей адаптации марксизма к нуждам эпохи привел марксистов к выводу о важности внимания к идейному наследию прошлого при одновременном движении к интернационализации китайской экономической науки.

Линь Ган из Народного университета Китая призвал развивать в экономическом знании «мощный национальный стиль, имеющий китайскую специфику», недостаток которого заметен как в марксизме, так и в современных рыночных теориях. Тем временем в древнекитайских материалах можно найти немало ярких и глубоких экономических идей — например, представления Сыма Цяня о рыночном механизме, содержащиеся в трактате «Гуань-цзы» идеи макроэкономического контроля. Если преподаватели и студенты будут впитывать традиционную культуру, это поможет сформировать национальный научный стиль и придать экономической науке китайскую специфику. Исследователь указал на недопустимость полного отрицания результатов развития экономической науки за годы существования КНР, включающие «извилистый путь плановой экономики» и период реформ. Эти достижения выросли на китайской почве, они стали основой для развития китайской экономической науки. Лишь на таком фундаменте можно создать современную экономическую науку с китайскими особенностями, вырастить китайских экономистов мирового уровня²⁷.

Чэн Энфу, возглавляющий Академию марксизма АОН Китая, предложил афористичную формулу обновления и развития китайской экономической науки: «Марксистское учение как основа, западное учение для применения, национальное учение как корень, мировая ситуация как зеркало, ситуация в стране как основание, комплексное создание нового» (*ма сюэ вэй ти, си сюэ вэй юн, го сюэ вэй гэнъ, ши цин вэй цзянь, го цин вэй цзюй, цзунхэ чуансиль*). Примечательно стремление китайских экономистов марксист-

стского течения опереться на традиционную культуру и идеи известных мыслителей XX в. Концепцию «комплексного создания нового» предложил в 1980-е гг. в качестве общего курса развития китайской культуры философ и историк философии Чжан Дайнянь. С того времени ее считают правильной марксистской формулой, которая позволяет избежать крайностей либерального западничества и консервативного традиционализма. Упомянутое разделение «основы» (*ми*) и «применения» (*юи*) восходит к китайским спорам конца XIX — начала XX вв. о соотношении культур Китая и Запада. В формуле Чэн Эньфу «основа» и «применение» имеют западное происхождение: основополагающее марксистское учение (*ма сюэ*) означает систему знаний марксизма, а функциональное «западное учение» (*си сюэ*) — систему общественно-научных знаний за исключением марксизма, прежде всего современный западный экономический мейнстрим.

«Корнем» межкультурного научного синтеза выступает «национальное учение» (*госюэ*), обозначающее сформировавшийся в традиционном Китае комплекс знаний о человеке и обществе. В данном случае речь идет об использовании традиции в ходе модернизации экономической мысли, поскольку в древнекитайском наследии были отражены общие экономические законы и квинтэссенция особой китайской экономической ситуации. Чэн Эньфу пояснил эту мысль с помощью призыва Мао Цзэдуна «ставить древнее на службу современности» (*гу вэй цзюнь юи*). Марксисты не поддерживают усилия традиционалистов по возрождению «госюэ» как целостного знания и предлагают «отбросить феодальную шелуху и впитать лучшие традиции, научную квинтэссенцию». Среди выдающихся экономических памятников древности Чэн Эньфу назвал текст «Гуаньцзы», где были систематически изложены идеи управления и затрагивались проблемы экономической философии, отношения политики и экономики. Он также отметил сформулированный Мо-цзы принцип «взаимной выгоды» (*цзяо сяи ли*), близкий к идеям А. Смита, теорию экономических циклов политического мыслителя конца эпохи Чуньцю Фань Ли (VI — V вв. до н.э.). Среди достижений нового времени были упомянуты утопические социалистические представления Хун Сюцюаня о сельском хозяйстве, буржуазные концепции промышленности и торговли, изложение в «Да тун шу» Кан Ювэя на языке «госюэ» социалистических экономических идей.

Чэн Эньфу призвал использовать в качестве подспорья достижения зарубежной марксистской экономической науки. В качестве примера можно указать на активное обсуждение вышедшей в 2010 г. на китайском языке книги С. Боулза, Р. Эдвардса и Ф. Рузвельта «Понимание капитализма: конкуренция, командное управление и изменения»²⁸. В процессе реформирования учебных пособий по политической экономии в Китае развернулся поиск «заменяющего учебного пособия» для вводного курса. Эта работа американских авторов вызвала интерес, поскольку в ней рассматриваются многие аспекты экономической реальности, которые прежде оставались малонисследованными. В ходе обсуждения книги среди ее достоинств китайские экономисты называли чувство реальности, расширение рамок экономической науки за счет ценностных суждений и достижений эволюционной теории²⁹.

Подобно экономистам основного течения, китайские марксисты также стремятся к выходу на мировую научную арену. С помощью контактов с зарубежными коллегами они хотят укрепить «право голоса» китайской экономической науки, наращивая тем самым «мягкую силу» Китая. В частности, за последние пять лет Международная ассоциация политэкономии провела пять заседаний — в Китае (Шанхае, Пекине и Сучжоу), Японии и Франции. Китайские ученые отобрали для перевода сто известных трудов зарубежного марксизма по экономике, подготовленных в США, Японии, Франции и других странах. С 2010 г. ассоциация начала издавать в Лондоне англоязычный журнал «World Review of Political Economy» («Мировое обозрение политической экономии»), что также будет способствовать связям китайских ученых с зарубежными коллегами³⁰.

После мирового кризиса возросло внимание китайских экономистов к проблемам соотношения правительственного контроля и рыночного механизма. Американский исследователь Б. Нотон из Калифорнийского университета в Сан-Диего обратил внимание на то, что значения термина «макроконтроль» в Китае и на Западе различаются. В китайских материалах под «макроконтролем» понимают как макроэкономические инструменты, так и административные рычаги, при этом можно встретить противопоставление «рыночного механизма» и «макроконтроля». В англоязычной экономической литературе такое противопоставление не имеет смысла, поскольку «макроконтроль» подразумевает использование рыночных инструментов³¹.

Китайские исследователи отмечают, что в Китае одновременно используются административный и рыночный макроконтроль. Хотя методы прямого административного воздействия на экономику применяются реже, чем рыночное макроэкономическое регулирование, власти КНР никогда полностью не отказывались от них. Успешная антикризисная политика дала основания трактовать государственное вмешательство как необходимую составную часть системы социалистической рыночной экономики, в период кризиса использование административных рычагов позволило своевременно восполнить недостатки рыночного механизма и не допустить провала в экономике. По мнению заместителя директора Института макроэкономики Государственного комитета по делам развития и реформ Чэнь Дунци, кризис показал, что экономическому развитию нужна не только «невидимая рука» рынка, но и «видимая рука» государства. Вместе с тем «видимая рука» не должна подменять «невидимую»³².

Группа по исследованию экономического роста и макроэкономической стабильности в Китае из Института экономики АОН попыталась продемонстрировать, что между практикой макроконтроля с китайской спецификой и спровоцированной кризисом критикой в адрес господствующего течения в экономической науке есть точки соприкосновения, прежде всего это касается трактовки структурного контроля как значения «китайского опыта». В посткризисный период новые подходы китайских экономистов в этой сфере проявляются в стремлении обратить особое внимание на управление предложением и ускорить урегулирование структуры, продвигать рыночные реформы и ослаблять эффект правительственного вмешательства. Они также предлагают перенести центр тяжести макроконтроля с индустриализации на урбанизацию, расширить горизонт макроконтроля с учетом растущей роли Китая в мировом развитии, участвовать в международной координации макроэкономической политики. Для Китая как развивающейся страны, находящейся на стадии перехода, макроконтроль всегда проводился по двум колеям — к рыночным методам неизменно добавлялись административные, к контролю над агрегатными показателями (*цзунлян*) добавлялся контроль над структурой.

Переосмысление идей экономического мейнстрима под воздействием мирового кризиса затронуло тему макроконтроля. Кризис поставил под сомнение проводимую в развитых странах Запада макроэкономическую политику и лежащую в ее основе макроэкономическую теорию. Это привело к тому, что некоторые применяемые в КНР с начала реформ способы контроля, отвечающие национальной специфике и представляющие интерес для развивающихся стран, обрели с точки зрения мейнстрима рациональность и ценность для заимствования. По мнению некоторых зарубежных экономистов (О. Бланшар, Дж. Франкель), осмысление опыта макроуправления развивающихся стран может превратиться в один из источников обновления мейнстрима. Однако китайские исследователи подчеркнули, что «преимущества» китайского макроконтроля, проявившиеся в годы реформ и во время кризиса, как раз и являются теми проблемами, которые предстоит решить Китаю в посткризисную эпоху. «То, что мейнстрим с благосклонностью воспринимает как мудрый выбор, на деле, возможно, было для Китая лишь вынужденным решением на определенном этапе развития страны»³³.

Подход к политике макроконтроля в развитых и развивающихся странах существенно различается. В развитых странах рыночная система совершенна и однородна, рост достаточно сбалансирован. Всего этого нет в развивающихся странах, из-за чего основы политики макроконтроля там совершенно иные. Соответственно, помимо нацеленной на развитые страны макроэкономики мейнстрима должна быть специальная «структуралистская макроэкономика» или «макроэкономика развития», предназначенная для развивающихся стран.

Проблема в том, что выдвинутые в 1950-е гг. макроэкономические идеи, подчеркивающие специфические черты развивающихся стран — особую структуру, неоднородность и неравновесие — на практике не сыграли позитивной роли. Политика замещения импорта в Латинской Америке не привела к поставленной цели обеспечения макроэкономической стабильности. Страны, проводившие политику импортозамещающей индустриализации, добились меньших успехов по сравнению с теми государствами, которые придерживались более открытой экономической политики. В результате в 1960–1970-е гг. структуралистский подход к развитию начали подвергать критике, в экономической науке получили распространение неоклассические концепции. Последствием перемен в СССР и Восточной Европе стал акцент на идее единой макроэкономики, апогеем которой стал «вашингтонский консенсус». Неоклассическая макроэкономика заменила структурализм, образовался единый мейнстрим. Политику, которая проводилась в развивающихся странах и основывалась на их специфике, стали рассматривать как временное и вынужденное явление. Лишь после глобального кризиса в западной экономической мысли возникла идея использовать для спасения макроэкономической теории мейнстрима опыт макроэкономического управления новых рыночных экономик, включая Китай.

По мнению ученых КНР, главная особенность китайского макроконтроля состоит в экспансии агрегатных показателей (*цзунлянсин кочжан*) и структурном «сжатии» (*цзегоусин шоусо*). В условиях кризиса мейнстрим экономической науки пришел к пониманию того, что одного контроля над агрегатами недостаточно, надо также обращать внимание на меры структурного контроля. В КНР за годы реформ было семь усиленных макроконтроля (1979–1981, 1985–1986, 1988–1990, 1993–1996, 1998–2002, 2004–2007, 2008–2009 гг.), из них пять раз эта политика применялась для обуздания перегрева, ее главным содержанием были меры макрорегулирования, направленные на «сжатие» экономики. На этом основании авторы доклада заключили, что перегрев — это нормальное состояние функционирования макроэкономики КНР. Во многом это связано с тем, что развитие экономики Китая вступило в этап ускорения индустриализации и урбанизации. Поскольку перегрев является нормальным состоянием, главной целью макроконтроля выступает «сжатие». С учетом различий в отраслевой и региональной структуре оно проводится не единообразно, а направленным образом, что и формирует особенности структурного контроля.

Авторы доклада Института экономики АОН предположили, что китайский опыт макроконтроля заслуживает того, чтобы быть заимствованным мейнстримом. В прошлом мейнстрим отвергал специфические китайские методы контроля, включающие в себя политику валютного курса, промышленную, финансовую и денежную политику, которые ныне постепенно получают признание. Вместе с тем, контроль китайского типа содержит в себе много рисков и опасностей, поэтому в посткризисный период требуется адекватная оценка преимуществ и проблем макроконтроля в КНР³⁴.

Под воздействием мирового кризиса в научных кругах развернулась дискуссия о тенденции «наступления государства и отступления частного» (*го цзинь минь туй*) и ее возможных негативных последствиях для развития экономики КНР. Поводом для дебатов стал принятый в 2008 г. антикризисный пакет стимулирующих мер, нацеленных прежде всего на вложения в объекты инфраструктуры, где государственные предприятия составляют основную часть. Оживился процесс слияния госпредприятий, в некоторых регио-

нах власти проводили реструктуризацию отдельных отраслей под руководством госпредприятий (угольная промышленность в провинции Шаньси, металлургическая промышленность в провинции Шаньдун).

Критики отмечали, что благодаря поддержке властей низкоэффективные государственные предприятия отнимают пространство для развития у высокоэффективных частных. Это ведет к усилению монополизма и не благоприятствует смене модели развития, росту занятости и увеличению доходов людей³⁵. Ван Сяолу предупредил, что быстрое увеличение инвестиций ведет к появлению избыточных производственных мощностей. Это приводит к порочному кругу — чтобы решить проблему, государство с помощью административных методов сокращает отсталые производственные мощности; маленькие предприятия, в основном частные, закрываются; остаются прежде всего крупные государственные или предприятия с участием иностранного капитала. Так возникает механизм вытеснения частника с помощью увеличения инвестиций государства³⁶.

Вопрос о «наступлении государства и отступлении частника» прозвучал на пресс-конференции Вэнь Цзябао в марте 2011 г. Ему напомнили, что за последние несколько лет Госсовет КНР дважды выпускал решения, призванные стимулировать развитие негосударственного сектора экономики, которые получили название «36 пунктов». Однако частные предприниматели жалуются, что «гром от поддержки негосударственных предприятий большой, а дождь маленький». Частные инвестиции зачастую наталкиваются на материальные и нематериальные препятствия, а проблема стоящих на пути частного бизнеса незаметных на первый взгляд «стеклянных дверей» так и не получила решения.

Вэнь Цзябао ответил, что, по его мнению, эффект от обнародованных Госсоветом КНР в 2005 и 2010 гг. «36 пунктов», нацеленных на поддержку частного предпринимательства и инвестиций, был значительным. «Почему многие негосударственные предприятия по-прежнему считают, что “дождь маленький”, даже говорят о явлении “стеклянных дверей” и “пружинных дверей”? Главным образом потому, что в жизнь [эта политика] претворяется недостаточно... Сейчас нет проблемы так называемого “наступления государства и отступления частника”, как нет и проблемы “отступления государства и наступления частника”»³⁷.

У Цзинлянь отметил, что местным правительствам не следует инвестировать в рентабельные отрасли, поскольку они используют общественные финансы и поэтому должны предоставлять общественные блага. По его мнению, правительство должно уходить из конкурентных отраслей, так как принципы рыночной экономики не позволяют государству бороться за прибыль с частными предприятиями³⁸. Схожих воззрений придерживается председатель Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев Хуан Мэнфу. Он подчеркнул, что тенденция поглощения частных предприятий государственными, возникшая в некоторых отраслях, не должна превратиться в господствующую. Госпредприятия довольны своим положением и не торопятся выходить из конкурентных отраслей, но эта ситуация не может быть долговременной, надо оставить больше пространства для частника. Китайские госпредприятия должны конкурировать с крупными зарубежными компаниями и ТНК, конкуренция же между созданными правительством и народом предприятиями принципиально неприемлема. Госпредприятиям следует заниматься тем, что необходимо обществу и за что не хочет браться частник — они «должны грызть кость, а не течь туда, где жир»³⁹.

Главное место в посткризисных дискуссиях китайских экономистов занял вопрос о степени вмешательства государства в экономику, что проявилось в обсуждении проблем макроконтроля и угрозы «вытеснения» частного бизнеса. Успешный выход Китая из кризиса привел к тому, что на оценки экономического развития стали влиять националистические эмоции. Большинство исследователей указали на опасности, связанные с пренебрежением зарубежным опытом и недоверием к рыночным механизмам. Китайское государство продемонстрировало способность сконцентрировать силы и ресур-

сы для преодоления неблагоприятной ситуации. Однако одностороннее внимание к позитивным аспектам принятых мер вызывает опасения по поводу того, что временное положение дел может стать постоянным, превратившись в препятствие для продолжения реформ. Попытки обобщить пакет антикризисных мер в качестве квинтэссенции «китайской модели» вызвали несогласие у ведущих ученых. Вместе с тем рост внимания к национальной традиции и развитию самобытной «китайской экономической науки» свидетельствует не только о стремлении дополнить западный экономический мейнстрим, но и о желании глубже понять китайскую специфику, избегая повторения чужих теоретических ошибок.

1. Цзай шиш цзе цюаньго жэньда сы цы хуэйи шан гоуюань цзунли Вэнь Цзябао цзо чжэнфу гунцзо баогао цюаньвэнь [Полный текст доклада правительства премьера Госсовета Вэнь Цзябао на 4-й сессии ВСНП 11-го созыва]. — <http://nb.people.com.cn/GB/14068140.html>.
2. Проблемы антикризисной экономической политики КНР подробно рассмотрены в сборниках: Влияние мирового финансового кризиса на экономику Китая. М., 2010; Экономика КНР: меры по преодолению влияния мирового финансового кризиса. М., 2010.
3. Ли Инин: «Ши эр у» ской цзянчи дэ цзи сян чжуньяо гайгэ [Ли Инин: Несколько важных реформ, которые нужно проводить в 12-й пятилетке]. — <http://theory.people.com.cn/GB/148980/14115667.html>.
4. «Ши эр у», цзуй да дэ тяочжань ши шэнмо? [Какие самые большие вызовы 12-й пятилетки?]. — <http://theory.people.com.cn/GB/14065085.html>.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Вэнь Цзябао цзунли юй ванью цзай сянь цзяолю [Беседа премьера Вэнь Цзябао с пользователями Интернета]. — http://live.people.com.cn/note.php?id=828110225112229_cidzb_1001.
9. Подробно об этих дискуссиях см.: Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009. С. 40–67.
10. Чжан Юй, Цю Хайпин и др. Чжунго чжэнчи цзинцзисюэ няньду фачжань баогао. 2010 нянь [Годовой доклад о развитии политической экономии в Китае в 2010 г.]. — <http://theory.people.com.cn/GB/13823036.html>.
11. Ху Цзюнь, Хань Дун. «Чжунго моши» дэ шицжи, тэдянь цзи мяньлинь дэ тяочжань [Сущность, особенности и вызовы, перед которыми стоит «китайская модель»]. — <http://theory.people.com.cn/GB/13131047.html>.
12. Jacques M. When China Rules the World: the Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. Penguin books, 2009.
13. Яо Ян. Чжунго цзинци чэнцзю дэ гэньюань юй цяньюцзин [Источники и перспективы экономических успехов Китая] // Вэньхуа цзунхэн. 2010. № 2. — <http://www.21bcr.com/a/shiye/lishiguan/2010/0618/1045.html>.
14. У Цзинлянь. «Чжунго моши» хуэй чэнвэй цюанью баньян ма? [Может ли «китайская модель» стать примером для всего мира?] // Чжунго гайгэ. 2010. № 10. С. 042–043.
15. Хуэйшоу синьхай байнянь [К столетию Синьхая] // Чжунго гайгэ. 2010. № 11. С. 067.
16. См.: Fewsmith J. Political Reform Was Never on the Agenda // China Leadership Monitor. No. 34. 2011. Febr. 22. — <http://media.hoover.org/sites/default/files/documents/CLM34JF.pdf>.
17. Цинь Сяо. Цюй ишисинтайхуа, хуэйгуй пуши цзячжи [Деидеологизация и возвращение к всеобщим ценностям] // Чжунго гайгэ. 2010. № 10. С. 102–104.
18. Лэнцзин жэньши цзыци, кэгуань каньдай шицзе [Трезво познать себя, объективно относиться к миру] // Чжунго гайгэ. 2010. № 6. С. 023–027.
19. Чэнь Чжэю. Мэйю «Чжунго моши» чжэ хуэй ши [«Китайской модели» не существует]. Тайбэй, 2010.
20. Thoughts on the “China model” // Beijing Review. 2010. Vol. 53, No. 47. November 25. P. 34–35.
21. Ли Инин: Чжунго даолю би Чжунго моши тифа гэн чжуньюэ [Ли Инин: Формулировка китайский путь более точная, чем китайская модель]. — <http://theory.people.com.cn/GB/148980/14115678.html>.

22. Вэнь Цзябао цзунли да цзинчжэ вэнь [Премьер Вэнь Цзябао отвечает на вопросы корреспондентов]. — http://www.people.com.cn/zhibo/858110312184344_ctdzb_001_all.htm.
23. *Чжан Сяоцзин*. Чжулю хунгуань цзинцзисюэ дэ вэйцзи юй вэйлай [Кризис макроэкономической науки мейнстрима и будущее] // Цзинцзисюэ дунтай. 2009. № 12. С. 34–41; *Чжан Сяоцзин*. Сифан чжулю цзинцзисюэ мяньлинь вэйцзи [Западная экономическая наука мейнстрима стоит перед кризисом] // Жэньминь жибао. 2010. 9 февр. — <http://finance.sina.com.cn/review/fxzs/20100902/07038589832.shtml>.
24. *Чжоу Вэнь, Сунь И*. Чжунго цзинцзи моши юй чжунго цзинцзисюэ [Китайская экономическая модель и китайская экономическая наука] // Цзинцзисюэ дунтай. 2010. № 11. С. 45–49.
25. *Цай Фан*. Синь гудянь цзинцзисюэ сывэй юй Чжунго сяньши дэ чацзюй — цзянь лунь Чжунго тээ цзинцзисюэ дэ чунцзянь [Экономическое мышление неоклассической экономической науки и его отличие от китайской реальности — также поговорим о воссоздании экономической науки с китайской спецификой] // Цзинцзисюэ дунтай. 2010. № 2. С. 33–41.
26. *Лю Цань*. Чжунго цзинцзисюэ цзяюй ингай жухэ фачжань — вэйцзи хоу дэ фаньсы [Как должно развиваться китайское экономическое образование — осмысление после кризиса]. — <http://theory.people.com.cn/GB/12041352.html>.
27. *Линь Ган*. Цзай синь шици жухэ фачжань Чжунго чжэнчжи цзинцзисюэ [Как в новый период развивать китайскую политическую экономию]. — <http://theory.people.com.cn/GB/82288/189052/189053/11681386.html>.
28. *Bowles S., Edwards R., Roosevelt F.* Understanding capitalism: Competition, Command, and Change. Third Edition. Oxford, 2005.
29. *Цзя Гэньлянь*. Чжэнчжи цзинцзисюэ цзяюкэшу чжунда гайгэ дэ и чжун чанши — ю «Лицзе цзыбэньчжун: цзинчжэн, тунчжи юй бяньгэ» иньфа дэ сыкао [Попытка крупного реформирования учебника политической экономики — рассуждения, вызванные книгой «Понимание капитализма: конкуренция, командное управление и изменения»] // Цзяосюэ юй яньцзю. 2010. № 9. С. 61–65.
30. *Чэи Эньфу*. Чжунго цзинцзисюэ сяньдайхуа дэ чуансинь юаньцзэ юй фачжань тайши [Принципы обновления и тенденции развития модернизированной китайской экономической науки]. — <http://theory.people.com.cn/GB/82288/189052/189053/11680405.html>.
31. *Naughton B.* Reading the NPC: Post-Crisis Economic Dilemmas of the Chinese Leadership // China Leadership Monitor. № 32. 2010. May 11. — <http://media.hoover.org/sites/default/files/documents/CLM32BN.pdf>.
32. *Чэнь Дунци*. Хунгуань тяокун дэ вэйлай дуйцэ [Будущие контрмеры, касающиеся макроконтроля] // Ляован. 2011. 4 марта. — <http://theory.people.com.cn/GB/14061005.html>.
33. Хоу вэйцзи шидай дэ Чжунго хунгуань тяокун [Макроконтроль в Китае в посткризисную эпоху] // Цзинцзи яньцзю. 2010. № 11. С. 4.
34. Там же. С. 4–20.
35. *Чжан Юй, Цю Хайтин* и др. Указ. соч. — <http://theory.people.com.cn/GB/13823037.html>.
36. «Ши эр у», цзуй да дэ тяочжань ши шэнмо...
37. Вэнь Цзябао цзунли да цзинчжэ вэнь...
38. «Ши эр у», цзуй да дэ тяочжань ши шэнмо...
39. *Хуан Мэнфу*: Шифан Чжунго холи [Хуан Мэнфу: Высвободить жизненную силу Китая] // Ляован. 2011. 4 марта. — <http://theory.people.com.cn/GB/14061005.html>.

Государство и общество

Проблема безработицы среди выпускников вузов КНР в свете реформы высшего образования

© 2011

А. Сидорова

В статье показано, как применение рыночных механизмов в системе образования КНР с конца 1970-х гг. и становление массового высшего образования привели к возникновению безработицы среди выпускников вузов. Рассматриваются меры, принимаемые государством и вузами для повышения показателей трудоустройства выпускников.

Ключевые слова: КНР, реформа высшего образования, иерархия вузов и выпускников, безработица среди выпускников вузов

В комплексе реформ, развернувшихся в Китае с 1980-х гг., реформа системы образования играет особую роль. Прежде всего, она является ключом к повышению качества трудовых ресурсов страны в соответствии с новыми потребностями общества и государства. Но серьезные изменения в области образования и сами по себе становятся причиной крупных перемен в социально-экономической жизни. Эти перемены не всегда исключительно позитивны, подчас они ставят перед обществом новые проблемы, решение которых требует систематических усилий со стороны властей и обновления механизмов взаимодействия государственных и общественных институтов.

Одной из наиболее существенных сторон реформы высшего образования в Китае является его «массовизация» (или «массификация»). Эта калька с английского (*massification*), вошедшая в оборот российской науки в последние годы, подразумевает переход от элитарного высшего образования к массовому. Если США потребовалось на это 30 лет, Бразилии — 26, Японии — 23 года¹, то Китаю — только три. В 1999 г. правительство приняло соответствующее решение, а уже в 2002 г. Китай пересек 15-процентный барьер по такому показателю, как доля студентов в общем числе молодых людей студенческого возраста². В 2009 г. в вузы КНР поступили более 20 млн чел. — больше, чем в любой другой стране мира³.

Вместе с небывалым ростом числа людей с дипломами о высшем образовании увеличилась и безработица среди выпускников вузов. В 2008 г. около четверти их не могли найти работу⁴. Не удивительно, что главной причиной такого положения некоторые исследователи⁵ считают резкое увеличение приема студентов.

Однако есть основания полагать, что фактор «массовизации», действующий с 1999 г. по настоящее время, лишь обострил проблему трудоустройства выпускников. Основные ее предпосылки были заложены ранее, с началом «маркетизации» высшего образования (от англ. “marketization”, в данном случае имеется в виду внедрение рыночных механизмов в данную область). Этот процесс доминировал на первом этапе реформы, который продолжался с рубежа 70–80-х годов XX в. до 1999 г.

С 80-х годов «маркетизации» подверглась вся общественная система, включая образовательные структуры. Вузы получили право набирать коммерческих студентов в дополнение к основной массе абитуриентов, зачисленной по государственным квотам. Формально количество коммерческих студентов не могло превышать 25–30% от общего годового набора. В действительности же университеты стали превышать квоты по набору студентов, оплачивающих обучение самостоятельно⁶. Более того, в 1980 г. стали появляться первые университеты, полагающиеся только на средства от коммерческих студентов. Государству стало труднее планировать трудоустройство сверху, логичнее казалось предоставить выпускникам право выбирать работу самостоятельно. Так начала распадаться система государственного распределения на работу — *фэньцзэй*.

В 1982 г. началось экспериментальное внедрение контрактного найма на работу, при котором работодатель и выпускник вуза заключали трудовой договор, основываясь на собственном выборе⁷. С принятием Постановления ЦК КПК «О реформе структуры образования» в 1985 г. такая практика распространилась по всему Китаю. К 1996 г. трудовые договоры такого типа были официально введены по всей стране⁸.

Несмотря на то, что с распадом системы *фэньцзэй* выпускники потеряли возможность гарантированного трудоустройства, в 90-е годы они еще не испытывали проблем при поиске работы: в 1997 г. их насчитывалось лишь 829 070⁹, и они охотно принимались быстро развивавшимися отраслями промышленности.

Итак, помимо факта дефицита квалифицированной рабочей силы в Китае накануне миллениума, отметим, что важным промежуточным результатом развития реформы высшего образования на том этапе стало появление у работодателей большей свободы в выборе кандидатов.

Противоречивым следствием «маркетизации» стало формирование вузами собственных средств путем сотрудничества с предприятиями и набора коммерческих студентов.

Возможность самостоятельной генерации доходов открылась перед ними с принятием в 1986 г. «Временного постановления Госсовета КНР об ответственности за управление вузами». Диверсификация в регулировании деятельности учебных заведений была закреплена в «Программе реформы и развития образования» от 1993 г.: на правительство возлагался контроль на макроуровне, в то время как вузы получали значительную самостоятельность, позволяющую лучше реагировать на запросы общества. По мере того, как участие государства и его ответственность за образовательный процесс уменьшались, университетам было разрешено изыскивать дополнительные ресурсы финансирования. Доля дополнительного финансирования со временем увеличивалась, тогда как государственные расходы, наоборот, уменьшались¹⁰. Главными источниками внешних финансовых поступлений были сотрудничество с предприятиями и набор коммерческих студентов.

Сотрудничество вузов с предприятиями, начавшееся с 1985 г., помогло привлечь значительные средства в учебные заведения благодаря осуществлению совместных проектов. Это доказывают примеры Пекинского университета, Университета Цинхуа, Юго-Восточного химического университета, Пекинского авиационного инженерного университета, Чжэцзянского, Ханчжоуского, Нанкинского и Тяньцзиньского университетов. Выпускники благодаря связям вузов с индустрией обретали новые возможности для трудоустройства. Другим позитивным результатом установления прямого сотрудничества

университетов с предприятиями стало то, что студенты получали практические навыки работы в условиях реального производства. До тех пор, пока высшее образование не стало массовым, все выпускники вузов оставались элитной группой, которая легко могла найти применение в различных отраслях индустрии.

Однако в совместных проектах с предприятиями в первую очередь был задействован преподавательский состав. В отсутствие адекватного государственного финансирования «дополнительные заработки» стали занимать значительную часть времени профессоров, отвлекая их от преподавания и исследовательской деятельности. Отчасти это стало причиной снижения качества обучения к неудовольствию китайских работодателей. Вскоре стали проявляться и другие негативные последствия чрезмерного увлечения сотрудничеством с фирмами. Бизнес был заинтересован в основном в проектах, рассчитанных на быструю окупаемость, что сформировало упор на прикладную науку. Выпускникам, специализировавшимся в сфере фундаментальных наук, истории и философии, было тяжело приспособиться к «маркетизации». Уже в начале 90-х годов эксперты предупреждали, что зависимость от бизнес-предприятий сделает высшее образование слишком уязвимым и открытым всем капризам рынка¹¹, к тому же масштаб деятельности многих фирм был ограничен, а многие из них вообще оказались неприбыльными. Таким образом, с дополнительным финансированием от индустрии в сферу высшего образования пришли новые риски.

Что касается доходов, получаемых от платного обучения, то заинтересованность вузов в данном источнике финансовых поступлений фактически способствовала обострению общественных проблем. Сравнение платы за обучение в университетах (от 900 до 5000 юаней) со средним годовым доходом городской семьи (4844,78 юаней) по состоянию на 1996 г.¹² отчетливо показывает, что не все семьи могли позволить себе платить за образование детей. В результате доступа к высшему образованию лишались значительные слои населения, вынужденные довольствоваться низкооплачиваемым малоквалифицированным трудом и живущие под постоянной угрозой увольнения. Быстрый рост стоимости высшего образования¹³ обострил проблему социального неравенства и различий в развитии регионов. По подсчетам исследователей, более образованные работники имеют больше возможностей быть нанятыми (или повторно нанятыми), и каждый год обучения повышает соответствующие шансы на 6%¹⁴. От уровня образования зависит и зарплата — каждый дополнительный год обучения в среднем прибавляет к ней 3,6%¹⁵. Именно поэтому «маркетизация» при отсутствии адекватного государственного субсидирования расходов населения и льготного кредитования для получения высшего образования стала одной из причин поляризации общества.

«Маркетизация», по сути, выявила проблему качества обучения — и тем самым качества вузов, а также трудовых ресурсов во всей ее остроте. Растущее значение образования и рыночные механизмы его регулирования отразились на восприятии образовательного процесса населением. Проследивая дискуссии по теме образования, легко заметить, как рыночные термины заменяли воспитательную риторику. Под глобальным влиянием «менеджеризма» студенты превращались в потребителей «образовательных услуг», а поступление в университет — в покупку доступа к этим услугам¹⁶. «Большой спрос на приобретение» образовательных услуг стал сосуществовать со «слабым спросом на их потребление»¹⁷, т.е. получение диплома по окончании вуза стало важнее приобретения знания и навыков¹⁸.

Влияя на мотивацию преподавательского состава (увлечение «подработками») и студентов (погоня за дипломом, а не навыками и знаниями), «маркетизация» частично несет ответственность и за понижение качества образования. Однако было бы несправедливо полагать, что правительство не предполагало такого влияния «маркетизации». Меры по повышению качества образования, которые предприняли власти, стали основой для появления иерархического деления выпускников.

Уже в Постановлении 1985 г. говорилось о главной задаче реформирования — повышении «качественных характеристик нации»¹⁹. Началась разработка программы «качественно ориентированного воспитания» (*сучжи цзяююй*) в педагогике. С начала 1990-х гг. инициативы по повышению качества образования стали более конкретными.

В 1993 г. был принят «Общий перечень» для высшего образования уровня бакалавриата. Он включал 10 категорий дисциплин и 71 специальность, по которым распределялись 504 программы²⁰. Этот шаг был ответом на проблему чрезмерной специализации дисциплин²¹. Дело в том, что университеты, получив больше автономии, стали вносить изменения в учебные планы и программы, чтобы сделать их более «гибкими», в том числе с точки зрения выбора и компилирования учебных материалов. Появились новые курсы, учитывавшие конъюнктуру массового спроса в сфере «образовательных услуг» и касавшиеся отдельных областей финансов, менеджмента, деятельности фондовых бирж и проч. Меры по урегулированию количества учебных дисциплин вносили больше порядка в образовательные планы, в частности, позволяли четче определять границы той или иной дисциплины и на более взвешенной основе развивать междисциплинарный подход. Однако следует заметить, что перечень дисциплин, составленный для четырехгодичного бакалавриата («основного курса» — *бэнькэ*), активно использовался и двух-трехгодичными образовательными курсами («специальные курсы» — *чжуанькэ*), а также профессионально-техническими училищами. Только спустя почти десять лет, в 2004 г., Министерство образования выработало новый перечень специально для программ *чжуанькэ*. До этого для студентов, обучавшихся по краткосрочным программам, последние составлялись на основе не всегда продуманно укороченных и упрощенных бакалаврских программ.

Основной тенденцией конца 1980-х — начала 1990-х гг. стало увеличение количества именно краткосрочных программ *чжуанькэ*, в то время как рост числа более качественных программ *бэнькэ* стабилизировался. Таким образом, количество выпускников с менее престижными дипломами (*чжуанькэ*) стало расти²². Обучение по программе *чжуанькэ* осуществлялось с упором на практический компонент, что было важно для работодателей. В то же время такие выпускники по уровню знаний уступали сверстникам, обучавшимся по программам *бэнькэ*. Для работодателей это означало появление новой дилеммы: предпочесть «теоретически ориентированных» бакалавров или «практически обученных» выпускников, освоивших краткосрочные программы?

Дальнейшее развитие реформы высшего образования преподнесло работодателям больше годскожек относительно того, какими критериями отбора выпускников им следует руководствоваться. Речь идет о начавшемся процессе выстраивания иерархии вузов страны.

«Маркетизация» принесла соревнование не только между университетами, но и между факультетами, кафедрами и людьми, работающими там. Обозначилась двойная тенденция: правительство ужесточало требования к персоналу университетов, наниматели — к качеству кадров. Правительство ожидало больших достижений от исследовательской деятельности вузов, чтобы стимулировать экономическое развитие, и одновременно пыталось улучшить качество образовательных услуг. Университеты и их персонал почувствовали усиление давления со стороны государства.

Так называемый Проект 211²³, принятый совместно Госсоветом и ЦК КПК в 1993 г. и нацеленный на отбор самых передовых вузов страны, стал первой крупномасштабной попыткой китайских властей разрешить обе проблемы. Предстояло отобрать около сотни вузов-лидеров, которые получали бы дополнительное финансирование из центрального бюджета на повышение качества преподавания, исследований и разработок. Это усилило соревнование между учебными заведениями за право войти в Проект. Не удивительно, что университеты, изначально находившиеся в более благоприятных условиях, имели больше шансов попасть в список. Принимая во внимание относитель-

ную автономию, которой вузы пользовались в течение 1990-х гг., некоторые из них смогли начать зарабатывать, приспособиться к «маркетизации», расширить набор коммерческих студентов и установить контакты с зарубежными университетами. Отбор вузов для Проекта закончился к 1998 г., к началу второго этапа реформы системы образования. Но целостная иерархия вузов к тому времени еще не сложилась.

Общая ситуация с безработицей на момент завершения первого периода реформы высшего образования еще не внушала опасений. Учитывая, что доля лиц с образованием выше школьного составляла тогда только 4% населения в возрасте 25–29 лет, 13% безработных выпускников вузов не могли вызвать серьезного общественного недовольства²⁴. Тем не менее, факторы и механизмы, способствующие росту безработицы среди этой категории трудовых ресурсов, к концу первого этапа образовательной реформы уже сложились. Оставалось привести их в действие, что и сделала «массификация» высшего образования на втором этапе реформы.

Вузы, отобранные к 1998 г. для Проекта 211, вскоре встали на пороге нового конкурса. В том же году председатель КНР Цзян Цзэминь в речи по случаю столетия Пекинского университета предложил отобрать ограниченное число университетов, которые бы вошли в число мировых лидеров. Так началась программа усиленного финансирования нескольких вузов совместно из центрального и провинциальных бюджетов, а также от министерства образования, известная под названием «Проект 985»²⁵. Для первостепенного финансирования были выбраны Пекинский университет и Университет Цинхуа, два знаменитых вуза страны, которые возглавили список университетов первого класса, состоящий из первых по рейтингу вузов Проекта 985. Каждый из них получал около 1,8 млрд юаней ежегодно в течение трех лет для развития исследований и разработок²⁶. Финансирование Проекта 211 также впечатляло: 18,3 и 18,4 млрд юаней было вложено во входящие в него вузы в течение 9-й (1996–2000 гг.) и 10-й (2001–2005 гг.) пятилеток соответственно²⁷. Увеличение финансирования сопровождается реорганизацией университетов²⁸ и многоуровневой оценкой их деятельности. Эти меры, призванные обеспечить повышение качества обучения, привнесли в массовое высшее образование «новый элитизм».

Отбор лидирующих университетов — практика, не представляющая ничего нового. Однако решающим для Китая стало то, что в эпоху экономики знания разница между элитными вузами и остальными институтами высшего образования стала не просто большой, но и постоянно растущей²⁹. Частично причиной тому было различие в финансировании: менее престижным университетам пришлось заниматься поиском средств к существованию самостоятельно, вместо того чтобы думать об улучшении качества обучения. Другая причина привнесена «массовизацией» высшего образования. В то время как квоты зачисления в менее престижные университеты, созданные недавно колледжи и профессиональные училища заметно подскочили, существенных изменений в объемах приема студентов в университеты, относящиеся к Проектам 211 и 985, не произошло³⁰.

Для относительно бедных и менее престижных вузов рост квот по приему студентов-платников означал увеличение бюджетов. Однако число принимаемых студентов росло быстрее, чем улучшались условия обучения, увеличивалось количество преподавателей и повышалась их квалификация, что не могло не сказаться отрицательно на качестве предоставляемого образования. Некоторые институты трехгодичных программ были повышены в статусе до университетов, реализующих четырехгодичные программы, только из-за того, что местные власти видели в таком подходе бизнес-возможности, а вовсе не из-за соответствия условий обучения в таких вузах требованиям бакалавриата. Другой пример: когда в процессе урегулирования числа университетов были созданы новые многопрофильные вузы, в некоторых из них расширение приема по гуманитарным

специальностям было проведено лишь потому, что для научно-технических специальностей у вуза не хватало лабораторного оборудования³¹.

Зная такое положение дел, работодатели начали обращать больше внимания на то, какой вуз окончил выпускник. Их приоритеты распределялись следующим образом³²:

- 1) университеты первого класса (около 9);
- 2) вузы Проекта 985 (около 35);
- 3) вузы Проекта 211 (около 100);
- 4) университеты, курируемые местными правительствами (около 600);
- 5) прочие институты, колледжи, профессионально-технические училища.

Показатели трудоустройства выпускников престижных вузов (Проектов 211 и 985) несколько выше, чем тех, чьи университеты не принадлежат ни к одному из проектов³³.

Работодатели стали «отфильтровывать» кандидатов не только по критерию вуза, но и по уровню квалификации, полученной выпускником. Из общего числа вузов более половины (1184 из 2263 в 2008 г.) были учебными заведениями, которые вели обучение по краткосрочным программам³⁴. Косвенно это указывает на то, что китайский рынок труда получил приток большого количества выпускников, навыки которых не вполне удовлетворяли работодателей. При этом такие выпускники не желали работать на низкооплачиваемых или непрестижных позициях: им хотелось окупить инвестиции, сделанные в образование³⁵.

Число выпускников вузов в 1998–2008 гг. возросло более чем в шесть раз³⁶. Однако более половины из них прошли обучение по краткосрочным программам *чжунанькэ*. Учитывая проблему качества образования, беспокоившую работодателей, не удивительно, что те, кто обучался по краткосрочным программам, перестали быть кадрами первого приоритета. Репутация *чжунанькэ* стала падать не только среди работодателей, но и среди населения.

С «массовизацией» образования начался процесс «инфляции дипломов». Не только студенты *чжунанькэ* чувствовали давление рынка занятости: их коллеги с уровнем *бэнькэ* стали пополнять ряды студентов магистратур в надежде, что более высокая степень принесет им больше шансов в плане трудоустройства. Так, если на первом этапе реформы высшего образования выпускники, имеющие инженерные специальности, могли начать карьеру в качестве помощника в исследовательском институте или ассистента лектора в университете даже со степенью бакалавра, то в настоящее время они должны иметь по меньшей мере магистерскую степень³⁷.

Таким образом, вместе с иерархией вузов работодатели получили шанс применить дополнительный фильтрационный механизм при отборе кадров. Приоритеты при отборе выпускников выстроились следующим образом³⁸:

- 1) обладатели постбакалаврских степеней (344 825 чел.);
- 2) бакалавры регулярных³⁹ вузов (2 256 783 чел.);
- 3) выпускники *чжунанькэ* регулярных вузов (2 862 715 чел.);
- 4) бакалавры по программам дистанционного образования (901 522 чел.);
- 5) выпускники *чжунанькэ* по программам дистанционного образования (403 824 чел.).

Предпочтения работодателей отразились в статистике по безработным выпускникам. В 2003 г., когда первая волна студентов, зачисленных в 1999 г. (именно тогда, как отмечалось выше, прием в вузы резко увеличился), окончила учебу, безработица среди выпускников по краткосрочным программам подскочила до 41%⁴⁰. Уровень безработицы среди бакалавров был ниже: 17% в 2003 г. Последние данные, опубликованные независимым консалтинговым агентством MyCos, которое занимается исследованием трудовых ресурсов КНР, подтверждают, что данная тенденция сохраняется, несмотря на то, что в целом ситуация улучшилась: в 2008 г. уровень безработицы среди выпускников *чжунанькэ* был 16%, тогда как среди выпускников *бэнькэ* — 13%⁴¹.

Улучшение ситуации напрямую связано с государственными мерами по стимулированию трудоустройства выпускников. Система высшего образования в контексте этих мер предстала институтом, который не только поставляет обществу квалифицированные кадры, но и способствует их трудоустройству. Результатом правительственного давления на образовательную систему стало превращение вузов в связующее звено и информационный канал между выпускниками и работодателями. Меры, предпринимаемые университетами для улучшения показателей трудоустройства выпускников, разнообразны. Например, Китайский народный университет ежегодно проводит около 200 мероприятий по набору кадров для предприятий и учреждений, выпускает примерно 5000 буклетов с информацией по трудоустройству, организует порядка 100 семинаров, рассылает до 2000 писем работодателям и выдает около 7000 рекомендаций⁴². Многие студенты считают, что карьерные центры университетов, устраиваемые вузами ярмарки вакансий, семинары, стажировки и практики принадлежат к числу самых эффективных путей поиска работы⁴³.

В ответ на растущее беспокойство граждан по поводу перспектив занятости правительство еще в 1996 г. провозгласило стимулирование трудоустройства стратегической задачей девятой пятилетки⁴⁴. Планировалось создать 54 млн рабочих мест для различных групп населения. Однако большая часть государственных мер была обращена к проблеме сокращенных работников государственных предприятий (*сяган*), так как их число значительно превосходило количество безработных выпускников. В то же время, учитывая «отличительную черту роста КНР, не предусматривающего создание достаточного количества рабочих мест высокой квалификации»⁴⁵, ограниченность отдельно взятых вузовских инициатив стала очевидна.

Это относится, например, к программе «Образование для начала карьеры», которая стартовала в университетах Цинхуа (Пекин) и Фуданьском (Шанхай) в конце 1990-х гг. и позднее была поддержана Министерством образования, когда оно выбрало девять университетов для экспериментального внедрения этой инициативы⁴⁶. Она была нацелена на подготовку выпускников, желающих открыть собственный бизнес. Последовавший мировой финансовый кризис внес свои коррективы: программа потеряла актуальность, так как выпускникам представлялось слишком рискованным делать финансовые вложения в период нестабильной экономической ситуации.

В соответствии с «Проектом содействия трудоустройству выпускников вузов (2003–2007)» были предприняты некоторые меры, нацеленные на рациональное использование трудовых ресурсов. В первую очередь это содействие созданию сетей по трудоустройству (в особенности онлайн-овых). Так, в 2006 г. была запущена сеть Государственного союза по трудоустройству для выпускников вузов, основанная совместно Министерством образования, Министерством кадров⁴⁷ и Государственным комитетом реформ и развития. Эта сеть базируется на группе веб-порталов⁴⁸.

Крупными правительственными инициативами, нацеленными на решение проблемы безработицы выпускников вузов, стали проекты, принятые в 2003 и 2005 гг.⁴⁹ Первый проект — «Волонтерская программа выпускников, отправляющихся на западные территории», к 2006 г. собрала около 200 тыс. чел., уехавших поднимать бедные и неразвитые западные регионы страны. Второй проект — «Программа служения выпускников на низовом уровне». Он был спланирован для того, чтобы направить квалифицированную рабочую силу в уезды, поселки и маленькие города. Ежегодно более 20 тыс. выпускников присоединяются к этому проекту. По истечении двух-трех лет оплачиваемой работы на низовом уровне они получают не только опыт трудовой деятельности, столь значимый для работодателей, но и преимущества при поступлении в магистратуру или докторантуру. В целом приведенные цифры показывают, что возможности обоих проектов улучшить положение выпускников были ограничены. От государства требовалась диверсификация методов борьбы с безработицей.

Более поздние инициативы правительства можно оценить как лучше продуманные попытки сосредоточиться на нуждах выпускников. Реакцией правительства на проблему «ассиметрии в области информации, касающейся спроса и предложения относительно выпускников»⁵⁰ стал запуск «Национальной платформы общественного обслуживания для выпускников вузов». «Платформа» является координационным центром, созданным в Министерстве образования для улучшения работы консультационных служб по трудоустройству на различных уровнях: от провинциального до вузовского. В 2006 г. власти многих провинций начали работать над задачей снижения уровня безработицы выпускников⁵¹. Они договариваются с предприятиями о предоставлении практикантских мест для выпускников на срок около полугода, в течение которого выплачивается небольшое вознаграждение. Например, в 2006 г. в пров. Фуцзянь 58 предприятий предложили пройти практику более чем 6 тыс. выпускников, половина из них была взята на постоянную работу⁵².

Для того, чтобы уменьшить стоимость поиска работы для окончивших вузы, Министерством образования совместно с другими министерствами (торговли, промышленности, информации, здравоохранения и другими) для выпускников 2009 г. было проведено 15 онлайн-кампаний. Также представители министерств и местных властей проводили совместные ежемесячные мероприятия, призванные содействовать разрешению проблемы трудоустройства⁵³.

Таким образом, государство предпринимает активные попытки преодоления таких негативных последствий реформы высшего образования, как перепроизводство трудовых ресурсов и относительное ухудшение качества того их сегмента, который представлен выпускниками высшей школы. Данные проблемы государство решает, оказывая первоочередную поддержку наиболее перспективным вузам и дифференцируя уровни высшего образования. Тем самым предприниматели получают более широкую возможность выбора на рынке труда, а выпускники вузов стимулируются к повышению профессиональной квалификации. В то же время создание системы устойчивых связей вузов с работодателями, регулярное проведение онлайн-кампаний и других мероприятий, способствующих трудоустройству выпускников, помогает снизить уровень безработицы среди них.

Давать обобщающие оценки данным инициативам пока рано, однако активизацию взаимодействия правительства и вузов можно считать доказательством осознания на государственном уровне возрастающей важности трудоустройства молодых кадров. Последние тенденции участия вузов в программах, нацеленных на рациональное распределение квалифицированных трудовых ресурсов, показывают, что образовательные учреждения обладают широкими возможностями положительно влиять на уровень занятости выпускников. Дальнейшие наблюдения за динамической связью реформы образования в Китае с проблемой безработицы позволят не только изучить ценный опыт целенаправленных преобразований, актуальный и для нашей страны, но и увереннее прогнозировать развитие связей с КНР в образовательной сфере.

1. *Simon Denis F., Cao Cong.* China's Emerging Technological Edge. Assessing the Role of High-End Talent. Cambridge (Mass.). 2009. P. 119.
2. План мероприятий по подъему образования в XXI в., одобренный Госсоветом в январе 1999 г., поставил целью достижение 15-процентного рубежа к 2010 г. Однако эта задача была решена уже к 2002 г. Дальнейшее расширение приема в вузы привело к тому, что в 2004 г. студентами стали 19% трудоспособного населения, в 2007 г. — 23%, а в 2009 г. — 24,2%. (Подсчитано по: *Bai Limin.* Graduate unemployment: dilemmas and challenges in China's move to mass higher education // *China Quarterly*. 2006. Vol. 185. P. 129); *Гу Миньюань.* Чжунго цзяюй рэйгэ санынъянь (30 лет реформы образования КНР). Пекин, 2009; *Li Li.* A tall order. China's aspiration to built the best universities in the world will take a long time to come to fruition // *Beijing Review*. 2010.

- No. 22. June 3. — http://www.bjreview.com.cn/quotes/txt/2010-05/31/content_275378.htm. Согласно плану 11-й пятилетки, КНР должна была достичь рубежа в 25% к 2010 г. (*Gu Jianmin, Li Xueping, Wang Lihua. Higher Education in China / Education in China Series. Hangzhou, Paramus, 2009. P. 15.* Дальнейшее расширение сектора высшего образования должно привести Китай к 40-процентному рубежу. — *Li Li. Ibid.*
3. Статистика Министерства образования КНР за 2009 г. — <http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s4960/201012/113569.html>
 4. *Branigan T. Millions of Chinese graduates out of work after fivefold rise in university places // The Guardian. 2008. Dec. 4. — <http://www.guardian.co.uk/world/2008/dec/04/china-higher-education-graduate-jobs>.*
 5. *Bai Limin. Graduate unemployment: dilemmas and challenges...; Li Yao, Whalley John, Zhang Shunming, Zhao Xiliang. The Transformation of China's Higher Education System and It's Global Implications // Discussion Paper No. 43. Nottingham: University of Nottingham, 2009; Gu Jianmin et al. Higher Education in China...; Soo Kwok-Tong. Urban Graduate Unemployment and University Reform in China. / Facets of a Transforming China. Resource, Trade and Equity / ed. by Kok-Kheng Yeoh. Kuala Lumpur, 2008; Wei Yu. Policy Debate on Research in Universities in China // Higher Education. Research, and Knowledge in the Asia Pacific Region / ed. by Meek V., Suwanwela C. N.Y., 2006.*
 6. *Yin Qipin, White Gordon. 'Marketization' of Chinese Higher Education: a critical assessment. // Discussion paper No. 335. Institute of Development Studies. Brighton, 1993. P. 8–9.*
 7. *Боревская Н.Е. Государство и школа: опыт Китая на пороге III тысячелетия. М., 2003. С. 41.*
 8. *Wei Yu. Policy Debate on Reseach in Universities in China // Higher Education. Reseach, and Knowledge in the Asia Pacific Region. N.Y., 2006.*
 9. Базовая статистика министерства образования КНР по вузам. — <http://www.moe.edu.cn/edoas/website18/44/info11244.htm>.
 10. Согласно «Программе реформы и развития образования», обнародованной в 1993 г., государство планировало увеличить финансирование образования до 4% ВВП (со времен прихода к власти Дэн Сяопина этот показатель никогда не поднимался выше 3%). Однако к 2009 г. расходы китайского правительства на образование составляли менее 3% ВВП, что является одним из самых низких показателей в мире. (*Simon Denis F., Cao Cong. China's Emerging Technological Edge... P. 115*).
 11. *Yin Qipin, White Gordon. Op. cit. P. 18.*
 12. *Mok Ko-Ho. Education and the market place in Hong Kong and Mainland China // Higher Education. 1999. Vol. 37. P. 141. — Национальное статистическое бюро КНР. — <http://www.stats.gov.cn/nds/j/information/nj97/I081A.END>.*
 13. Так, в 2007 г. четырехгодичный курс в университете стоил около 40 тыс. юаней, что превышало средний годовой доход сельского жителя более чем в 13 раз. (*Jia Junwen. Too much growth, too little development: the reality behind China's economic miracle // Development. 2007. No. 50. — doi:10.1057/palgrave.development.1100401*
 14. *Appleton S., Knight J., Song Lina, Xia Qiangjie. Labour retrenchment in China: determinants and consequences // Unemployment, Inequality and Poverty in Urban China. London; N.Y., 2006. P. 31.*
 15. *Meng Xin. Unemployment, consumption smoothing and precautionary saving in urban China // Ibid. P. 187.*
 16. *Mok Ko-Ho. Education and the market place... P. 134.*
 17. *Huang Jun. Two paradoxes of the "Seller's Market" of Chinese higher education // Higher Education Policy. 2005. No. 18. June 1. P. 169.*
 18. Причины этого были проанализированы Ивон Тамер и Эми Акер: борьба за место в университете, согласно массовому убеждению, настолько остра, что получение места в вузе само по себе уже победа, а дальнейшая учеба отходит на второй план. (*Turner Y., Acker A.. Education in the New China. Shaping Ideas at Work. Aldershot, 2002. P. 101.*
 19. *Боревская Н.Е. Указ. соч. С. 44.*
 20. *Gu Jianmin et.al. Higher Education in China... P. 23.*
 21. *Nayhoe Ruth. China's higher curricular reform in historical Perspective // The China Quarterly. 1987. Vol. 110. June. P. 220.*
 22. К концу 1997 г., по официальной статистике КНР, более чем половина всех выпускников (447 423 из 829 070) окончили трехгодичные курсы или обучались по краткосрочным программам.

- Выпускники вузов по сферам обучения — <http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/yearly-data/YB1998e/T111AE.htm>.
23. Название «Проект 211» расшифровывается следующим образом: первые две цифры (21) указывают на время осуществления (XXI в.), последняя цифра (1) — на одну сотню отобранных вузов.
 24. Национальное статистическое бюро КНР.
<http://www.stats.gov.cn/nds/information/nj97/D361A.END>.
 25. Цифры в названии «Проект 985» означают май (5-й месяц) 1998 г. — дату речи Цзян Цзэминя, в которой он заявил о необходимости отбора и развития вузов — мировых лидеров.
 26. Гайгэ кайфан 30 нянь Чжунго цзяоюй чжунда лиши шицзянь [Главные исторические события системы образования Китая за 30 лет реформ и открытости]. Пекин, 2008. P. 161.
 27. *Brandenburg U., Zhu Jiani.* Higher Education in China in the Light of Massification and Demographic Change. Lessons to Be Learned for Germany. Work Paper No. 97. Gutersloh, 2007. P. 38; Гайгэ кайфан 30 нянь... С. 157.
 28. Так, из более чем 900 институтов и 597 университетов к 2008 г. в Китае было сформировано 246 многопрофильных вуза. (*Li Xiaohong.* The Higher Education Reform and Development Trend in China. — www.universitiesaustralia.edu.au/documents/policies_programs/international/collaboration/Prof-Li-Xiaohong.ppt; Статистика Министерства образования за 2008 г. — <http://www.moe.edu.cn/edoas/website18/13/info1261551755959113.htm>).
 29. *Huang Futao.* Qualitative enhancement and quantitative growth: changes and trends of China's higher education // Higher education policy. 2005. No. 18. June 1.
 30. Подчас число студентов, принятых в элитные университеты, было меньше, чем количество поступивших в обычные вузы. Это подтверждает сравнение планов приема студентов Пекинского университета и Китайского народного университета (входят в Проекты 985 и 211 соответственно) с планами Тайчжоуского института, выбранного в случайном порядке и не принадлежащего ни к одному из указанных Проектов. В 2009 г. Пекинский университет планировал принять 2650 чел., Китайский народный университет — 2800, а Тайчжоуский институт — 3270 студентов. (Цинхуа, Жэньда дэн гунбу 2009 чжаошэн цихуа. Бэйда синь цзэн 4 чжуань [Университет Цинхуа, Народный университет и другие опубликовали планы набора студентов на 2009 г. Пекинский университет добавил четыре новых специальности] // Changsha Evening Press. 2009. April 13. — http://www.eol.cn/gexiao_zhengce_2936/20090413/t20090413_372120.shtml; Вебсайт Тайчжоуского института — <http://www.zsjy.tzc.edu.cn/zs/article.asp?id=857>).
 31. *Bai Limin.* Op. cit. P. 141.
 32. Иерархическая последовательность категорий вузов определена по материалам исследований образовательных институтов. См.: *Li Xiaohong.* The Higher Education Reform...: *Gu Jianmin et al.* Higher Education in China... P. 223–226. Некоторые университеты могут относиться к нескольким проектам одновременно: те, что принадлежат к девяти университетам первого класса, автоматически входят в Проекты 985 и 211. Количество университетов указано приблизительно, так как оно может меняться из года в год в зависимости от результатов оценки деятельности вузов.
 33. В докладе MyCos по вопросу безработицы китайских выпускников опубликованы следующие цифры: показатель трудоустройства выпускников университетов Проекта 211 в 2008 г. был 89%, тогда как среди бакалавров обычных вузов — 87%. — «2009 нянь Чжунго дасюэшэн цзюэ баогао» даочу — дасюэшэн цзюэ чжуанкван сань да ниньцин («Доклад по безработице среди китайских выпускников за 2009 г.» — три скрытых фактора безработицы среди выпускников) // Народная сеть. Пекин. 2009. 22 июня. — <http://news.163.com/09/0622/13/5CDSVKSC000120GR.html>.
 34. Статистика Министерства образования КНР. — <http://www.moe.edu.cn/edoas/website18/14/info1261551774618114.htm>; <http://www.moe.edu.cn/edoas/website18/31/info11331.htm> (дата обращения: июнь 2010).
 35. *Partridge R., Keng N. (Chia-Chi).* Tackling graduate unemployment: enhancing employability amongst students of Chinese universities. A perspective from the UK. University of York. Heslington. — <http://www.york.ac.uk/services/careers/nyjcee/res/employchinaukperspective.pdf> P. 3.

36. Статистика Министерства образования КНР — <http://www.moe.edu.cn/edoas/website18/31/info11331.htm> и <http://www.moe.edu.cn/edoas/website18/10/info1261551707943110.htm>.
37. *Simon D. F., Cao Cong.* China's Emerging Technological Edge... P. 178.
38. Перечень составлен на основании данных Национального статистического бюро КНР за 2008 г. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2009/indexeh.htm>. Выпускники образовательных институтов для взрослых исключены из представленной иерархии, так как в меньшей степени страдают от безработицы. Только выпускники Интернет-курсов как наиболее многочисленные представлены в категории «другие виды высшего образования». Частные школы и учебные заведения, управляемые совместно с иностранными партнерами, также исключены из иерархии как относительно немногочисленные.
39. Регулярными в Китае называются стандартные вузы страны, отличные от учреждений образования для взрослых.
40. *Bai Limin.* Op. cit. P. 142.
41. См.: «2009 нянь Чжунго дасюэшэн цзюе баогао»...
42. Сайт Китайского народного университета. — <http://english.ruc.edu.cn/en/100371/18947.html>.
43. *Partridge R., Keng N. (Chia-Chi).* Op. cit. P. 5.
44. *Cook S.* Readjusting labour: enterprise restructuring, social consequences and policy responses in urban China // *Changing Workplace Relations in the Chinese Economy.* N.Y., 2000. P. 231.
45. *Yu Nanping.* Fresh graduate face unemployment. Economic growth is not creating a sufficient number of qualified jobs as student numbers continue to rise // *China Perspectives.* 2004. No. 51. January-February — <http://chinaperspectives.revues.org/document786.html>.
46. *Zhou Ji.* Higher Education in China. Singapore, 2003. P. 97–99.
47. Переименовано в 2008 г. в Министерство трудовых ресурсов и социальной безопасности.
48. Группа онлайн-порталов включила в себя сайты Национальной службы по трудоустройству выпускников вузов. — <http://www.myjob.edu.cn>]. Общественной информационной сети по кадрам. — <http://www.chrm.gov.cn>, Национальной сети рынка труда для предприятий малого и среднего бизнеса. — <http://www.sme.gov.cn> — *Gu Jianmin et al.* Higher Education in China... P. 93.
49. *Ibid.* P. 91–92.
50. *Gu Jianmin et al.* Op. cit. P. 94.
51. В 2007 г. Постоянный Комитет ВСНП «призвал считать главным показателем деятельности правительства низкий уровень безработных в стране. Тем самым правительства всех уровней были вынуждены установить цели по снижению показателя нетрудоустроенных». (Job creation: already on the schedule of NPC // *China Daily.* Beijing, 2007. Febr. 27.). — <http://www.mycos.com.cn/NewsShow/select.action?entry=27717>.
52. *Miao Miao, Ding Yimin.* China moves to solve graduate unemployment issue // *Xinhua.* Beijing, 2009. January 11. — <http://english.sina.com/life/2009/0110/210679.html> (дата обращения: июнь 2010).
53. *Gu Jianmin et al.* Op. cit. P. 94.

История

Дэн Сяопин в Москве (1926–1927): идейное становление революционера и будущего реформатора

© 2011

А. Панцов, Д. Спичак

В статье на основе ставших доступными документов, хранящихся в Российском архиве социально-политической истории (РГАСПИ), прежде всего материалов из личных дел Дэн Сяопина и его соучеников, подробно рассказывается об истории обучения в Москве в 1926–1927 гг. будущего великого реформатора Китая. Всесторонне анализируются вопросы, связанные с идейно-теоретической и партийно-политической подготовкой Дэн Сяопина в одном из ведущих коминтерновских вузов – Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Авторы приходят к выводу, что все, что Дэн Сяопин постиг за время этой учебы, оказало решающее влияние на формирование его марксистских взглядов. И то, что рожденный в КНР «социализм с китайской спецификой» во многом напоминает советский нэп, в немалой степени объясняется полученным Дэном советским образованием.

Ключевые слова: Дэн Сяопин, Коминтерн, Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК).

85 лет назад, в самом начале 1926 г., будущий великий реформатор Китая Дэн Сяопин (1904–1997) впервые вступил на российскую землю. Он приехал в Москву из Франции по решению Европейского отделения КПК, страстно стремясь изучить большевистский опыт. Оставался он в СССР целый год. Какие же знания получил Дэн Сяопин на родине Октября? Что воспринял из прочитанного и увиденного? Как пребывание в революционной России повлияло на его идейное становление?

Документы, хранящиеся в Российском архиве социально-политической истории (РГАСПИ), прежде всего материалы из личных дел Дэн Сяопина и его соучеников, а также фондов университетов, в которых они учились, позволяют ответить на эти вопросы. Из этих документов становится ясным, что Дэн вместе с 17 товарищами, членами Европейских бюро КПК и китайского комсомола (КСМК) прибыл в Москву через Германию и Польшу в воскресенье 17 января 1926 г. На Белорусско-Балтийском (бывшем

Панцов Александр Вадимович, доктор исторических наук, профессор Капитолийского университета (США). E-mail: apantsov@capital.edu.

Спичак Дарья Александровна, кандидат исторических наук, доцент Государственного университета — Высшая школа экономики. E-mail: dspichak@rambler.ru.

Александровском) железнодорожном вокзале их встретили представители Московского отделения КПК, которые отвезли их на Страстную площадь, в здание бывшего женского монастыря, где располагался Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Там, несмотря на воскресный день, всем выдали студенческие билеты и дали псевдонимы. Дэн получил фамилию Крезов¹. Почему, сказать трудно. Возможно, при регистрации кто-то обратил внимание, что он некоторое время работал во Франции в городе Ле Крезе. Хотя, скорее всего, псевдоним был выбран произвольно: работники отделов кадров коминтерновских вузов обычно недолго думали, прежде чем дать псевдоним студенту. Главное было соблюсти конспирацию. Друг Дэна и глава Европейского отделения КСМК Фу Чжун стал Алексеем Георгиевичем Диваковым, а дядя Дэна, член КПК Дэн Шаошэн, также приехавший на учебу, — Владимиром Юрьевичем Данилиным². После этого всех разместили в общежитии, которое находилось тут же, в бывших кельях монастыря, закрытого большевиками еще 30 марта 1919 г.

Монастырь тогда передали наркомату по военным и морским делам, превратившему его в казарму. Через два года, однако, солдат Троцкого сменили студенты КУТВ, а само здание приписали к Наркомату по делам национальностей, в ведении которого тогда находился университет. В 1923 г. в связи с ликвидацией Наркомнаца здание и сам КУТВ отошли Восточному отделу Коминтерна, но самому университету было присвоено имя И.В. Сталина, бывшего наркома по делам национальностей (к тому времени Сталин был Генеральным секретарем ЦК большевистской партии, одним из главных ее вождей.)³.

В то время, когда Дэн приехал учиться, сталинский комвуз считался одним из крупнейших в Советской России. В нем насчитывалось 1664 студента почти всех национальностей Востока. Среди них китайцев — более 100 человек, причем большинство из Европы⁴.

В Москве Дэн встретил много знакомых по Франции⁵, в том числе бывшего вождя Европейских отделений КПК и КСМК Жэнь Чжосюаня (псевдоним — Рафаил). Под его руководством он работал несколько месяцев в Париже и Лионе. Жэнь находился в Москве два месяца, но не столько учился, сколько занимался общественной деятельностью. За несколько дней до приезда Дэна его избрали секретарем Московского отделения КПК, и 19 января он оформил всех вновь прибывших в члены этой организации⁶, к удивлению многих, обязав подчиняться военной дисциплине.

Дело в том, что члены местных ячеек КПК и КСМК жили практически на казарменном положении. Так было всегда, начиная с создания этих организаций в декабре 1921 г. Этот порядок установили сами китайцы-руководители ячеек, считавшие своим долгом выжигать каленым железом из сознания подчиненных якобы унаследованные ими от «отсталого патриархального общества» старые идеи и представления. Вот что вспоминает по этому поводу Чжэн Чаолин (псевдоним — Марлотов), приехавший в Москву на три года раньше Дэна, весной 1923 г. «Они [члены Московского отделения КПК] были разделены на вождей и массы. Вожди отдавали приказы, а массы их выполняли. Вожди вели себя так, как будто не являлись такими же студентами, как другие, а их учителями... Во Франции у нас тоже были вожди, но они завосвывали положение естественным путем, благодаря политической активности... Мы искренне принимали их как наших вождей, но считали товарищами, может быть, более способными, но тем не менее такими же, как мы... Представление же о вождях московских студентов коренным образом отличалось от нашего... Они не только раболепствовали перед ними публично, но не смели даже высказывать свое недовольство в частной беседе... Мы были разделены на несколько ячеек, по четыре или пять человек в каждой... Ячейка собиралась на заседания раз или два в неделю. Кроме того, было бесчисленное количество других собраний и митингов, каждый из которых длился по два, три, а то и четыре часа. Атмосфера была горячей, взвинченной и напряженной. Что мы делали? Ничего. Какие теоретические иссле-

дования проводили? Никаких. Большую часть времени занимала “критика индивидуализма”... Те, кого критиковали, бросали потом те же обвинения в адрес своих критиков. А в результате все заканчивалось тем, что люди краснели, и семена ненависти взрастали в их сердцах»⁷.

Хотя Жэнь тоже приехал из Франции, он быстро воспринял стиль «москвичей», и став секретарем, продолжал насаждать его. Оправдывая свою политику, он позже писал: «Нашим методом был ленинский принцип партийной самокритики.. Ведь все студенты являлись интеллигентами, выходцами из мелкобуржуазных классов, поэтому, принимая во внимание, что компартия является политической партией пролетариата, мы считали необходимым заставить их трансформировать свое мелкобуржуазное сознание и сменить свой буржуазный окрас. Это означало, что студенты должны были перестраивать себя во всем — в мыслях, словах, делах, поведении, но, если они этого не делали, мы их критиковали, причем сурово, до тех пор, пока они не перестраивались»⁸.

Несмотря на знакомство с Дэном, Жэнь тут же стал «перестраивать» и его. Уже через неделю после прибытия Дэн должен был выступить с самокритикой. И он, как послушный член партии, представил письменное заявление: «Хотя я и приехал сюда недавно, организация уже подвергла меня совершенно справедливой критике для того, чтобы я знал свои недостатки и продвигался вперед по пути самосовершенствования и успешного превращения в настоящего коммуниста. Я уже преисполнился решимости исправить ошибки, чтобы достичь позитивных результатов»⁹.

Штаб-квартира Московского отделения КПК находилась не в КУТВ, а в другом коминтерновском вузе, открытом за два месяца до приезда Дэна, — в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК) по адресу Волхонка 16. Раньше здесь располагалась 1-я Московская губернская гимназия, одна из старейших в столице. В отличие от КУТВ Университет им. Сунь Ятсена предназначался исключительно для китайцев, причем не только членов КПК и КСМК, но и Гоминьдана. Таким образом, он был учебным центром единого антиимпериалистического фронта, созданного в Китае по инициативе большевиков в январе 1924 г. путем вступления КПК в ГМД при сохранении политической и организационной самостоятельности компартии в Гоминьдане.

Долго не задержавшись в КУТВ, Дэн, его дядя и Фу Чжун через 12 дней после приезда перебрались в этот университет: кто-то в Исполкоме Коминтерна посчитал целесообразным направить подававших надежды коммунистов в главный «китайский» вуз СССР. В Коммунистическом университете трудящихся Востока молодые люди даже не успели освоиться, а его ректор Григорий Исаакович Бройдо уже направил их личные дела своему коллеге, ректору УТК Карлу Бенгардовичу Радеку.

29 января 1926 г. Дэн получил студенческий билет Университета им. Сунь Ятсена за № 233 на имя Ивана Сергеевича Дозорова. Тогда же ему выдали и полагавшийся каждому вновь прибывшему набор повседневных вещей: костюм, пальто, ботинки, сапожную щетку, рубашку, полотенце, мочалку, носовые платки, расческу, мыло, зубную щетку и зубной порошок¹⁰. После этого распределили в общежитие, и на следующий день, в субботу 30 января, он наконец сел за парту.

Учебный план УТК был крайне насыщенным. Дэн принялся изучать русский язык, историю развития общественных форм (исторический материализм), историю китайского революционного движения и революционных движений на Западе и Востоке, историю ВКП(б), экономическую географию, политическую экономию (по книге немецкого социалиста Карла Каутского «Экономическое учение Карла Маркса»), партийное строительство, военное дело и журналистику (в учебном плане последняя дисциплина обозначалась словом «Газета»)¹¹. Срок обучения составлял два года, студенты проводили в аудиториях по восемь часов шесть дней в неделю¹².

Практически все, что штудировал Дэн, было для него новым, и он впитывал материал как губка. Ведь, по его собственным словам, он и прибыл в Москву для того, что-

бы в конце концов «узнать, что же такое коммунизм». «Когда я работал в организации в Западной Европе, — писал он в автобиографии при поступлении в УТК, — я все время чувствовал, что недостаточно подготовлен и в результате часто совершал ошибки. Поэтому уже давно был полон решимости учиться в России. Однако тогда у меня не было денег на поездку, и я не мог осуществить задуманное. Я [всегда] остро ощущал, что мои знания о коммунизме поверхностны. Это понимали и другие... Поэтому, пока я нахожусь в России, я буду упорно учиться, чтобы получить более полные знания о коммунизме. Я думаю также, что у нас, молодежи Востока, очень сильно стремление к освобождению, но нам трудно систематизировать наши идеи и действия. Данное обстоятельство, разумеется, очень сильно затормозит нашу работу в будущем. Поэтому я приехал в Россию прежде всего для того, чтобы, научившись соблюдать железную дисциплину и получив коммунистическое крещение, полностью коммунизировать свои идеи и поступки. Приехав в Москву, я уже принял решение не колеблясь отдать всего себя нашей партии, моему классу. Отныне я буду всей душой воспринимать партийное воспитание, подчиняться партийному руководству и неизменно бороться за интересы пролетариата»¹³.

При распределении Дэна зачислили в учебную группу № 7 (всего в УТК их было тринадцать, в каждой — по 25–40 чел.). Седьмая группа была особой — в нее включали студентов, считавшихся наиболее перспективными с точки зрения их дальнейшего карьерного роста как в рядах КПК, так и Гоминьдана. Вместе с Дэном в ней стали учиться его друг Фу Чжун и дядя Дэн Шаошэн, а также Цзян Цзинго (псевдоним — Николай Владимирович Елизаров), сын начальника военной школы Вампу Чан Кайши, Цюй У (Н.К. Шипов), племянник главы ГМД Ван Цзинвэя и зять члена ЦИК этой партии Юй Южэня, Гу Чжэндин (Люксембург), будущий член ЦИК ГМД и заведующий его орготделом, Дэн Вэньи (Зацепин), будущий начальник спецслужб Гоминьдана и Сяо Чжаньюй (Писарев), будущий глава гоминьдановского горкома в Нанкине. Эта группа неформально называлась «кружок теоретиков».

Преподавание в группе велось на русском, что, конечно, сказывалось на качестве обучения. Ведь во время лекций половина часов уходила на последующий устный перевод, причем не всегда адекватный. Но ничего другого администрация УТК предложить Дэну не могла: групп с преподаванием на китайском языке не было, а в имевшуюся французскую группу Дэн не подходил: прожив во Франции пять лет, он так и не научился языку этой страны.

Но Дэн не унывал. По словам его дочери, ему все время было «радостно на душе», так как он чувствовал себя раскрепощенным¹⁴. Он упорно и с большим интересом занимался, сидя по многу часов в библиотеке, и хотя русский язык ему не давался так же, как и французский, но зато общественные дисциплины, в том числе история ВКП(б), история общественных форм и марксистская экономика, шли у него на «отлично». В университете было немало китайских переводов произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Бухарина. И именно им Дэн уделял первостепенное внимание.

Его приподнятому настроению способствовала окружающая обстановка. В 1926 г. в Москве и в СССР в целом всюду расцветал нэп. Новая экономическая политика большевистской партии была направлена на развитие рыночной экономики под контролем РКП(б). Плоды нэпа ощущались повсеместно, в том числе в университете. Экономика страны была на подъеме, рынок все более насыщался товарами государственного и частного производства. Открывались новые магазины, рестораны, кафе. «У нас никогда не было недостатка в курах, утках, рыбе и мясе, — вспоминал один из соучеников Дэна. —... Мы получали хорошее питание три раза в день... На завтрак, например, нам давали яйца, хлеб с маслом, молоко, колбасу, чай, а иногда даже икру... Вдобавок, служащим университета так хотелось произвести на студентов благоприятное впечатление, что когда мы устали от русской пищи, они поспешили нам угодить, пригласив на службу китайского шеф-повара. С этого времени у нас появился выбор — русская или китайская

кухня»¹⁵. Хорошо организованным был и отдых студентов: они посещали музеи, выставки и театры. А летом 1926 г. даже съездили на экскурсию в Ленинград¹⁶.

Такая жизнь в корне отличалась от полуголодного существования Дэна во Франции, где в течение пяти лет он то работал за гроши, то перебивался на пособие по безработице. Преимущества нэповского социализма, который строила большевистская партия, были налицо! Их подтверждало чтение марксистско-ленинских книг и статей, а также тогдашних выступлений Сталина и Бухарина. «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества», — запомнил Дэн слова Маркса¹⁷. «Пытаться запретить, запретить совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.е. торговли, т.е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей [— т]акая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробуящие подобную политику, терпят неминуемо крах», — читал он у Ленина¹⁸. «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства... рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики», — осмысливал он утверждения Сталина¹⁹. «Смысл нэпа заключается в том, что мы, используя хозяйственную инициативу крестьян, мелких производителей и даже буржуа, допуская, таким образом, частное накопление, — мы вместе с тем, в известном смысле, ставим их объективно на службу социалистической госпромышленности и всего хозяйства в целом... В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас *всегда* должна быть беднота; мы должны теперь вести такую политику, в результате которой у нас беднота исчезла бы», — размышлял он над высказываниями Бухарина²⁰.

Немало времени отнимала у Дэна партийно-политическая работа. Вскоре после начала занятий на общем собрании комсомольцев УТК его избрали в бюро университетской организации КСМК, а студенты-коммунисты 7-й группы сделали его своим парторгом²¹, так что он поневоле оказался втянут в острую фракционную борьбу, развернувшуюся в университете. Дело в том, что в начале 1926 г. Жэнь Чжосюань выдвинул лозунг: «Собрания — на первое место, учеба — на второе; практика — на первое место, теория — на второе»²². Студентов, уделявших больше внимания учебе, нежели партсобраниям, открыто клеймили за «академизм» и «индивидуализм», а тех, кто, не досиживая до конца многочасовых митингов, уходил обедать, критиковали как «мелкого буржуа» и «эгоиста». Многие преподаватели были недовольны²³, наибольшее негодование выражал сам ректор Радек, который хотя и являлся старым членом ленинской гвардии, но больше всего на свете ценил личную свободу. 18 февраля 1926 г. он выступил с осуждением руководства Московского отделения КПК на общем партийном собрании УТК²⁴. После чего собственноручно набросал план работы отделения, в котором, в частности, призвал студентов-членов китайской компартии изучать марксизм-ленинизм и идеи Сунь Ятсена, укреплять в себе дух взаимопомощи и перестать слепо подчиняться начальству. Он потребовал от Жэнь Чжосюаня не мешать студентам свободно мыслить и обсуждать любые проблемы, связанные с китайской революцией²⁵.

Призыв Радека пал на благодатную почву. Немало энергичных молодых китайцев, мечтавших сделать партийную карьеру в Москве, открыто выступили против Московского отделения. Во главе их встал двадцатилетний уроженец провинции Аньхой, член КСМК Чэнь Шаоюй, заклеймивший теоретические и практические установки Жэнь Чжосюаня звучащим как приговор словом «рафаиловщина» (по псевдониму Жэня — Рафаил). В результате весной 1926 г. учебный процесс оказался почти полностью пара-

лизован. К счастью, в июне начались каникулы, и студенты, в том числе Дэн, переехали в подмосковный санаторий «Тарасовка» (по Ярославской железной дороге). Однако и здесь, на вольном воздухе, Чэнь и его товарищи не хотели прекращать полемику. Они провели бурное общее собрание, направленное против Жэнь Чжосюаня и других «боссов» Московского отделения, которое не прекращалось четыре дня: до тех пор, пока прибывший в Тарасовку Радек не объявил от имени ЦК ВКП(б), Исполкома Коминтерна (ИККИ) и ректората университета о ликвидации Московского отделения и рассмотрении в ближайшее время вопроса о переводе китайских студентов-коммунистов в ряды большевистской партии. Летом 1926 г. Жэнь Чжосюань выехал на родину²⁶.

После этого все китайские коммунисты, в том числе Дэн, по решению Оргбюро ЦК большевистской партии стали кандидатами в члены ВКП(б), что сделало их полностью зависимыми от российских коммунистов, руководивших университетским парткомом. Ведь кандидаты не обладали правом решающего голоса и занятия выборных должностей, так что конкурировать с полноправными членами партии, тем более с теми, кто возглавлял партком УТК, они не могли. Да и парткомовское начальство, придерживавшееся, в отличие от ректора Радека, точно таких же взглядов на партстроительство, как лидеры Московского отделения КПК, не допускало никакой самостоятельности. Так что методы партработы в УТК практически не изменились. Все члены партии и комсомола были по-прежнему обязаны принимать участие в многочасовых партийных собраниях, а также других мероприятиях: групповых дискуссиях и заседаниях «кружков текущей политики», где от них требовалось публично выражать преданность партийному руководству²⁷. Секретарь парткома УТК Седников неустанно внушал китайским студентам, что ни о какой демократии в партии, ведущей борьбу за победу революции, говорить нельзя: демократия в ней допустима только тогда, когда партия завершит строительство социализма²⁸.

Дэна все это, однако, не смущало. Несмотря на вспыльчивый характер, он стался не допускать уклонов, принимая ту точку зрения, которую высказывало большинство, а потому держался «на плаву», соблюдая железную партийную дисциплину.

12 августа 1926 г., развивая идеи Седникова, он в одном из своих классных сочинений написал: «Центральная власть распространяется сверху вниз. Совершенно необходимо подчиняться приказам начальства... Демократия не всегда неизменное понятие. Расширение или сокращение демократии зависит от изменений в окружающей среде. Например, в дореволюционной России нельзя было расширять демократию. Точно также нельзя этого делать в современном Китае»²⁹.

Поэтому партком УТК регулярно давал Дэн Сяопину положительные характеристики. Так, в одной из них, датированной 16 июня 1926 г., отмечалось: «Все [его] поступки соответствуют предъявляемым к коммунистам требованиям, непартийные проявления отсутствуют. [Он] уделяет особое внимание вопросу партийной дисциплины, очень интересуется общеполитическими проблемами и довольно хорошо в них разбирается, на собраниях партячки активно участвует в обсуждении различных вопросов и вовлекает товарищей в дискуссии. Случаев неявки [на партсобрания] не имеется. Партийные поручения. выполняет успешно... Отношения с товарищами... тесные... Относится к учебе. с большим интересом. Старается научиться влиять на людей. Не роняет авторитет партии перед членами Гоминьдана... Очень продвинулся вперед в понимании задач партии, непартийных уклонов не имеет, умеет оказывать партийное воздействие на комсомольцев... Наиболее пригоден... к пропагандистской и организационной работе»³⁰. В другой характеристике от 5 ноября 1926 г. подчеркивалось: «Очень активный и энергичный партиец и комсомолец (канд[идат] ВКП(б)). Один из лучших оргработников в бюро КСМ Университета. Будучи дисциплинированным и выдержанным, а также способным к учебе, т. Дозоров извлек большой опыт из своей оргработы в Бюро КСМ и сильно вырос. Принимал активное участие в общественной работе. Во взаимоотношениях с другими —

товарищ. В учебе был на первых местах. Партийная подготовка — хорошая (был индивидуалом — по индивидуальной обработке ГМД-новцев — на эту работу назначались наиболее подготовленные партийцы). Может быть использован лучше на оргработе»³¹. 9 октября 1926 г. общее собрание 7-й учебной группы, в которой Дэн был парторгом, сочло «целесообразным и полезным» перевести его из кандидатов в члены ВКП(б), «так как он хорошо и добросовестно вел работу и активно»³².

По-партийному хорошо зарекомендовал себя Дэн и в моральном плане. В университете на несколько сот мужчин было всего два-три десятка женщин, но в отличие от большинства сверстников, не дававших им прохода, Дэн вел себя с ними очень скромно. Ему, правда, нравилась одна девушка, носившая псевдоним Догадова, симпатичная, худенькая, с короткой стрижкой, тоненькими черными бровями и чуть припухлыми губами, но Дэн никаких шагов к сближению не делал. Все его время отнимала учеба и партработа. Он знал только, что настоящее имя девушки — Чжан Сиюань (Чжан «Ниспосланное Небом яшмовое украшение»), что родилась она в семье железнодорожника на станции Лянсян уезда Фаншань провинции Чжили 28 октября 1907 г., т.е. была на три года младше приехала в УТК из Китая за два месяца до него вместе с Чэнь Шаоюем, а вступила в компартию на несколько месяцев позже — в декабре 1925 г.³³ уже в Москве. Чжан училась в параллельной группе и так же как Дэн входила в бюро университетской комсомольской организации. Правда, занималась она не очень добросовестно, на «троечку», да и с партработой у нее не все обстояло гладко: один раз она даже получила выговор за «невыполнение партпоручения»³⁴. Так что ей тоже было не до романов: следовало завосвывать доверие организации. (Дэн и Чжан полюбят друг друга и станут мужем и женой только в 1928 г. — через год после возвращения на родину Дэн Сяопина и через полгода — Чжан Сиюань. Это произойдет в Шанхае, где он и она будут работать в Секретариате ЦК КПК³⁵).

Между тем в Китае события развивались с головокружительной быстротой. Чан Кайши, ставший весной 1926 г. главнокомандующим Национально-революционной армии (НРА) Гоминьдана, в начале июля 1926 г. начал Северный поход — военную экспедицию, задуманную еще создателем Гоминьдана Сунь Ятсеном для покорения господствовавших в то время в разных провинциях Китая милитаристов. Объективным союзником Чан Кайши была так называемая Националистическая армия, дислоцированная в Северо-Западном Китае. Ее командующий, маршал Фэн Юйсян заявил о поддержке Гоминьдана уже в октябре 1924 г., когда восстал против своего тогдашнего патрона милитариста У Пэйфу и занял Пекин. Тогда же он обратился за помощью к СССР, и вскоре к нему прибыли несколько десятков советских военных советников, а затем поступило вооружение на сумму свыше 6 млн руб. Однако за три с половиной месяца до Северного похода маршал Фэн потерпел крупнейшее поражение от северокитайских милитаристов, после чего в самом начале мая 1926 г. вместе с семьей выехал в Советский Союз — вести переговоры о расширении советской военной помощи и «ожидать развития событий в Китае»³⁶. Тем не менее, Чан Кайши успешно начал поход, и уже 11 июля его войска, воодушевленные идеями национальной революции, одержали первую крупную победу над У Пэйфу, после чего заняли столицу провинции Хунань город Чанша.

Между тем Фэн Юйсян в Москве достиг договоренности с руководством РКП(б) о предоставлении ему дополнительно материальной помощи более чем на 4,3 млн руб. Кроме того, группа его советских советников была усилена за счет новых кадров, военным и политическим руководителем которых Политбюро назначило командира 1-го стрелкового корпуса Ленинградского военного округа Миханла Владимировича Сангурского (Фэну его представили под вымышленной фамилией Усманов). Проведя в Москве три с лишним месяца (с 9 мая по 16 августа 1926 г.), маршал Фэн уехал в Китай, где в то время продолжало разворачиваться революционное движение³⁷. 17 августа Чан Кайши

возобновил Северный поход — из Чанша в направлении Ухани. К осени 1926 г. НРА вышла в долину реки Янцзы, предварительно разгромив основные силы У Пэйфу³⁸.

Понимая, что до окончательной победы Гоминьдана над милитаристской реакцией во всей стране не далеко, Фэн сразу же по приезде в Китай 17 сентября 1926 г. торжественно поклялся бороться за свободу и независимость Родины до последнего вздоха. Тогда же он объявил, что все его подчиненные коллективно вступают в Гоминьдан и вновь обратились в Москву — на этот раз с просьбой прислать ему дополнительную группу советников³⁹.

В Коминтерне посчитали целесообразным направить к Фэну хорошо зарекомендовавших себя китайских студентов УТК и КУТВ. Отобрали более 20 человек, в том числе Дэна, который даже не окончил положенный двухгодичный курс обучения. Северный поход вступал в решающую фазу, и работники ИККИ справедливо полагали, что «откладывать работу и сокращать ее до тех пор, пока некоторые тт. в Москве закончат учебу — абсурд»⁴⁰.

12 января 1927 г. Дэна отчислили из Университета им. Сунь Ятсена, и в тот же день он выехал на родину — через южную Сибирь и Монголию в город Сянь, захваченный армией Фэн Юйсяна еще в ноябре 1926 г.

На этом годовое пребывание Дэн Сяопина в СССР завершилось. В итоговой характеристике, данной ему парткомом УТК говорилось: «Очень активный и энергичный, один из лучших оргработников. Дисциплинирован и выдержан. В учебе на 1-х местах. Подготовка хорошая»⁴¹. Постановление общего собрания 7-й учебной группы о переводе его из кандидатов в члены ВКП(б) пришлось, однако, отменить⁴²: Дэн возвращался в Китай, где вновь становился официальным членом КПК.

Впереди молодого и способного коммуниста ждала революция, на волне которой он и его товарищи по партии рассчитывали прийти к власти. А в отдаленном будущем — слава великого реформатора китайского социализма.

Год пребывания Дэна в Советской России таким образом не пропал даром не только для него, но и для всего китайского народа. Ведь то, что Дэн увидел и прочитал за то время, пока учился, все, что внушили ему учителя-большевики, несомненно оказало влияние на формирование его марксистских взглядов. И то, что рожденный Дэн Сяопином и его соратниками в КНР «социализм с китайской спецификой» во многом напоминает советский нэп, в немалой степени объясняется полученным им советским образованием. Тем более, что, по собственным словам Дэна, он ни до, ни после СССР никогда всерьез марксизму не учился⁴³.

1. См.: *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001. С. 237.
2. См.: Личное дело Дивакова (Фу Чжуна) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1251; Личное дело Данилина (Дэн Шаошэна) // Там же. Д. 1637.
3. Подробнее см.: *Спичак Д. А.* История подготовки китайских студентов в Московских учебных центрах Коминтерна: цели, методы, результаты (1921–1939 гг.). Канд. дисс. М., 2010. С. 44–47.
4. Там же. С. 46, 48.
5. Из 300 членов Европейских отделений КПК и КСМК в то время в Москве учились более 200 (см.: Дэн Сяопин цышу Автобиографические заметки Дэн Сяопина). Пекин, 2004. С. 23.
6. Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1629. С. 1–4.
7. Чжэн Чаолин хуэйилу [Воспоминания Чжэн Чаолина]. [Сянган], б. г. С. 58–60, 66–67.
8. *Жэнь Чжосюань.* Лю Э гуйго хоудэ хуэйи [Воспоминания о жизни в России и о том, что случилось после возвращения на родину] // Люши нянь лай чжунго лю Э сюэшэчжи фэнсян дяоку [Воспоминания китайских студентов об [их] пребывании в России 60 лет назад]. Тайбэй, 1988. С. 74.

99. Дэн Сяопин цзышу. С. 28.
110. *Панцов А. В.* Указ. соч. С. 237; Дэн Сяопин. 1904–1997. Пекин, 2009. С. 31; *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution. A Personal Account.* Lawrence, KS. 1971. P. 88; *Усов В. Н.* Дэн Сяопин и его время. М., 2009. С. 56–66.
111. См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 16. Л. без №; *Далин С. А.* Китайские мемуары. 1921–1927. М., 1975. С. 176.
12. В Университете трудящихся им. Сун-Ят-Сена // Правда. 1926. 11 марта, со второй половины 1926 г. — по восемь часов (с понедельника по среду) и по шесть (с четверга по субботу) (РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 17. Л. 53).
13. Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 175; Дэн Сяопин цзышу. С. 26–27.
14. *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. М., 1995. С. 127.
15. *Шэн Юэ.* Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания. М., 2009. С. 102, 103.
16. См.: *Маомао.* Указ. соч. С. 128; *Усов В. Н.* Дэн Сяопин и его время. М., 2009. С. 56–66.
17. *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 19.
18. *Ленин В. И.* О продовольственном налоге // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 43. С. 222.
19. *Сталин И. В.* Заключительное слово по Политическому отчету Центрального комитета // *Сталин И. В.* Соч. М., 1952. Т. 7. С. 364.
20. *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 137.
21. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1629. Л. без №; *Шэн Юэ.* Университет Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. С. 86; Дэн Сяопин хуачжуань [Иллюстрированная биография Дэн Сяопина]. Чэнду, 2004. Т. 1. С. 26.
22. Цит. по: *Yu Miin-ling.* Sun Yat-sen University in Moscow, 1925–1930. Ph.D. Dissertation. New York, 1995. P. 179.
23. Ibid.
24. РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 33. Л. 28–30.
25. Там же. Л. 31–32.
26. РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 42. Л. без №; *Сунь Ефан.* Гуаньюй Чжунгун люй Мо чжибу [О Московском отделении КПК] // Чжунгун данши цзыляо [Материалы по истории КПК]. 1982. № 1. С. 180–183; *Шэн Юэ.* Университет им. Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. С. 79. Жэнь стал работать в Гуандунском, а затем Хунаньском комитетах КПК. После поражения коммунистического движения летом 1927 г. был арестован и предал компартию, перейдя на сторону Гоминьдана. В 1945 г. был избран кандидатом в члены ЦИК ГМД и в 1949–1950 гг. являлся заместителем заведующего и даже исполняющим обязанности заведующего отделом пропаганды ЦИК этой партии. Умер он на Тайване 29 января 1990 г. (см.: *Pantsov A. Levine S.* Chinese Comintern Activists: An Analytic Biographic Dictionary (manuscript). P. 255–257; Миньго жэньу да цыдянь [Большой словарь персоналий Республики]. Шэнцзячжуан, 1991. С. 217).
27. См.: *Yu Miin-ling.* Sun Yat-sen University in Moscow, 1925–1930. P. 172–173.
28. Ibid. P. 175.
29. РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 15. Л. 42 оборот.
30. Цит. по: *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. С. 129; *Маомао.* Водэ фуциннь Дэн Сяопин [Мой отец Дэн Сяопин]. Пекин, 1997. С. 149.
31. Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова). Л. 18. В другой копии этого документа имелось добавление: «Имеем опыт работы в пролетарских организациях во Франции» (Дэн Сяопин хуачжуань. С. 24; Фэинбэй — Дэн Сяопин гуцзюй чэньлэгуань [Памятник — Музей на месте рождения Дэн Сяопина]. Чэнду, 2005. С. 28).
32. Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова). Л. 9.
33. Дэн вступил в КПК, точнее в ее Европейское отделение, в Лионе в апреле 1925 г. (См.: Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова). Л. 2 оборот, 4, 5, 10 оборот, 12 оборот; Личное дело Дэн Сисяня // Там же. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2574. Л. 3; Дэн Сяопин цзышу. С. 1, 31.) Утверждения дочери Дэна Маомао о том, что Дэн якобы стал членом компартии в 1923 г., явно надуманы. Они основаны на предположении, что избрание ее отца членом исполкома Европейского отделения ССМК в то время автоматически означало его прием в партию (см. 8. *Маомао.* Водэ фуциннь Дэн Сяопин. С. 117, 121.)

34. См.: Личное дело Догадовой // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1669; Дэн Сяопин хуачжуань. С. 41.
35. См.: Чжан Цзолинь хуэйилу. С. 203; *Маомао*. Мой отец Дэн Сяопин. С. 158.
36. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. М., 1996. Т. 2. С. 228, 281.
37. См.: Фэн Юйсян жицзи [Дневник Фэн Юйсяна] Нанкин. Т. 2. 1992. С. 177—15; *Фэн Юйсян*. Водэ шэнхо [Моя жизнь]. Харбин. 1984. С. 461—482; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. С. 241, 242; *Шэн Юэ*. Университет имени Сунь Ятсена и китайская революция. С. 151—161; *Цинь Яньши и др.* Лю Боцзянь // Чжунгундан ши жэньу чжуань [Биографии деятелей истории КПК]. Сиань. 1982. Т. 4. С. 267—268.
38. См.: Мао Цзэдун няньпу, 1893—1949 [Хронологическая биография Мао Цзэдуна. 1893—1949] Т. 1. Пекин. 2002. С. 169—172; *Юрьев М. Ф.* Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968. С. 416; *Вишнякова-Акимова В. В.* Два года в восставшем Китае, 1925—1927. Воспоминания. М., 1965. С. 273—302; *Chang Kuo-t'ao*. The Rise of the Chinese Communist Party. Lawrence, KS, 1972. Vol. 1. P. 532—572.
39. См.: *Sheridan J. E.* Chinese Warlord. The Career of Feng Yü-hsiang. Stanford, 1966. P. 203—209.
40. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. С. 449.
41. Фотокопию документа см.: Дэн Сяопин цышу. С. 28; Дэн Сяопин хуачжуань. С. 29.
42. См.: Личное дело Дэн Сисяня (Дозорова). Л. 9.
43. См.: *Маомао*. Мой отец Дэн Сяопин. С. 93.

Становление и этапы развития банковской системы Японии

© 2011

Д. Сенина

Статья посвящена истории формирования и развития банковской системы Японии, начиная с периода зарождения в стране капиталистических отношений до 1950-х гг., когда происходит завершение формирования национальной банковской системы по западному образцу.

Ключевые слова: банковская система, кредитно-денежные отношения, ростовщик, кредит, ссуда, бумажные деньги, иностранная валюта, обменные операции.

Отличительными характеристиками развития банковской системы Японии является заимствование организационных структур в средние века у ближайших и более развитых в экономическом плане соседей — Китая и Кореи, а в новой и новейшей истории у передовых в финансовом отношении держав. Так, в 1261 г. Япония начинает закупать медные деньги у Китая, а в конце XIX в. засылает видных государственных деятелей в США и страны Европы для изучения опыта формирования их банковской системы, потому что первые самостоятельные попытки оказывались неудачными. После Второй мировой войны Япония восстанавливает свою разрушенную экономику и систему национальных банков под руководством оккупационной администрации, которая формирует послевоенное экономическое устройство страны по своему образу и подобию. Японию буквально принуждают стать «другой» в короткие сроки. И наконец, экономические кризисы 1970–90-х гг. заставляют Страну восходящего солнца отойти от своей нетрадиционной, исторически сложившейся денежно-кредитной политики и перейти к политике монетаризма. Глобальный финансовый кризис 2008 г. демонстрирует нежизнеспособность экспортноориентированной экономики и сложность реализации денежно-кредитной политики, частично ориентированной на поддержание низкого курса иены.

Вторая особенность эволюции банковской системы Японии заключается в том, что как азиатская страна, она выстраивала свою рыночную экономику и систему банков под жестким руководством и контролем государства, а порой и в условиях авторитарного режима, как это было в эпоху сёгуна Такугава, когда происходило зарождение в стране капиталистических отношений. Причем, жесткое авторитарное правление, как правило, не мешало, а способствовало формированию наиболее эффективной экономической системы, как это происходило в период послевоенного восстановления или в период высоких темпов экономического роста, когда Банк Японии, используя нетрадиционные рычаги денежно-кредитной политики, строго определял направления кредитной экспансии японских коммерческих банков.

На период японской истории, когда власть в стране перешла в руки сёгунов, первым из которых стал в 1192 г. Еритомо Минamoto, приходятся первые упоминания о

кредите и лицах, для которых выдача ссуд стала профессией. Во второй половине XII в. в Японии начал формироваться класс ростовщиков, выдававших ссуды под залог вещей и имущества. Как правило, залогом служил рис. Клиентами ростовщиков были лица всех сословий — и крестьяне, и самуран, и даже придворные сановники. В 1247 г. Правительство издало указ, установивший предельный процент по ссудам в размере 20% годовых для ссуд, обеспеченных залогом, и 30% годовых для ссуд без обеспечения из-за слишком высоких процентов, взимавшихся ростовщиками (до 50% годовых).

В конце XIII в. по стране прокатилась серия народных волнений, вызванных частыми случаями изъятия залога (собственности) в пользу ростовщиков у неплатежеспособных должников. Земли многих представителей военной знати оказались у кредиторов. Это побудило правительство принять в 1297 г. указ, по которому некоторые долговые обязательства были аннулированы. В первую очередь это касалось земельных владений самураев и крупных денежных средств. Указ не коснулся мелкой задолженности — долгов по ссудам под залог вещей (ломбардных ссуд).

С 1261 г. правительство Японии начинает поставлять в Китай золото для закупки медных монет. Эти монеты стали официальными для оплаты налогов на материке. В итоге в Японии появился новый класс предпринимателей — утокунин, которые резко разбогатели за счет разменных операций. Массовый ввоз в страну монет из Китая спровоцировал инфляцию и рост ссудной задолженности дебиторов, а также увеличение числа представителей класса утокунин из-за популярности легкой наживы. В XV в. в Киото их насчитывалось уже 300. В это же время в оборот начинают активно входить бумажные деньги¹.

Быстрое развитие монетной экономики провоцировало еще более скорое обнищание бедняков, так как им все труднее становилось рассчитываться по своим долгам. Это было причиной многих народных восстаний. Социальное напряжение снимали повторные указы об аннулировании прежних долгов. Этим часто пользовались представители военной знати. Подобные указы сдерживали развитие кредитных отношений в стране и делали кредит недоступным для низших сословий из-за его дороговизны. Одновременно в хозяйственный оборот вводится практика заключения договора о неприменении указа об аннулировании долговых обязательств, если таковой будет издан.

Подобное состояние кредитных отношений наблюдалось на протяжении четырех веков вплоть до начала XVII в., когда в Японии был установлен «режим Токугава», на время правления которого пришлось зарождение капиталистических отношений.

Во время нахождения у власти Сегуната Токугава были предприняты решительные действия для объединения Японии в централизованное государство. Победив своих соперников при Сэкигахара, он конфисковал земли почти всех из них. У оставшихся противников земельные владения были сильно сокращены. В результате И. Токугава стал крупнейшим феодалом в Японии, так как ему стала принадлежать четвертая часть всех земельных доходов страны. Более того, он конфисковал у некоторых местных военных феодалов Токугава (дайме) золотые и серебряные копи.

В первый период токугавского сегуната наблюдалось бурное развитие внешней торговли. В первую очередь внешнеторговые отношения развивались со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Торговля велась через посредничество китайцев, португальцев, испанцев, голландцев и англичан.

Однако после формирования в Японии еще более жесткого авторитарного режима Япония вступила на путь самоизоляции, это происходило на фоне растущего дефицита продовольствия.

В деревнях появился новый тип хозяина — дзинуси. Он одновременно был и ростовщиком, и рантье, и сборщиком налогов.

С середины XVII в. концентрация торговых и кредитно-обменных операций начинает резко усиливаться. Показателен пример торгового дома Коноикэ, который в

1600 г. начал заниматься производством сакэ и только в одной деревне. В 1656 г. он начал отправлять рис в Осака и организовал там свой банк, а в 1690 г. торговый дом Коноикэ обслуживал уже 32 дайме. В этом же году некий Мицуи, который был торговцем сакэ из Эдо, стал финансовым агентом сегуната и императорского дома одновременно, спасая японских правителей своими финансовыми ресурсами.

В 1718 г. правительство легализовало деятельность менял. Теперь этот вид деятельности был доступен только членам гильдий. В Эдо было образовано 37 гильдий, членами которых было 650 столичных менял. Гильдии также были организованы в других городах Японии. Появление гильдий внесло определенный порядок в систему обменных курсов. Каждый вечер руководители гильдий устанавливали курс обмена, который был обязательным для всех. Однако менялы стали монополистами и взимали уже значительно более высокий процент за производство операций².

Японские ростовщики не ограничивали свою деятельность только обменными операциями. Они также занимались приемом вкладов, выдачей ссуд под залог имущества и под письменные поручительства кредитоспособных лиц. Начиная с конца XVII в., ростовщики начинают выдавать вкладчикам в обмен на полученное от них золото или серебро особые расписки (тэгата), которые представляли собой вексель (банкноту) на банкира³.

Эпоха сегуната Токугава не способствовала развитию банковского дела в Японии, так как именно в этот период это занятие было небезопасным. Любой самурай мог убить ростовщика, если считал, что была затронута его самурайская честь.

Падение сегуната Токугава и восстановление власти императора в Японии известно как реставрация Мэйдзи (Мэйдзи иссин). Многие зарубежные историки рассматривают события конца 60-х — начала 70-х годов XIX в. в Японии как незавершенную буржуазную революцию. Это был переход от феодализма к капитализму. Реформы 1868 г. привели к коренным изменениям в экономике, политике, культуре и социальных отношениях. По своей сути реформы носили буржуазный характер и превращали Японию в капиталистическую страну.

Новое правительство покончило с феодальной раздробленностью страны. Местом пребывания правительства и столицей государства стал Токио (бывший Эдо). В 1869 г. дайме были лишены феодальных прав, но оставлены в качестве губернаторов в своих княжествах. В 1872 г. была введена всеобщая воинская повинность. Правительство отменило строгую регламентацию занятий и профессий. Была аннулирована система цехов и гильдий, которые мешали развитию свободного предпринимательства. Всем было разрешено свободно заниматься любым делом и выбирать любую профессию. Правительство разрешило свободное передвижение людей и товаров по всей стране. Были сняты все ранее существовавшие тарифные барьеры между провинциями, объявлена свобода торговли, установлена единая денежная система, а натуральные налоги были заменены денежными.

В стране была предпринята первая попытка организации кредитного дела нового типа. При содействии правительства Японии крупнейшие банкиры (Мицуи, Ивасаки, Сумитомо, Ясуда и др.), начиная с 1870 г., стали создавать «валютные компании». Эти «валютные компании» имели право выпуска банкнот, приема вкладов, кредитования внешней и внутренней торговли. К сожалению, многие из них разорились. В этих условиях правительство было вынуждено направить в другие страны, и в первую очередь в США, своих представителей для изучения опыта организации банковского дела. Валютные компании были ликвидированы в 1872 г. Вместо них были учреждены национальные банки. Их деятельность регламентировалась новым законом о национальных банках, который во многом копировал американский закон 1863 г. За 1873—1874 гг. в стране было создано четыре таких банка.

Японский ученый Д. Созда указывал на то, что американская система национальных банков не сразу была принята японским правительством и деловыми кругами. В 1870 г. вице-министр финансов Ито отправился в США для изучения опыта этой страны в банковском деле. По возвращении он предложил перенять американский опыт организации национальных банков. Эта идея имела как своих сторонников, так и противников, которые утверждали, что американский опыт построения национальной банковской системы несет в себе риски и не подходит для задач, которые стоят перед японским государством. Противники этой идеи отстаивали также принцип полного золотого покрытия. Несмотря на обилие жарких споров, никакого практического решения не последовало. В 1871 г. Токійская торговая палата рассматривала идею создания банка с капиталом в размере 7 млн иен, но надлежащие денежные фонды не были найдены. Поэтому в том же году по возвращении вице-министра Ито из США, была принята американская система⁴.

Так как банки не имели достаточного количества золота и серебра для покрытия эмитируемых и бумажных банкнот, их возможности финансировать промышленность были сильно ограничены. В 1876 г. банки получили право на выпуск своих банкнот под облигации государственных займов. Подобное нововведение, как и многие другие в области кредитного дела в Японии, было заимствовано из США. После принятия данного закона резко возрастает количество кредитных институтов и объем кредитования промышленности.

В 1880 г. правительство создает Обменный банк золота и серебра в Йокогаме для целей внешней торговли. В задачи банка входило накопление металлического запаса для разменных операций Центрального банка Японии (Банка Японии), созданного в 1882 г.

В октябре 1881 г. министром финансов Японии был назначен М. Мацуката. Его позитивная роль в истории формирования валютно-финансовой системы страны заключалась в том, что ему удалось остановить рост дефицита государственного бюджета. Более того, Мацуката видел в финансировании экспорта японских товаров прямое средство приобретения и накопления золота и серебра, которые были необходимы для выпуска конвертируемых банкнот. Конвертируемые банкноты должны были стать субститутами уже существовавших неконвертируемых банковских билетов Банка Японии. Для создания резерва золота и серебра с целью изъятия из обращения бумажных денег необходимо было абсорбировать серебряные и золотые монеты из-за рубежа. Это было возможно только с помощью полного включения в операции, связанные с иностранными векселями. Все эти условия влекли за собой пересмотр уже существовавшей системы и создание Обменного банка золота и серебра в Йокогаме.

Обменный банк был создан как независимый финансовый институт, но под более строгим контролем Министерства финансов Японии. В 1882 г. Министерство финансов издает «Правила сделок с иностранной валютой», первая глава которых регулировала работу Обменного банка. Она гласила, что «с целью привлечения золота и серебра в казначейство правительства валютный фонд должен быть размещен в Обменном банке золота и серебра в Йокогаме, а указанный банк должен совершать сделки с иностранной валютой в соответствии с установленными правилами». Размер валютного фонда составил 4 млн иен. Вексельные операции были определены как приоритетные в деятельности Обменного банка. Учетная ставка по векселям находилась в ведении Министерства финансов Японии. Сумма аванса не должна была превышать 80% от всей суммы векселя. Был введен запрет на использование золотых и серебряных денег в прочих операциях, что привело к обесцениванию бумажных денег. Банковская структура была несовершенной, банки были по большей части невелики, межбанковские операции были слабо развиты, процентные ставки очень разнились между собой в разных префектурах, присутствовало неравномерное распределение денежных ресурсов по стране в целом⁵.

Как указывают экономисты С. Хомер и Р. Силла в своем труде об эволюции процентных ставок, использование американской модели, которое подразумевало избыток

коммерческих банков при отсутствии центрального, не было успешным в Японии. В 1882 г. Япония перешла на новую банковскую систему, основанную на западноевропейском опыте. Это и послужило причиной создания Банка Японии как главного банка страны. Это финансовое учреждение становится банком банков и фискальным агентом правительства⁶.

В 1885 г. Банк Японии стал выпускать свои банкноты, разменные на серебро. Правила, которые регулировали их выпуск, появились только в 1889 г. Начиная с этого момента, эмитируемые в обращение банкноты должны были быть покрыты серебром на 100%, за исключением непокрытого предела в 70 млн иен. В 1897 г. непокрытый предел составлял 85 млн иен, а в 1899 г. — 120 млн. Дополнительный выпуск банкнот сверх установленного предела банк мог осуществить только с разрешения министра финансов. В этом случае банк должен был уплачивать налог с эмиссии (не менее 5%), ставка которого в каждом отдельном случае устанавливалась только министром финансов⁷.

Контрибуция, выплаченная Китаем Японии, по итогам японо-китайской войны (1894—1895 гг.), была хорошей базой для укрепления зарождавшейся национальной банковской системы и способствовала существенному приросту золотого запаса Банка Японии. В 1897 г. денежное обращение в Японии переходит на систему золотого монометаллизма. Банкноты стали эмитироваться только Банком Японии и по требованию их держателей обмениваться на золото в кассах банка. Банкноты были номинированы в иенах и должны были выпускаться против эквивалентной суммы золотых и серебряных монет и слитков и являться законным платежным средством на территории всей Японии. Банк Японии должен был платить налог в размере 1,25% годовых от средней месячной суммы эмиссии разменных банкнот.

Банк Японии занимался следующими операциями:

- учитывал векселя и обязательства, выпускаемые коммерческими организациями и правительством;
- покупал и продавал золото и серебро в слитках;
- выдавал ссуды под драгоценные металлы;
- принимал на инкассо векселя от банков и торговых компаний;
- привлекал вклады на текущие счета;
- принимал драгоценные металлы и документы на ответственное хранение;
- выдавал ссуды под государственные обязательства (векселя, облигации, гарантии).

Банк Японии работал в тесном контакте с правительством, которое строго контролировало все банковские операции и не допускало никаких инициатив, которые бы представляли, по его мнению, угрозу экономической безопасности страны.

Банку Японии было строго запрещено:

- предоставлять кредиты под обеспечение недвижимого имущества, акции банков и других коммерческих организаций;
- выдавать ссуды под обеспечение собственными акциями или покупать их;
- являться акционером промышленных компаний;
- принимать прямое или косвенное участие в деятельности промышленных предприятий;
- приобретать в собственность недвижимое имущество, за исключением тех случаев, когда это было необходимо для организации новых отделений банка⁸.

В 1905—1913 гг. экономика Японии продолжала развиваться быстрыми темпами. Япония все еще оставалась аграрной страной: 60% всего населения занималось сельским хозяйством. Но индустриальное развитие шло быстрыми темпами. С 1905 по 1913 гг. из 3,8 млрд иен капиталовложений в народное хозяйство 46,8% было инвестировано в промышленность. Развивалась тяжелая индустрия, в частности металлургия. Этот период можно также охарактеризовать увеличением концентрации производства и цен-

трализации капитала. Например, в черной металлургии 73% выплавки чугуна и 84% проката давал государственный завод Явата. Оплаченный капитал всех акционерных обществ повысился с 888 млн иен в 1903 г. до 1983 млн иен в 1913 г.

В указанный период возникли новые картели и синдикаты. Например, в 1908 г. возник сахарный синдикат, в 1909 г. цементная ассоциация и картель по железнодорожному оборудованию. В 1910 г. был сформирован нефтяной картель. В 1913 г. из всего оплаченного акционерного капитала размером в 1 983 млн иен 38% приходилось на долю крупных компаний, капитал которых составлял свыше 5 млн иен. Однако эти компании составляли только 0,4% общего числа японских компаний. В 1914 г. на крупных предприятиях, имевших более 500 рабочих, было занято 25,7% всех рабочих.

Значительно вырос объем внешней торговли Японии. В 1903 г. японский экспорт составлял 289 млн иен, а в 1913 г. он вырос уже до 632 млн иен. Импорт же с 1903 г. до 1913 г. увеличился с 317 млн иен до 729 млн иен. Победа над Кореей и Китаем способствовала наращиванию экономической мощи Японии. Страна увеличила свои инвестиции за рубежом и, в первую очередь, в завоеванные страны. Например, в Китае японцы строили новые текстильные фабрики, а в Корее они развивали горную промышленность⁹.

К началу первой мировой войны японский капитализм далеко продвинулся по пути монополистического развития. Крупные концерны, или дзайбацу контролировали фактически всю экономику страны. Дзайбацу — термин сугубо японский и означает «конгломерат». Термин использовался с XIX до начала XX вв. для обозначения больших семей, контролировавших банковские и промышленные объединения, которые имели картельный или синдикатный тип. Четыре главных дзайбацу начали свое существование еще в эпоху Эдо (1603—1868 гг.) — «Мицубиси», «Мицуи», «Сумитомо» и «Ясуда».

Банковская отрасль не осталась в стороне от общих тенденций. Происходил бурный рост банков различных форм. Это были и коммерческие банки, и траст-компании, и частные сберегательные банки, и государственные специализированные банки. С 1892 по 1913 гг. общее количество банков увеличилось с 270 до 1614, а размер привлеченных ими вкладов вырос с 33 до 1 444 млн иен. Большая часть депозитов приходилась на коммерческие банки. Так же как и в промышленности, в банковском деле лидирующие позиции занимали, в основном, банки дзайбацу. К самым крупным банкам в тот период относились банки «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда» и «Дайити Банк». Все они имели прочные финансовые и торгово-промышленные связи с правительством страны. Например, в 1911 г. банк «Мицуи» получил от правительства право выпуска правительственных и частных ценных бумаг, право выдачи акцептов и гарантий, право совершать трастовые операции с облигациями. Процессу концентрации банков способствовала политика государства. С 1896 г. правительство Японии стало активно содействовать поглощению мелких банков более крупными.

Первые траст-компании в Японии занимались, в основном, операциями доверительного управления (управляли капиталом частных инвесторов). С 1905 г. они имели право вкладывать суммы не менее 1000 иен и на срок не ниже 2 лет в ценные бумаги по своему выбору. Вторым направлением их деятельности был выпуск ценных бумаг предприятий с гарантией их размещения. 75% всех вкладов траст-компаний перед войной было сосредоточено в банках «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо» и «Ясуда».

На конец 1913 г. в Японии насчитывалось 648 сберегательных банков. Их капитал составлял 68,1 млн иен, а вклады — 356,1 млн иен. Выданные ссуды составляли 167,7 млн иен, а произведенные инвестиции — 99,4 млн иен. Первые сберегательные банки появились в 1878 г. Они организовывались как сберегательные подразделения национальных банков, а позже — как дочерние подразделения коммерческих банков. Особенностью первых сберегательных банков в Японии было то, что они принимали по большей части мелкие вклады.

Первыми государственными специализированными банками являлись Японский ипотечный банк, учрежденный в 1897 г., провинциальные агропромышленные банки (с 1897 г.) и Японский промышленный банк, основанный в 1902 г. В 1900 г. был основан Колониальный банк Хоккайдо, который вел свои операции на Хоккайдо и на Южном Сахалине. Все эти банки занимались выдачей долгосрочных ссуд аграрному сектору, за исключением Промышленного банка, который был вовлечен исключительно в финансирование промышленности и железнодорожного строительства под залог акций и облигаций. Он также участвовал в размещении правительственных и муниципальных займов. Главной особенностью специализированных государственных банков было то, что они формировали свои пассивы не за счет приемов вкладов, а посредством эмиссии своих банкнот или облигаций, гарантированных правительством страны. Этим банкам правительство предоставило право выпуска облигаций на сумму, превышающую размер собственного капитала в 10, а то и в 15 раз.

В 1891 г. в Японии начали формироваться институты кредитной кооперации. Они были организованы на паевой основе и принимали вклады и предоставляли денежные ссуды только своим членам. Первые кредитные кооперативы появились на селе, а с 1917 г. они получили распространение и в городах. Городские кооперативы пользовались, по сравнению с сельскими, преимущественным правом учета векселей и приема вкладов со стороны, а не только от своих членов. Это было категорически запрещено сельским кооперативам по закону.

Особую роль в системе финансовой системы Японии сыграли почтовые сберегательные кассы. Они появились в 1875 г. Основной их деятельностью был прием мелких вкладов и платежи в системе жирорасчетов. Вкладчики также приобретали облигации государственного займа. Это позволило правительству Японии резко повысить обороты внутреннего рынка и в сжатые сроки решить проблему индустриализации экономики.

К началу XX в. в Японии сформировался первоначальный вариант полноценной банковской системы. Это была трехуровневая банковская система. Первый уровень включал в себя Банк Японии и специализированные государственные банки долгосрочного кредита. На втором уровне находились коммерческие и сберегательные банки, траст-компании. На третьем — институты кредитной кооперации и почтовые сберегательные кассы.

Разразившийся в конце 1929 г. в капиталистических странах небывалый по разрушительной силе экономический кризис захватил и экономику Японии. Он ударил как по промышленности, так и по торговле Японии. В 1931 г. стоимость промышленной продукции упала до 5 млрд нен. Внешняя торговля сильно сократилась. В 1930 г. она упала на 30% по сравнению с 1929 г., а в 1931 г. — еще на 20% по сравнению с 1930 г. Сокращение объемов производства привело к росту безработицы. В 1931 г. число безработных достигло почти 3 млн чел.¹⁰

Тем не менее, как указывает экономист М. Шмитка, в Японии с 1926 по 1930 гг. показатель ВВП каждый последующий год не отклонялся от предыдущего, а в экономике страны наблюдалась «некоторая стагнация» с 1929 по 1931 гг., так как ВВП в реальном исчислении увеличился только на 0,5% в 1929 г., на 1,1% в 1930 г. и на 0,4% в 1931 г. Однако ВВП упал с пикового показателя в период с 1928 по 1933 гг. В общем падение ВВП составило 7%. Если рассматривать падение по секторам, то в сельском хозяйстве оно было уже 12%, в сфере транспорта и коммуникаций — 6%, для торговли и услуг — 25%. Что касается производства и горнодобывающей отрасли, то ВВП в реальном исчислении поднимался каждый год Великой депрессии, за исключением 1932, когда он сократился на 1%. Этот период в экономической истории Японии характеризуется суровой дефляцией и быстрым истощением золотого резерва страны. Падение же ВВП, по мнению М. Шмитка, определялось не сокращением производства, а падением цен¹¹.

После военного бума 1914—1918 гг. наступила экономическая стагнация. Она началась с финансовой паники 1927 г., когда был закрыт «Банк Тайваня» и объявлен трехнедельный мораторий, в течение которого 27 банков прекратили свои операции. На помощь японской банковской системе пришел Банк Японии, который предоставил заемные средства кредитным институтам и утроил объем выдаваемых займов за один месяц. После кризиса банки оказались «на плаву», так как обладали достаточной ликвидностью, но отказывались идти на рискованное кредитование.

Медленное восстановление экономики давало возможность вернуться к золотому стандарту. Банкиры хотели иметь возможность инвестировать избыточную ликвидность за рубежом, в то время как Министерство финансов Японии стояло перед необходимостью рефинансирования долга в размере 230 млн. иен в государственных облигациях, размещенных за рубежом.

В условиях экономического кризиса в июле 1929 г. был сформирован новый кабинет министров и назначен новый министр финансов, Д. Иноуэ, который отличался консерватизмом в фискальной политике и пропагандировал возврат к золотому стандарту. 11 января 1930 г., спустя только 3 месяца после грандиозного обвала на Уолл Стрит, Япония вернулась к золотому стандарту на более высоком паритете иены по сравнению с довоенным. Этот период был худшим для возврата к золотому стандарту, так как по Японии ударила «золотая лихорадка», о возникновении которой даже не задумывались правящие круги. В 1930 г. 309 млн иен выбыло из японской экономики, а предложение денег сократилось на 13%. Цены упали на 10%. Это спровоцировало падение реального предложения денег еще на 2,5%. Производство в определенных секторах сократилось. Также произошло падение спроса за рубежом на японский шелк и хлопок.

Несмотря на это, правительство продолжало отстаивать золотой стандарт до середины 1931 г. Ситуация изменилась после падения Европейского финансового рынка в июле, ухудшения военной обстановки, подстегнутой Манчжурским инцидентом, и отказа Англии от золотого стандарта в сентябре.

В это же время партия Сэйюкай (Риккэн Сэйюкай — «Друзья Конституционного правительства» — одна из главных политических партий в довоенной Японии) вернулась к власти и повторно призвала на пост министра финансов К. Такахаси, который занял его уже в пятый раз в возрасте 77 лет. Такахаси по праву называют «японским Кейнсом» из-за его политики фискальных стимулов. Противники также обвиняли его в увеличении военных расходов для стимулирования экономики. К 1932 г. политика интервенций Такахаси остановила падение экономики, хотя меры, принимавшиеся в Японии, были похожи на те, что практиковались в этот же период в других капиталистических странах.

Результат политики Такахаси был описан как «одна из самых успешных комбинаций фискальной, монетарной политики и политики валютного курса в самом неблагоприятном международном окружении, который когда-либо наблюдал мир»¹². Рецессия была остановлена в конце 1932 г., а Япония избежала многих разрушительных факторов Великой депрессии. Суть экономической политики Такахаси заключалась в следующих мерах:

- отказ от золотого стандарта (в декабре 1931 г.) и стимулирование экспорта;
- низкие процентные ставки;
- дефицитное бюджетное финансирование за счет продажи обязательств государственного займа Банком Японии, начиная с 1932 финансового года.

После поражения во Второй мировой войне и установления оккупационного режима участие Японии в международных экономических отношениях было практически остановлено. Заграничные филиалы и учреждения японских компаний и банков были конфискованы странами-победительницами. Средства на счетах японского правительства и банков за границей были заблокированы. Инвалютные банки Японии закрылись.

Внешнеэкономические связи Японии с другими странами взяли в свои руки американские оккупационные власти. Они контролировали внешнюю торговлю страны. Выручка от внешней торговли и фонды иностранной валюты аккумулировались на специальном счете американской оккупационной администрации. На счет японского правительства перечислялись суммы выручки от внешних операций после соответствующего пересчета из иностранной валюты в иены по курсу, который устанавливал штаб Макартура. Валютные операции производились исключительно иностранными банками. Резервы иностранной валюты у Японии отсутствовали.

В 1949 г. США стали пересматривать свою политику в отношении Японии. Это выразилось в проведении экономической «линии Доджа». 13 апреля 1949 г. был установлен единый курс иены к доллару из соотношения 360 иен за 1 доллар. В декабре 1949 г. контроль над иностранной валютой и операциями с ней был передан правительству Японии в лице Управления по контролю над иностранной валютой. В 1952 г. функции этого Управления перешли к Министерству внешней торговли и промышленности Японии (МИТИ). 1 декабря 1952 г. был опубликован закон № 228 «О контроле над иностранной валютой и внешней торговлей» и ряд других постановлений, касавшихся валютных операций. Согласно Закону № 228, накопление инвалютных резервов и проведение основных операций с инвалютой брало в свои руки правительство Японии. Вывоз из страны национальных денежных знаков был запрещен. Выезжавшим за границу японским резидентам выдавалась ограниченная сумма инвалюты. Запрещались переводы за границу денежных сумм японскими резидентами, покупка ими иностранных фондовых ценностей, прямые инвестиции за рубежом сверх определенного небольшого лимита¹³.

1. *Вие М.* История Японии с древнейших времён до эпохи Мэйдзи. М., 2009. С. 68.
2. *Светлов В.С.* Происхождение капиталистической Японии. М., 1934. С. 39.
3. *Болдырев Г.И.* Финансы Японии. Опыт исторического анализа. М., 1946. С. 79.
4. *Juichi Soyeda.* A History of Banking in Japan. Curzon Press. 1994. С. 424.
5. *Norio Tamaki.* Japanese Banking: A History, 1859–1959. Cambridge. 1995. С. 59–62.
6. *Homer S., Sylla R.* A History of Interest Rates. Fourth Edition John Wiley & Sons. Inc. С. 576.
7. *Киш С., Элькин В.* Центральные банки // Банковские услуги. 2007. № 2. С. 179.
8. Там же. С. 180.
9. *Эйдус Х.Т.* Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955. С. 79–80.
10. Там же. С. 169–170.
11. *Smitka M.* The Interwar Economy of Japan: Colonialism, Depression and Recovery, 1910–1940. 1998. С. 143.
12. Там же. С. 144.
13. *Столяров Ю.С.* Валютные проблемы современной Японии. М., 1974. С. 110.

Научная жизнь

Московскому корееведению — 65 лет

Введение

15 августа 1945 г. для населения Корейского полуострова стал днем освобождения от колониального ига. Самая сильная японская группировка — Квантунская армия была полностью разгромлена Красной Армией. В результате были освобождены Маньчжурия, Ляодунский полуостров, Северо-Восточный Китай, южная часть Сахалина, Курильские острова и Корейский полуостров до 38-й параллели.

В 1945 г. в первой декаде сентября в Московском институте востоковедения (МИВ) на заседании мандатной комиссии по распределению первокурсников по факультетам и страноведческим отделениям, декан Дальневосточного факультета, известный монголовед, профессор Гарма Дансаранович Санжеев сообщил, что в связи с историческими событиями на Дальнем Востоке — освобождением Кореи от колониального ига возникла необходимость готовить новые кадры для изучения корейского языка и других корееведческих дисциплин. Поэтому принято решение открыть новое отделение на Дальневосточном факультете МИВ. Так был заложен «первый камень» современного корееведения нашей страны.

Исторические корни российского корееведения

Российское корееведение с самого начала развивалось как одна из областей русского востоковедения, которому всегда были присущи глубокое уважение и признание великого вклада в мировую цивилизацию народов Востока, отрицание евроцентризма и признание за Востоком приоритета в ряде выдающихся достижений культуры. Эти черты в полной мере характеризуют и отечественное корееведение на протяжении всей истории его развития.

Особенность российского корееведения состоит и в том, что с самого начала вдохновителями идеи создания корееведческого направления в востоковедении были ученые других областей знаний, в какой-то степени «смежных» с корейским направлением. В 1897 г. синолог В.А. Васильев — декан факультета Восточных языков в своей записке ректору Петербургского университета писал о необходимости изучения корейского и японского языков. В 1899 г. во Владивостоке по рекомендации ученого-монголоведа проф. А.М. Позднеева Министерство народного просвещения командировало в Корею Г.В. Подставина на два года для изучения языка и нравов жителей полуострова.

Практическое корееведение начиналось с географических описаний и путевых очерков мореплавателей: кругосветного путешествия адмирала И.Ф. Крузенштерна в

1803–1806 гг. на парусных судах «Надежда» и «Нева», экспедиции вице-адмирала Е.В. Путятина на фрегате «Паллада» в 1852–1855 гг. Свой вклад внесли и путешественники по Корее: Н.М. Пржевальский (1867–1869 гг.), В.Л. Комаров (1887 г.), Н.А. Корф, А.И. Звегинцев (1898 г.). В последней из указанных экспедиций принял участие писатель Гарин-Михайловский.

Большой вклад в практическое корееведение внесли служители русской православной церкви: доктор богословия архимандрит Хрисанф (1900–1904 гг.), а также архимандрит Павел (1906–1912 гг.), который выпустил в свет две книги о христианстве в Корее. Священник В.Н. Пьянков впервые в России составил учебное пособие для обучения корейскому языку — «Корейская азбука. В пользу корейских школ Южно-Уссурийского края» (СПб., 1874).

Особого внимания заслуживает вклад в отечественное корееведение русских дипломатов-востоковедов. В 1883 г. вышел в свет перевод с китайского «Чаосянь чжи» («Описание Кореи») П.А. Дмитриевского, за этот труд он был награжден золотой медалью Российского Географического Общества. В 1884 г. он перевел с японского языка труд о государственном устройстве Кореи периода Чосон. Фундаментальный труд «Очерки Кореи» (1892) был написан дипломатом М.А. Поджио — это первая книга на русском языке, обобщающая многие работы по Корее на русском и иностранных языках¹.

В документах российского МИДа первое упоминание о Корее относится лишь к 1854 г. До этого Корея была лишь географическим понятием на карте Азии. «В Министерстве иностранных дел тогда высказывалось мнение, что Корея нас нисколько не интересует».

Одним из немногих, кто понимал значение этого соседнего государства на Дальнем Востоке, был дипломат, окончивший китайское отделение Восточного факультета Санкт-Петербургского университета К.И. Вебер (полное имя — Карл Фридрих Теодор Вебер). Он стал первым российским Поверенным в делах в Корее в 1885 г., когда в Сеуле была открыта Российская дипломатическая миссия².

Уникальная работа К.И. Вебера «О корейском языке и корейском чтении китайских нероглифов» (1908 г.), рукописный труд «Проблемная транскрипция всех городов Кореи и другие первые исследования корейского языка» стимулировали создание нового направления в российском востоковедении.

7 июля 1884 г. был подписан первый российско-корейский договор, с Российской стороны — посланником Карлом Вебером. В договор были внесены важные условия найма российскими властями корейских переводчиков, учителей и других работников. Корейские власти также получили право нанимать на работу русских подданных. В договоре было отмечено: «отправляющимся в ту или иную страну для изучения языка, литературы, законов, искусств или промышленности, или же для ученых изысканий будет оказываться всякое возможное содействие» (именно эта договоренность в последующие годы стала основой зарождения российского корееведения³).

Договор сыграл важную роль в последующем развитии взаимовыгодных отношений между двумя государствами и отнюдь не случайно был немедленно денонсирован Японией после введения в Корее полуколониального «режима протектората».

К сожалению, наше поколение в 1940–1950 гг. ничего не знало о первом российском посланнике в Корее — Карле Ивановиче Вебере, который является одним из основателей корееведения в нашей стране. Его деятельность на дипломатическом поприще, высокий профессионализм, патриотизм и огромная научная эрудиция — пример для подражания всем корееведам.

В начале 1896 г. в Сеуле открылась русская школа для корейцев, где преподавал отставной штабс-капитан Н.Н. Бирюков. В год основания в школе обучалось более 50 чел. в возрасте от 20 до 40 лет. Школа просуществовала до начала русско-японской войны и пользовалась популярностью у молодых корейцев. Заметные успехи школы и ее воспитанников являлись заслугой учителя Бирюкова. К.И. Вебер высоко отзывался о деятельности Бирюкова, который фанатически был предан своему делу и любил своих учеников, некоторые из них позднее по ходатайству Вебера были отправлены на учебу в российские учебные заведения. Школа Бирюкова готовила переводчиков. Возможно, выпускником этой школы был и Ким Пён Ок — первый преподаватель корейского языка в Санкт-Петербургском университете.

Первыми в мире высшими учебными заведениями, где начиналось преподавание корейского языка на рубеже XIX—XX вв. был Санкт-Петербургский университет и Восточный институт во Владивостоке. В первом корейский язык преподавал переводчик корейской миссии Ким Пён Ок, во втором — основателем первой кафедры корейского языка был выпускник Санкт-Петербургского университета монголовед Г.В. Подставин. Именно он заложил основы научного и практического изучения корейского языка в России, а первым преподавателем корейского языка там был Хан Киль Мён — выпускник сеульской русской школы⁴.

У истоков российского корееведения был известный ученый, старейший специалист в области географии, истории, этнографии, культуры Дальнего Востока, проф. Н.В. Кюнер. Его жизнь связана с двумя научно-педагогическими центрами прошлого века — Владивостоком и Санкт-Петербургом. Он автор более 300 научных работ по изучению Восточной Азии. Н.В. Кюнер — один из составителей трехтомного «Описания Кореи»⁵.

У истоков Московского корееведения

В начале XIX в. известный русский китаевед Н.Я. Бичурин 14 лет был главой духовной миссии в Пекине, где в совершенстве овладел китайским языком и, изучая письменные исторические источники, где были записи о корейских племенах, проявил интерес к языку этих племен⁶.

История Московского востоковедения берет свое начало в 1815 г., когда было создано небольшое частное училище, ставшее с 1827 г. Лазаревским институтом восточных языков. Свое название это учебное заведение получило по фамилии его основателей — братьев Ивана и Екима Лазаревых, выходцев из армянского княжеского рода; они пожертвовали свои деньги «для воспитания и обучения бедных детей из армянской нации». В учебное заведение принимали юношей и других национальностей. Деятельность Лазаревского института, как и других востоковедных центров России, вызывалась необходимостью практического изучения языков и культуры стран, граничащих с Российской империей. Налаживались связи с учеными других стран, их труды переводились на русский язык, их приглашали на преподавательскую работу. Именно Лазаревский институт восточных языков стал первым в России специальным научным и учебным заведением, готовившим специалистов-практиков и ученых-востоковедов, его выпускники работали драгоманами при посольствах и консульствах в странах Ближнего и Среднего Востока.

В Лазаревском институте в 1829 г. учился И.С. Тургенев, а некоторое время — и Л.Н. Толстой. Это учебное заведение стало достопримечательностью Москвы, его посещали российские императоры, знатные гости из стран Востока, ученые и деятели искусства: немецкий ученый А. Гумбольдт, И.К. Айвазовский, А.С. Грибоедов, П.А. Вяземский, Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский и др. В Лазаревском институте получили образование известные востоковеды: Н. Ашмарин, Х. Баранов, В. Гордлевский, Н. Дмитриев, А. Крымский, Б. Миллер, В. Минорский, А. Семенов и многие другие.

После Октябрьской революции 1917 г. в России произошли большие изменения в общественной жизни страны, в том числе и в науке. 4 марта 1919 г. Лазаревский институт восточных языков стал называться Переднеазиатским институтом, а с осени 1920 г. — Центральным институтом живых восточных языков (ЦИЖВЯ). Тогда ставилась задача «перехода от изучения живых восточных языков к изучению экономической и политической жизни Востока при помощи языка как одного из мощных орудий этого изучения». 27 октября 1921 г. согласно постановлению Президиума ВЦИК все учебные заведения Москвы, где преподавались восточные языки, в том числе и восточное отделение Университета, сливались в одно высшее учебное заведение — Институт востоковедения, подчиненный Наркомату. К его созданию имел отношение А.М. Горький, который был в контакте с ведущими востоковедами: В.М. Алексеевым, Б.Я. Владимирцовым, И.Ю. Крачковским, Н.Я. Марром, И.Я. Орбели, С.Ф. Ольденбургом.

С апреля 1923 г. Московский институт востоковедения им. Нариманова перешел в ведение ЦИК СССР. 40% мест в институте отводилось для партийных работников: лица моложе 20 лет на обучение не принимались. В 1924 г. В Московском институте востоковедения (МИВ) было 6 отделений: арабское, турецкое, персидское, индоостанское, китайское, японское. С 1926 г. в Московском институте имени Нариманова было 3 факультета: Ближнего Востока, Среднего Востока и Дальнего Востока. В 1930 г. при институте организовали аспирантуру для подготовки научно-педагогических кадров по истории, экономике, языкам и литературе зарубежного Востока (см.: «К истории российского востоковедения», М., 2000).

В 1930-х гг. кафедру японского языка на Дальневосточном факультете возглавлял проф. Н.И. Конрад. Студентам этого отделения был прочитан курс лекций по корейскому языку доц. А.А. Холодовичем. Об этом автор этих строк узнала из рассказа выпускника японского отделения МИВ середины 1930-х гг., участника освобождения Кореи в 1945 г. В.А. Митина. Об этом же свидетельствует и рукописное издание 1937 г., размноженное в МИВ стеклографическим способом (280 экз.), «Грамматика корейского языка. Ч. 1. Морфология», написанная доцентом А.А. Холодовичем в 1936 г.

В предисловии автор подчеркивает: «Предлагаемая грамматика — это первая попытка на русском языке представить в систематическом виде морфологическую структуру корейского языка... Выпуск данной работы является результатом проведения курса лекций прочитанных в 1935–1936 уч. году в Московском институте востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР»⁷. Работа издана при помощи членов японско-корейской языковой кафедры, в частности доц. П.А. Гушо (подробнее см. вышеназванную работу А.А. Холодовича).

История современного отечественного корееведения началась с сентября 1945 г., когда на Дальневосточном факультете Московского института востоковедения было открыто корейское отделение, положившее начало систематической подготовке профессиональных специалистов-корееведов широкого профиля со знанием корейского и английского языков для научной и практической деятельности в МИД, МВТ и других министерствах страны. Организатором и постоянным куратором корейского отделения вплоть до слияния МИВ с МГИМО в 1954 г. был Гарма Дансаранович Санжеев — крупный ученый-монголовед, декан Дальневосточного факультета МИВ.

Интересным представляется мнение известного советского дипломата об этом институте: бывший посол в Токио А.А. Трояновский в 1945 г. в беседе с Ю.Н. Розалиевым, намеревавшимся поступать в МИВ, сказал, что институт этот «очень трудоемкий» и не дает определенной специальности. «Все зависит от того, в какое учреждение вы попадете после окончания института. В МИДе вы будете дипломатом, в Министерстве внутренней и внешней торговли — коммерсантом, в газете — журналистом и т.д.». Ди-

пломат предупредил, что особенно много труда потребует изучение восточных языков» («Из истории российско-корейских отношений», М., 1998. С. 53).

В 1945 г. на новое корейское отделение было принято 18 чел. В основном это были молодые люди, вернувшиеся с фронтов Великой Отечественной войны, рабочие с заводов и вчерашние школьники. Первым преподавателем корейского языка был И.И. Хван Дон Мин — историк по образованию и очень строгий преподаватель. В первую зимнюю сессию корейский язык не смогли сдать 7 чел. (в основном бывшие производственники), с 1946 г. в группе занимались только 11 студентов. Учиться было очень трудно: не было никаких пособий, словарей и даже газет. Написанные преподавателем предложения приходилось списывать с доски. Так учились до третьего курса. Со временем появились школьные учебники для сахалинских школьников и рукописные пособия, составленные преподавателями. В конце 1940-х гг. для подготовки и обсуждения новых учебных пособий с московскими преподавателями в МИВ часто приезжал из Ленинграда А.А. Холодович. На 2-м и 3-м курсах, кроме Хван Дон Мина, корейский язык преподавали Е.И. Цой, Ф.З. Ким, Хан Дык Пон, В.А. Хван-Юн Дюн. В конце 1946 г. в институт стали часто приходить студенты, приехавшие учиться в Москву из Северной Кореи, появилась возможность консультаций с корейцами с Корейского полуострова.

А летом 1948 г. 9 чел. из группы первого набора были направлены на целый год на работу в Пхеньян — преподавать русский язык в столичном Университете и помогать группе советских ученых переводить советские учебники, учебные программы и планы. Вечером после работы русские студенты ездили в Университет им. Ким Ир Сена заниматься корейским языком. Занятия проводили профессиональные лингвисты: Ким Сугён и Пак Санчжун; первый учил письменному и устному переводу, а второй читал лекции по грамматике корейского языка. После возвращения в Москву, проучившись еще один год и защитив дипломные работы в октябре 1950 г. двенадцать студентов получили дипломы, в которых указана специальность: корейский язык... со знанием английского языка... присвоена квалификация страноведа по Корее.

Это был первый выпуск в Советском Союзе целой группы молодых корееведов из 12 чел., специалистов со знанием корейского языка, прошедших практику в стране изучаемого языка.

Все 12 чел. из первого выпуска всю жизнь работали по своей основной специальности. Двое стали преподавателями и учеными-лингвистами: Ю.Н. Мазур и В.Н. Дмитриева, двое — журналистами: Д.М. Усатов и Р.П. Знаменская, двое — издательскими работниками: О.А. Павлова и Л.В. Журавлева, одна — кандидатом экономических наук: Л.А. Багрянская, четверо — военными переводчиками: В.Н. Райков, П.М. Кирсанов, В.М. Моздыков, Н.Я. Селиванова; кореянка Алла Ли сдавала экзамены экстерном. Набор групп на корейское отделение после 1945 г. стал увеличиваться. Среди выпускников последующих наборов многие стали дипломатами всех рангов, начиная с послов: Фадеев Ю.Д., Денисов В.И., Карлов А.Г., учеными — Ткаченко В.П., Грязнов Г.В., Мазуров В.М. и др. в МИВ было всего лишь 5 выпусков по специальности корееведение.

В конце 1940-х гг. в Москве корейское отделение было открыто в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ), которое в 1952 г. окончил ведущий современный кореевед, доктор филологических наук Л.Б. Никольский. Его многочисленные труды посвящены грамматике корейского языка, социолингвистике, лексикологии; он соавтор и редактор «Большого корейско-русского словаря» в 2-х томах, изданного в Москве в 1976 г.

Московское корееведение в наши дни

Академическое направление московской школы корееведения стало формироваться в пятидесятые годы прошлого столетия. В 1950 г. в Институте востоковедения АН

СССР (ИВАН) был создан отдел Кореи. Инициатором создания специального корееведческого отдела была бывший сотрудник генерального консульства в Корее (в Сеуле) с 1940 по 1946 гг., а в 1960-е гг. — доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР Фаина Исааковна Шабшина. Ей принадлежит около 100 работ по истории освободительного движения корейского народа и современной истории стран Востока. Ф.И. Шабшина подготовила большое число молодых специалистов. Под ее руководством успешно защитили диссертации выпускники МГИМО Н.Е. Баженова, С.С. Суслина, Л.А. Усова и другие — в этом ее особая заслуга перед современным корееведением.

У истоков послевоенного московского корееведения стоял и известный историк-кореевед Георгий Федорович Ким, член-корреспондент АН СССР, заведующий отделом Кореи, Монголии и Вьетнама в Институте востоковедения (с 1952 г.), автор более 100 научных работ. Главная тематика его исследований — национально-освободительное движение в Азии, Африке, Латинской Америке. Его труд «Государство национальной демократии» (1962 г.) переведен на английский, французский, испанский и арабский языки.

В 1951 г. научным сотрудником ИВАН начинает работать Г.Д. Тягай, специалист по истории Кореи конца XIX в. В начале 1950-х гг. научными исследованиями по истории и экономике Кореи стали заниматься выпускники МИВ И.С. Казакевич, Г.В. Грязнов, В.М. Мазуров и выпускники других вузов: В.И. Шипаев (восточный факультет МГУ), Ю.В. Ванин и Б.В. Синицын (исторический факультет МГУ). В те же годы научными сотрудниками-филологами ИВАН стали: выпускник МИВ Л.Р. Концевич, который внес большой вклад в изучение истории корееведения и упомянутый выше Л.Б. Никольский.

В 1950-е гг. прошлого века научными исследованиями в разных областях послевоенного корееведения занимались аспиранты и преподаватели МИВ: Хан Дыкпон, И.И. Хван Донмин, В.А. Хван Юндюн, Ф.З. Ким, Ю.Н. Мазур, В.Н. Дмитриева, Ф.И. Мальков, Л.А. Багрянская, Н.П. Семенова, ученые МГУ — М.Н. Пак и др.

Первому поколению ученых и молодых исследователей пришлось работать в невероятно сложных условиях. Было очень трудно найти необходимые сведения и материалы по корейской тематике и особенно сложно было опубликовать не только монографию, но и статью в научном сборнике или журнале. В условиях чрезвычайно строгой цензуры было много разных ограничений. И несмотря на все эти трудности, научные исследования корееведов послевоенного поколения заложили фундамент, на основе которого в настоящее время развивается российское корееведение, получившее мировое признание.

Летом 1954 г. по решению правительства СССР произошло слияние двух институтов: МГИМО и МИВ, наследника и продолжателя старейшего востоковедного вуза нашей страны — Лазаревского института.

В сентябре 1954 г. в МГИМО было 2 факультета: западный и восточный. Деканом восточного факультета был китаист Ю.А. Ганшин; на факультете было 9 кафедр восточных языков, в том числе и кафедра корейского языка, возглавляемая Хан Дык Поном. Через год произошло слияние трех кафедр: японского, корейского и индонезийского языков. Новую кафедру возглавила специалист по японскому языку Е.Л. Наврон-Войтинская. Она большое внимание уделяла научной работе членов кафедры, помогала молодым преподавателям в подготовке учебных пособий и в защите диссертаций.

В 1956 г. при МГУ открылся Институт Восточных языков (ИВЯ); кафедру языков и литератур стран Юго-Восточной Азии возглавил известный кореевед-филолог, выпускник МИВ доц. Ю.Н. Мазур.

Одним из самых выдающихся ученых московского корееведения XX в. был заслуженный профессор МГУ М.Н. Пак, посвятивший несколько десятков лет переводу на русский язык древней корейской летописи «Самгук саги» Ким Бусика. Его заслуги высоко оценены и зарубежными историками, он был избран вице-президентом Международ-

ного общества по изучению Кореи, в 1992 г. он был награжден Национальным орденом «Тонбэкчан» в Республике Корея.

Долгие годы М.Н. Пак был руководителем международного центра корееведения МГУ им М.В. Ломоносова.

В результате глубокого исследования истории XIX и XX столетий в регионе государств Дальнего Востока М.Н. Пак доказал, что серьезной помехой для объективной трактовки истории российско-корейских отношений служила фальсификация ее в английской, японской и китайской прессе. Россию пытались изобразить агрессором для оправдания колониальной экспансии Японии и западных держав (Англии и США).

Затем легенда о русской угрозе Кореи использовалась для начал холодной войны и раздела Корейского полуострова вопреки решениям Московского совещания министров иностранных дел союзных держав⁸.

Это важно, так как корейский вопрос часто анализируется с позиций конфронтационного мышления. Например, на международной конференции «100 лет петербургскому корееведению» 14–16 октября 1997 г. с докладом «Роль Советского Союза в формировании системы образования в Северной Корее в период с 1945 по 1948 гг.» выступила аспирантка Сеульского университета Син Хё Сук. Она говорила о создании «прокоммунистического» Временного народного комитета, в котором Департамент просвещения должен был служить политическим интересам Советского Союза». «Осуществляя свою программу «коммунизации» Северной Кореи Советский Союз особенное внимание при этом уделял идеологической работе, присылал политпреподавателей». В заключении сделан вывод: «политика Северной Кореи в области образования в период правления Советской военной администрации явилась одной из причин раскола Кореи на Север и Юг»⁹.

Вызывают удивление обвинения в адрес Советского Союза, который якобы уделял внимание «идеологической работе». В 1948–1950 гг. в Пхеньяне работали и учились студенты МИВ, никакой «коммунизации» Северной Кореи вообще не было. Корейские преподаватели, получившие высшее образование в Советском Союзе, заимствовали советскую методику обучения, поэтому и сейчас северо-корейские студенты, приезжающие учиться в институты России, свободно говорят по-русски и добиваются высоких результатов в изучении новых учебных дисциплин.

Следует подчеркнуть, что этот принцип четко «работал» и позже. В июне 1948 г. заместитель министра Министерства высшего образования СССР ученый-химик академик АН СССР А.В. Топчиев в беседе с группой институтских ученых и студентов 4-го курса корейского отделения Московского института востоковедения объяснил цель командировки всей группе отъезжающих в Пхеньян на работу в системе высшего образования: помочь корейским ученым и преподавателям создать в стране систему высшего образования (до 1945 г. в Северной Корее не было ни одного высшего учебного заведения), помочь корейскому народу построить демократическое государство. Не должно быть никакой пропаганды идей социализма и коммунизма, так как народ Корейского полуострова, прежде всего, нуждается в упорядочении, создании нормальных условий жизни. Одной из неотложных проблем была ликвидация безграмотности среди населения, подготовка технических кадров для промышленности, специалистов по сельскому хозяйству и обучение квалифицированных медиков¹⁰.

На рубеже нынешнего столетия по специальности «политология» ученые степени получили бывшие выпускники МГИМО МИД РФ — ректор МГИМО А.В. Торкунов, впоследствии избранный академиком РАН, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН А.З. Жебин, профессор Университета им. Джона Хопкинса в Вашингтоне А.В. Мансуров, старший научный сотрудник ИВ РАН Р.Л. Казарьян.

В области изучения экономики обоих корейских государств плодотворно работают член-корреспондент РАН, д.э.н. В.В. Михеев, д.э.н. С.С. Суслина и д.э.н. Г.Д. Толорая.

Большая часть научных сотрудников—корееведов московских НИИ трудится в ИДВ РАН, ИВАН, ИМЭМО и в других учреждениях.

Научное и практическое корееведение в области изучения истории, экономики и филологии развивается и в вузах Москвы: в МГИМО, ИСАА МГУ, МГЛУ, РГГУ и др.

Москва — главный центр отечественного корееведения, где за последние годы издано большое число монографий и новых учебников для ВУЗов. К 250-летию МГУ им М.В. Ломоносова в 2004 г. издан базовый курс «Учебник корейского языка». Авторы: И.Л. Касаткина, Чон Ин Сун, В.Е. Пентюхова.

В 2000 г. в издательстве «Восточная литература» РАН вышла в свет уникальная книга В.П. Ткаченко «Корейский полуостров и интересы России», в которой анализируется напряженность на Корейском полуострове, соприкосновение интересов великих держав и соседей, что грозило разрастанием конфликта на полуострове. Автор подчеркивает, что изменения ситуации на Корейском полуострове носят циклический характер, что свидетельствует о проявлениях «своеобразного, корейского политического менталитета, имеющего свою историю и традиции.»

В 2003 г. издана книга «История Кореи (новое прочтение)» под редакцией А.В. Торкунова. В новом учебнике — систематическое изложение истории страны с древнейших времен до наших дней, в нем рассказывается о международных взаимосвязях, экономике и культуре.

Продолжением этой фундаментальной работы стал вышедший в 2008 г. учебник «Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории» А.В. Токунова, В.И. Денисова и В.Ф. Ли.

В 2004 г., к 120-летию установления дипломатических отношений д.и.н., проф. В.И. Денисов и д.э.н. проф. С.С. Суслина под руководством А.В. Торкунова подготовили к изданию сборник документов из Архива внешней политики Российской империи под названием «Россия и Корея. Некоторые страницы истории (конец XIX века)».

В 2008 г. коллективом ученых ИДВ РАН под редакцией В.И. Денисова и А.З. Жебина издана книга «Корейское урегулирование и интересы России», где анализируются взаимоотношения корейских государств с Россией, Китаем, США и Японией и приводятся тексты договоров, деклараций, резолюций и других документов международного права.

Издано большое число книг, статей в разных журналах и сборниках, где московские корееведы рассказывают о своих путешествиях по Корейскому полуострову.

В начале 2004 г. Институт востоковедения РАН и Московский культурный центр «Первое Марта» при поддержке «Корейского фонда» начали реализовывать проект по систематизации корееведческих научных исследований в России. Первый том «Жизнь и труд посвятившие Корею» — это история зарождения российского корееведения и развития научных исследований, глубокого изучения корейского языка, истории народа Корейского полуострова, его культуры.

В наши дни российское корееведение является самостоятельной отраслью отечественного востоковедения. Имеются значительные достижения в области политологии, истории, экономики, а также в отдельных областях филологии. Заметны успехи в изучении современной истории отношений наших стран.

Многие работы российских корееведов переведены на корейский язык и изданы в Южной Корее. В качестве примера можно отметить работы ученых московской школы корееведения: академика РАН, д.п.н. А.В. Торкунова, члена-корреспондента РАН В.В. Михеева, к.и.н. В.П. Ткаченко, д.э.н. С.С. Суслиной, к.п.н. А.З. Жебина и др.

В 2000 г. в Сеуле вышел сборник «*Rosia-eco хёнде хангуго йонгу*» (Изучение современного корейского языка в России), куда вошли статьи ведущих российских лингвистов-корееведов: А.А.Холодовича, Л.Б. Никольского, Ю.Н. Мазура, Л.Р. Концевича, А.Г. Васильева, Г.Е. Рачкова, В.Н. Дмитриевой и др. Безусловно, подобные публикации за границей служат доказательством интереса корейских научных кругов к исследованиям многих наших ученых, и это также свидетельствует о признании заслуг российского корееведения.

В Республике Корея высоко ценят труды российских корееведов-лингвистов. Свидетельством тому служит присуждение Научной премии Тонсун за выдающийся вклад в исследование корейского языка нашими коллегами из Москвы и Санкт-Петербурга: Л.Р. Концевичу (1999 г.), А.Г. Васильеву (2001 г.), В.Н. Дмитриевой (2002 г.), Ю.Н. Мазуру (2003 г., посмертно), Л.Б. Никольскому (2005 г., посмертно). Президент Республики Корея Ким Дэ Чжун наградил Орденом Сечжона В.Н. Ли (2000 г.) и Почетной грамотой — В.Н. Дмитриеву (2001 г.) за высокие достижения в изучении и распространении корейского языка.

В последние годы растет интерес молодежи к научной деятельности в области корееведения: увеличивается число магистрантов и аспирантов, изучающих историю, экономику, культуру, литературу и язык Кореи. Хотелось бы пожелать им больших успехов в избранной ими очень интересной и все еще недостаточно изученной области востоковедения.

© 2011

В. Дмитриева,
кандидат филологических наук,
почетный профессор МГИМО (У) МИД РФ.

1. *Дмитриева В.Н.* Из истории российского корееведения // Вопросы истории Кореи. СПб., 2004. С. 7–19.
2. *Ли В.Ф. (Ли У Хё).* Система международных договоров второй половины XIX в. // История Кореи (новое прочтение) М. 2003. С. 223.
3. Русско-корейский договор о дружбе и торговле от 7 июля (25 июня) 1884 г. и Правила для сухопутной торговли с Кореей, заключенные в Сеуле 8 августа 1888 года. // Россия и Корея. Некоторые страницы истории (конец XIX века) к 120-летию установления дипломатических отношений: Документы и факты. С. 16–28, 172–183.
4. *Дмитриева В.Н.* Указ. соч. С. 12.
5. *Зенина Л.В.* Ученый, учитель, человек, гражданин. 120 лет со дня рождения Николаю Васильевичу Кюнера // 100 лет перебургскому корееведению: материалы международной конференции, 14–15 октября 1997 г. С. 8–9.
6. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. 1851. Ч. 1–3. Переиздание: Народы, живущие восточнее Китая. М.; Л., 1950–1953.
7. Название Московского института востоковедения изменялось несколько раз, открывались новые факультеты и отделения восточных языков.
8. Отношения Советского Союза с Народной Кореей, 1945–1980. Документы и материалы. М. 1980. С. 18–20.
9. Доклад аспирантки Сеульского университета Син Хё Сук опубликован в сборнике: 100 лет петербургскому корееведению: материалы международной конференции, 14–16 окт. 1997 г. С. 94–98.
10. О цели научной командировки 1948–1949 гг. советских ученых и студентов можно узнать в архивных документах Министерства высшего образования России.

Визит экс-президента Республики Корея Ким Ён Сама

30 мая 2011 г. Институт Дальнего Востока посетил экс-президент Республики Корея Ким Ён Сам, выступивший на расширенном заседании Ученого Совета.

Г-н Ким Ён Сам прибыл в Россию по приглашению ИДВ РАН. Программа его визита включала в себя встречи с государственными и общественными деятелями, возложение цветов на могилы Б.Н. Ельцина и Р.М. Горбачевой, встречи с представителями корейской диаспоры и две короткие лекции в МГИМО и ИДВ РАН.

Тепло поблагодарив директора ИДВ РАН М.Л. Титаренко за предоставленную возможность посетить Россию, Ким Ён Сам обратился к присутствующим с речью, текст которой публикуется ниже.

* * *

Зов мира и человечества

Уважаемый академик Михаил Леонтьевич Титаренко!
Уважаемые участники заседания Ученого Совета!
Дамы и господа!

Я очень рад встрече с вами здесь, в Институте Дальнего Востока РАН. Около 20 лет назад — в 1989, 1990 и 1994 годах — я посещал Россию. Первый и второй мои визиты открыли двери для установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Россией. Как известно, установление 30 сентября 1990 г. российско-южнокорейских отношений стало событием, которое навсегда останется в истории мировой дипломатии.

В 1994 г. я посетил Россию с официальным визитом в качестве Президента Республики Корея. Я тогда имел историческую встречу в верхах с президентом Б.Н. Ельциным. По пути на родину я пролетел над территорией Северной Кореи и посетил Тихоокеанский флот России. Это было для меня и для граждан Южной Кореи поразительным событием, схожим с путешествием на Луну. Я горжусь тем, что непосредственно своими руками открыл двери корейско-российских дипломатических отношений и своими ногами прошел этот путь.

Начавшиеся таким образом корейско-российские отношения за прошедшее время неуклонно развивались. В настоящее время взаимные визиты наших граждан составляют 130 тыс. чел. в год, а объем внешней торговли достиг 18 млрд долл. Начало было осторожным, но потом этот процесс получил грандиозное развитие.

Однако у меня еще осталась одна неосуществленная мечта. Это посещение России на поезде по межкорейской и Транссибирской железнодорожным магистралям. Я надеюсь, что есть возможность осуществить эту мечту при моей жизни. Республика Ко-

рея и Россия неизбежно будут сотрудничать в области энергетики и разработки природных ресурсов, науки и техники, культуры и искусства, денуклеаризации Северной Кореи и объединения Корейского полуострова, а также во имя мира в Северо-Восточной Азии и утверждения новой цивилизации.

Россия является европейским государством и в то же время уникальной азиатской страной. Она является партнером Республики Корея в совместном открытии Азиатско-Тихоокеанской эры.

В настоящее время мир быстрыми темпами движется в направлении создания единого человеческого сообщества. Сейчас мир зовет Россию. Россия ранее преградила путь нашествию Наполеона и Гитлера и была последним оплотом, отстоявшим мир на земле.

Россия впитала западноевропейскую, восточную и исламскую цивилизации, и, сплавив их, создала свою цивилизацию. С этой точки зрения Россия обладает способностью спасти мир и человечество от угрозы конфликта цивилизаций. Я искренне надеюсь, что Россия и Республика Корея рука об руку откликнутся на такой зов человечества и мира.

Сегодня я нахожусь здесь, чтобы передать от себя и граждан Республики Корея это полное искренних пожеланий послание.

* * *

Отвечая на вопросы присутствующих, г-н Ким Ён Сам тепло поблагодарил сотрудников ИДВ РАН за помощь, оказанную учеными в годы, предшествовавшие установлению дипломатических отношений между двумя странами. Старания востоковедов ИДВ и ИМЭМО сыграли очень важную роль в наведении мостов и налаживании связей между СССР и РК.

Поездка Ким Ён Сама вызвала большой интерес у СМИ и общественности РК, которые сравнивали этот визит с его предшествующими поездками в СССР, сыгравшими важную роль в преодолении стереотипов «холодной войны» между двумя государствами.

Российские китаеведы во Вьетнаме

По приглашению Института китаеведения Вьетнамской академии общественных наук с 27 мая по 3 июня 2011 г. в научной командировке во Вьетнаме находились заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока» д.э.н. В.Я. Портяков и ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора ПДВ к.и.н. А.С. Давыдов.

В ходе встреч с директором Института китаеведения ВАОН До Тиен Шаом и другими вьетнамскими учеными стороны обсудили проблемы двустороннего сотрудничества между ИДВ РАН и ИК ВАОН, журналом «Проблемы «Дальнего Востока» и периодическими изданиями вьетнамской АОН по аналогичной тематике. В состоявшихся беседах ученые обеих стран затронули также вопросы взаимоотношений Китая с РФ и СРВ.

Было отмечено успешное развитие сотрудничества ученых обоих институтов по китайской проблематике, реализовавших совместный проект по написанию монографии «Китай в начале XXI века», которая была издана в России и во Вьетнаме на русском и вьетнамском языках. По словам директора ИК ВАОН До Тиен Шама, книга была хорошо встречена вьетнамской научной общественностью и пользуется большой популярностью. На подходе итоговая публикация результатов еще одного совместного проекта ученых двух институтов — «Сравнительный анализ перехода к рыночной экономике в России, Китае и Вьетнаме». Подробно обсуждался план-проспект нового совместного исследования по теме «Мягкая сила» Китая и ее влияние на Россию и Вьетнам».

Естественно, что наряду с обсуждением двусторонних проектов, связанных с Китаем, значительное внимание в беседах российских ученых с вьетнамскими коллегами было уделено текущему состоянию взаимоотношений в формате «РФ—КНР—СРВ» и двусторонним связям России и Вьетнама с Китаем. Поскольку сроки поездки российских специалистов во Вьетнам совпали по времени с обострением вьетнамо-китайских противоречий и территориального спора в районе Южно-Китайского моря (которое во Вьетнаме официально именуют Восточным), значительное внимание в процессе общения сторон было уделено причинам, характеру и сути этого конфликта.

По мнению вьетнамских экспертов, ответственность за обострение ситуации в Южно-Китайском море ложится на китайскую сторону. Именно рыболовное судно КНР, по утверждению властей Вьетнама, в конце мая 2011 г. умышленно перерезало электрический кабель вьетнамского судна, которое вело нефтегазовую разведку в морской зоне, признаваемой правительством КНР своей, но, по заявлениям вьетнамской стороны, не принадлежащей Китаю.

По мнению экспертов ВАОН, нынешние акции Китая в отношении спорных островов и акваторий в Южно-Китайском море мотивировались, в первую очередь, его стремлением взять под контроль нефтяные и газовые месторождения в этом районе.

К взаимному удовлетворению сторон в результате визита в Китай в конце июня специального посланника руководства Вьетнама Хо Суан Сона КНР и СРВ удалось достигнуть консенсуса относительно урегулирования спора вокруг Южно-Китайского моря

«путем дружественных консультаций и отказа от действий, которые могут осложнить данный вопрос».

Во вьетнамо-китайских отношениях есть и другие конфликтные темы. Остро стоит, например, проблема согласованного хозяйственного использования вод реки Меконг в связи с водозабором и возведенным электростанций и других гидрообъектов в ее верхнем течении. Вьетнамская сторона обеспокоена сохраняющимся значительным дефицитом в торговле с Китаем, недостаточной готовностью китайских инвесторов и подрядчиков использовать вьетнамские оборудование и рабочую силу.

В целом во Вьетнаме существует понимание того, что нормальные дружественные отношения с Китаем необходимо сохранять и беречь. По утверждениям вьетнамских коллег, СРВ не хочет повторения ситуации 1979 г., дружба СРВ и КНР и отношения двустороннего партнерства и сотрудничества между ними — бесценный капитал».

Со своей стороны российские ученые поддержали это мнение своих вьетнамских партнеров, отметив, что, как показывает опыт и СССР, и Вьетнама, и современной России, «с Китаем необходимо сохранять хорошие отношения, поскольку иные ни к чему позитивному не привели».

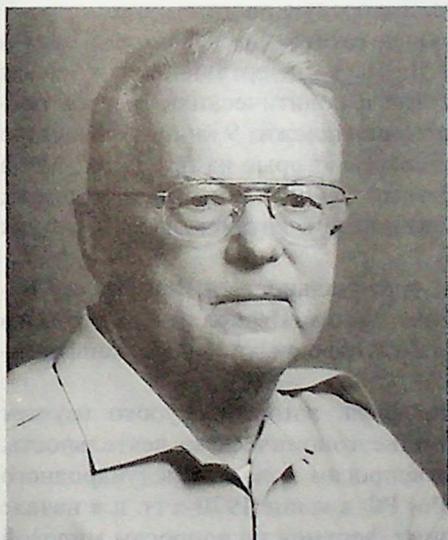
По просьбе вьетнамской стороны в Институте китаеведения для ученых Вьетнамской академии общественных наук были прочитаны лекции о российско-китайских торгово-экономических связях (В.Я. Портяков) и об американо-китайских отношениях на современном этапе (А.С. Давыдов).

Ученые ИДВ РАН имели также встречи и беседы с вьетнамскими учеными из Института европейских исследований, Института исследований Юго-Восточной Азии и Института исследований Северо-Восточной Азии ВАОН. Значительное внимание было уделено налаживанию сотрудничества между журналами, издаваемыми этими институтами, и журналом «Проблемы Дальнего Востока», соучредителем которого является Институт Дальнего Востока РАН. В частности, вьетнамские ученые выразили глубокую заинтересованность в регулярном получении журнала «Проблемы Дальнего Востока» на русском и английском языках в обмен на свои периодические издания («Исследование Китая», «Европейские исследования», «Исследования Юго-Восточной Азии», «Исследования Северо-Восточной Азии»). Обсуждался вопрос о возможности взаимных и совместных публикаций российских и вьетнамских исследователей в ПДВ и указанных журналах ВАОН.

Российские ученые были приняты вице-президентом ВАОН Нгуен Куан Туанем, заявившим о решительной поддержке вьетнамской стороной сотрудничества между двумя Академиями и их институтами.

Юбилей ученого

Вадиму Ивановичу Шабалину — 80 лет

Исполнилось 80 лет со дня рождения видного российского ученого-китаеведа, общественного деятеля и дипломата, доктора экономических наук, Чрезвычайного и Полномочного Посла, главного научного сотрудника ИДВ РАН, члена Центрального правления Общества российско-китайской дружбы Вадима Ивановича Шабалина.

В.И. Шабалин родился 25 июня 1931 г. в Вятской губернии (ныне Кировская область). За его плечами большая жизнь, наполненная многими испытаниями и общественно значимыми достижениями в науке, на дипломатическом и общественном поприщах.

Становление В.И. Шабалина как талантливого ученого, дипломата и общественного деятеля неразрывно связано с экономическим факультетом Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, который он окончил в

1954 г. по специальности политическая экономия. Затем в 1957–1959 гг. как китаевед он прошел стажировку в Пекинском и Народном университетах Китая. После защиты в 1961 г. кандидатской диссертации по проблемам китайской экономики был приглашен на работу в МИД СССР и командирован в советское посольство в КНР.

В.И. Шабалин смело откликнулся на вызов судьбы, потребовавшей найти способ сочетать практическую работу политика и дипломата с научно-исследовательской деятельностью.

В течение 1960–1990-х гг. В.И. Шабалин достойно прошел большой путь в своей общественно-политической и научной карьере, накопив богатый жизненный опыт. На любом участке и в любой должности — секретаря комитета комсомола МГУ, командира целинного студенческого отряда, ответственного сотрудника-эксперта по Китаю в высших государственных и партийных органах, определявших внешнюю политику нашей страны, Посла СССР в Республике Филиппины, Союзе Мьянма, заведующего отделом межпарламентских связей последнего Верховного Совета РФ, главного специалиста банка «Мир» — юбиляр всегда выполнял свою работу с присущим ему высоким чувством долга и профессиональной ответственности, стремлением всецело служить государственным интересам Отечества. Вадиму Ивановичу пришлось пережить и драматические

события в Пекине во время атак хунвэйбинов на советское посольство, и острую ситуацию в советско-филиппинских отношениях во время государственного переворота в Маниле — по существу первой «цветной революции», и пребывание в осажденном Доме Советов в октябре 1993 г.

Пройденные жизненные испытания нашли яркое освещение в научно-публицистических очерках и мемуарах В.И. Шабалина, в том числе в трех его последних монографиях, которые с большим интересом были встречены многими читателями, в том числе земляками автора, выдержали не одно переиздание.

Весом вклад в китаеведение, который В.И. Шабалин внес своими трудами, посвященными экономике Китая, тяжким урокам «большого скачка» и опыту проведения экономической реформы, особенностям социально-экономических преобразований в КНР, ее внешнеэкономической политике. В.И. Шабалину принадлежит приоритет в исследовании государственного капитализма в Китае, места и роли национальной буржуазии. По этой проблеме им опубликованы фундаментальные монографии «Вопросы преобразования национального капитала в КНР» и «Государственный капитализм в КНР». На эту тему в 1975 г. В.И. Шабалин успешно защитил докторскую диссертацию.

Масштабные и глубокие исследования социально-экономического строя, характера смешанной экономики Китая, ее структуры В.И. Шабалин органично сочетает с изучением и прогнозированием развития экономических и политических аспектов российско-китайских отношений. Перу Вадима Ивановича принадлежит 9 книг и множество научных статей и очерков (более 200 авторских листов). Некоторые из них выходили в свет под псевдонимами В. Ванин, В. Вятский и др. Немало научных и публицистических работ юбиляра переведены за рубежом и вышли на английском, китайском, ряде других европейских и восточных языков.

Широкий научный кругозор В.И. Шабалина, оригинальность и глубина его исследований привлекают большой интерес к его трудам. Вадим Иванович всегда был в числе наиболее востребованных участников многих международных научных конференций в России и за рубежом.

Ученый является экономистом широкого профиля, который глубоко изучает также проблемы народного хозяйства России, ее внешнеэкономическую деятельность. В.И. Шабалин — один из соавторов Программы по вопросам нового международного экономического порядка и в составе делегаций СССР и РФ в конце 1970-х гг. и в начале 1990-х гг. участвовал в работе крупных международных форумов по вопросам мировой экономики (ЮНКТАД, ПАСЕ, СЭВ, ОЧЗЭС).

Много усилий отдает Владимир Иванович поддержке изысканий молодых коллег-китаеведов. Он является научным редактором десятков трудов сотрудников ИДВ по экономике и политике Китая.

Значимы не только научные труды, но и характер общественно-политической деятельности юбиляра. В трудные 1960–1970-е гг. — период обострения отношений нашей страны с Китаем, В.И. Шабалин не терял надежды на то, что рано или поздно мрачные страницы в истории наших связей будут перевернуты, и вновь возродятся животворные дела и идеи сотрудничества и добрососедства двух великих народов. Все эти годы В.И. Шабалин энергично участвовал в работе Общества советско-китайской дружбы, занимал активную гражданскую позицию в отечественном китаеведении, был одним из деятельных подвижников становления ИДВ РАН, работал в 1967 г. заместителем директора этого молодого Института.

Одной из характерных особенностей В.И. Шабалина является его глубокая патриотическая связь с малой родиной — селами Кировской области, где ему пришлось жить в переломные в 1930-е годы и в военное время. Он регулярно навещает родные места, встречается с их жителями, интеллигенцией села, помогает оживить культурную жизнь, развивать краеведческое дело, содействует местным авторам в издании их трудов.

Красной нитью в его выступлениях и статьях проходит мысль: «Без подъема провинции Россия не встанет на ноги».

80 лет полнокровной и насыщенной жизни — срок, конечно, не малый. Но В.И. Шабалин необыкновенно молод духом, полон энергии и творческих замыслов, радуется коллег остротой и свежестью мысли, оригинальными оценками.

Он плодотворно работает главным научным сотрудником ИДВ РАН, активно участвует в деятельности Ученого совета Института и специализированного Диссертационного совета по экономическим наукам.

Общественно-политическая и научная деятельность В.И. Шабалина заслуженно отмечена целым рядом орденов и медалей СССР, почетными знаками МИД РФ, СЭВа, Российской Академии наук, Ракетно-космического агентства, погранвойск и многими ведомственными Почетными грамотами и благодарностями.

Дирекция и Ученый совет ИДВ РАН, друзья-коллеги по научному и дипломатическому цеху, а также Центральное правление ОРКД шлют В.И. Шабалину самые сердечные поздравления по случаю знаменательной даты.

Желаем Вадиму Ивановичу долгих лет жизни в добром здравии и с хорошим настроением, новых творческих исканий, дружеского общения в счастливом и уважительном окружении близких, родных, друзей и коллег.

*Дирекция и Ученый совет ИДВ РАН, Центральное правление ОРКД,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»,
друзья и коллегии-китаеведы*

Contents

RUSSIAN SINOLOGISTS — STATE AWARD WINNERS

Presidential Decree, on State Awards of the Russian Federation in Science and Technology, 2010
High Awards of Russian Sinologists

Statements by the State Award Winners during the Kremlin Rewarding Ceremony

A. Kobzev: Encyclopaedia as a form of Mutual Knowledge of Russian and Chinese cultures

DOCUMENTS

Joint Statement by President of the Russian Federation and Chairman of the People's Republic of China in Connection with the 10th Anniversary of the Treaty on Good Neighborhood, Friendship and Cooperation Between RF and PRC

Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Current Situation in the World and Major International Issues

The Astana Decade Declaration of Shanghai Cooperation Organization

RESULTS AND PROBLEMS OF FIVE-YEAR DEVELOPMENT PLANS IN CHINA

A. *Ostrovsky*. China's Economy on the Verge of the 12th Five-Year Plan: Results and Prospects

B. *Zhiguleva*. The Interaction of Internal and External Growth Factors in Chinese Economy

Z. *Muromtseva*. China's Industrial Policy in 2006–2015 in the Light of a New Type of Industrialization

A. *Salitsky, I. Tomberg*. China's External Economic Relations: New Trends

VIEW POINT

A. *Larin*. The Chinese Modernization: Prompts for Russia

A. *Krushinsky*. Post-Soviet Factor in "Chinese Miracle"

POLITICS

A. *Davydov*. Sino-US Relations at a New Stage: What Lies Ahead?

A. *Semine*. Tokyo-Beijing: If the Potential for Conflict Remains?

THEORY AND METHODOLOGY

L. *Badalian, V. Krivorotov*. Special Way in China: a New Paradigm of Production — an Object-Oriented Design and the Development of "Heartland"

O. *Borokh*. The Economic Debate in China in Post-Crisis Period

STATE AND SOCIETY

A. *Sidorova*. The Problem of Unemployment Among University Graduates in China in Connection with the Reform of Higher Education

HISTORY

A. *Pantsov, D. Spichak*. Deng Xiaoping in Moscow (1926–1927): Ideological Formation of Revolutionary and Future Chinese Reformer

D. *Senina*. The Formation and Development Stages of the Banking System in Japan

ACADEMIC LIFE

V. *Dmitrieva*. 65 Years of Korean Studies in Moscow

Ex-President of the Republic of Korea Kim Young-sam Visits Russia

A. *Davydov, V. Portyakov*. Russian Sinologists in Vietnam

SCHOLAR JUBILEE

Vadim Ivanovich Shabalin — 80 years

Contents

Summary

Summary

A. Ostrovsky. China's Economy on the Verge of the 12th Five-Year Plan: Results and Prospects

At the 4th session of the National People's Congress of the 11th convocation in March 2011 it was decided "to create a prosperous society in China by 2020." A key element of this task is the 12th Five-Year Plan for socio-economic development of China for 2011–2015, which is a part of China's economic strategy to be second in the world by indices of national power after the United States by 2050. Adopted by the PRC leadership development plan for the economy in 2006–2010 and subsequent adjustments thereto allowed the country to avoid the most serious consequences of the global financial crisis. But to meet the objectives, China will have to make the transition to the development of an innovative economy during the period of the 12th Five-Year Plan.

Key words: 12th Five-Year Plan, the global financial crisis, national power, the expansion of domestic demand, the transition to innovative economy.

B. Zhiguleva. The Interaction of Internal and External Growth Factors in Chinese Economy

The combination of three types of demand (consumption, investment and external demand) is important factor of economic growth in China. Expansion of external demand contributed not only to the inflow of foreign investment and technology, but also to the expansion of domestic consumer and investment demand. However, policies to stimulate domestic demand in 2009–2010 to compensate for losses caused by the decline in exports are still based on a significant expansion in investment, and the contribution from consumer demand remained low. The consequence of this policy was the overheating of Chinese economy and the rise of commodity indexes and commodity prices.

Key words: growth factors of the economy, three types of demand, investment, exports and imports.

Z. Muromtseva. China's Industrial Policy in 2006–2015 in the Light of a New Type of Industrialization

Although the industrial production of China is one of the largest in the world, the quality gap between it and the industrialized countries remains significant. The paper analyzes the results of industrial policy in 2006–2010 and plans for 2011–2015 within the context of a new type of industrialization.

Key words: new type of industrialization, innovation, high technology, state-owned enterprises, the competitiveness, quality of products.

A. Salitsky, I. Tomberg. China's External Economic Relations: New Trends

The article is devoted to current trends in the development of external economic relations of China and its position in the international division of labor.

Key words: industrial system, the exchange rate, export platform, dependence on foreign trade, the sustainability of growth.

A. Larin. The Chinese Modernization: Prompts for Russia

Comparison of the modernization process in China and Russia shows that a key factor in its success is the quality of power — it must have a high degree of capacity and still be vitally interested in the profound transformation of society. This interest arises if the country is faced with critical challenges that threaten its existence, and the ruling class is aware of the indivisibility of the country's fate and his own. A necessary condition for successful reform is also a visible increase in living standards.

Key words: modernization, reforms, authoritarianism, political will, political responsibility, standard of living, people's well-being.

A. Krushinsky. Post-Soviet Factor in "Chinese Miracle"

Assessing the "Chinese miracle" (in its economic and geopolitical manifestations), the author focuses on one of the factors of the phenomenon (not yet taken into account by scientists) — the collapse of the Soviet Union. Due to its skillful use China has won extensive market for its goods, strategic cheap raw materials, geopolitical support in Eurasia. Finding a number of unique Soviet "know-how" has helped China to re-equip the army, to strengthen its position in space exploration. "Post-Soviet factor" in the article is treated as a prerequisite for predicted transformation of China by the middle of the 21st century in a leading world power.

Key words: collapse of the Soviet Union, globalization, world factory, "chimerika" cheap labor, border zone of openness, the missile "Changzheng" flight of "Shenzhou-5", "alternative history".

A. Davydov. Sino-US Relations at a New Stage: What Lies Ahead?

This article analyzes the relationship between China and the U.S. for the past two and a half years. The author concludes that by reaching an uneasy agreement the parties have worked out at this stage some kind of paradigm of mutual conduct to regulate in non-confrontational manner problems and differences emerging between them.

In preparing the article the author used data from his previous publications, as well as analytical materials of the Institute for Far Eastern Studies (RAS), in preparation of which he has been involved.

Key words: China, USA, G-2, strategic interests, regional and global conflicts.

A. Semine. Tokyo-Beijing: If the Potential for Conflict Remains?

The article highlights developments in relations between Japan and China in connection with the incident that took place on September 7, 2010 in the East China Sea.

The author points to the source of such incidents, reveals the site of serious contradictions between the two countries: the dispute around sovereignty of the Senkaku Islands, the lack of an agreed maritime boundary and a uniform approach to the development of oil and gas resources in the East China Sea. He concludes that the continuing potential for conflict is a threat to the stable and good-neighborly relations.

Keywords: Japan, China, the Senkaku Islands, territorial dispute, the maritime boundary, oil and gas resources.

L. Badallan, V. Krivorotov. Special Way in China: a New Paradigm of Production — an Object-Oriented Design and the Development of "Heartland"

The authors describe the emergence of a new mode of production, which is a resource-saving and labor-intensive — in Chinese style, but also technologically advanced and most capable to overcome the "bottlenecks" of today's processing industries. A new type of production is based on the revival of the traditional institution of the local co-operatives and may become the nucleus of a new technological style, which will significantly reduce production costs by eliminating several costly stages in developing a new product.

Key words: object-oriented design, fordism, Chongqing, production of motorcycles, China's "heartlands".

O. Borokh. The Economic Debate in China in Post-Crisis Period

The article describes the main trends of Chinese economic science in 2008 after Chinese economists have studied approaches to understanding of the lessons of global economic crisis and China's success in overcoming its negative consequences. Scientists analyzed the debate about "Chinese model" of development, the specific mechanisms of macro-control, the State's role in the economy. Drawing on the experience of China, scientists seek to rethink the major areas of world economic theories and creation of an influential Chinese economic science.

Key words: economic science, crisis management policy, "China model", the State's role in economy, macro-control, rethinking of economic theory.

A. Sidorova. The Problem of Unemployment Among University Graduates in China in Connection with the Reform of Higher Education

The article shows how the market mechanism in China's education system since the late 1970s and the emergence of higher education on a mass scale had led to the unemployment among university graduates. The actions taken by the State and universities to enhance graduate employment rates are considered.

Key words: PRC, reform of higher education, the hierarchy of universities and graduates, unemployment among university graduates.

A. Pantsov, D. Spichak. Deng Xiaoping in Moscow (1926–1927): Ideological Formation of Revolutionary and Future Chinese Reformer

This article is based upon newly discovered archival documents from the Russian Archives of Social and Political History (RGASPI), including Deng Xiaoping's personal files as well as personal files of his classmates. It thoroughly examines Deng Xiaoping's days in Moscow in 1926–27 when he took classes at Sun Yat-sen University — leading Comintern school of higher learning. The authors meticulously research ideological and political impact of the Bolshevik education on the future great Chinese reformer. They conclusively demonstrate that Deng's study in Moscow at the time when the New Economic Policy was emphasized in the USSR greatly enriched his Marxist views. It laid theoretical foundations for the imminent emergence of the so-called Socialism with Chinese Characteristics in the People's Republic of China.

Key words: Deng Xiaoping, Comintern, Sun Yat-sen University of the Toilers of China, sino-soviet relations.

D. Senina. The Formation and Development Stages of the Banking System in Japan

Article is devoted to the history of formation and development of the banking system in Japan, starting with the origin of the capitalist relations up to 1950, when a completion of the formation of the national banking system along Western lines took place.

Key words: banking system, monetary relations, money lender, credit, loan, paper money, foreign currency, exchange transactions.

Николай Алексеевич Спешнев
13. 08.1931— 14.06.2011

14 июня 2011 г. скоропостижно скончался выдающийся российский синолог и педагог, доктор филологических наук, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета Николай Алексеевич Спешнев. Его кончина стала огромной потерей для многочисленных учеников Николая Алексеевича, китаеведов России и многих зарубежных стран.

Н.А. Спешнев родился в Пекине в семье русских эмигрантов. Он прожил в Китае первые 16 лет своей жизни. В детские годы обучался в колледже «Сакре Кер» (английская средняя школа при Кембриджском университете), затем в престижной частной пекинской школе «Минмин» и средней школе при университете «Фужэнь», где обучение велось на китайском языке. В 1946 г. он поступил в открывшуюся в Пекине первую советскую школу, где среди его преподавателей был крупнейший исследователь Дальнего Востока и Центральной Азии Б.И. Панкратов. Уже тогда уникальные знания китайского языка, полученные Николаем Алексеевичем, были оценены по заслугам — С.Л. Тихвинский, в те годы советник Генерального консульства СССР, поручил ему вести поиск китайских неологизмов в газетах для составления академического Большого китайско-русского словаря.

В 1947 г. семья Спешневых приняла решение вернуться на Родину. По окончании средней школы № 24 г. Ленинграда Николай Алексеевич поступил на отделение китайской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета, где, будучи студентом, начал преподавать разговорный китайский язык. Его лингвистическая одаренность, знание китайских реалий и менталитета китайцев были по достоинству оценены старшими коллегами. Дипломная работа Н.А. Спешнева «Акустическая природа словесного ударения в китайском языке» получила первую всесоюзную премию на конкурсе студенческих исследований.

С 1957 г. Н.А. Спешнев — ассистент, с 1974 г. — доцент, а с 1989 г. — профессор кафедры китайской филологии ЛГУ. В 1968 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Акустическая характеристика гласных китайского языка». Н.А. Спешнев разработал уникальную методику преподавания фонетики и разговорного китайского языка. Другой сферой научных интересов Н.А. Спешнева стало изучение простонародной литературы Китая. Итогом многолетней работы явилась получившая университетскую премию монография «Китайская простонародная литература» (1986), за которую в 1987 г. Н.А. Спешнев удостоился ученой степени доктора филологических наук.

Николай Алексеевич известен в среде коллег и как переводчик-синхронист высочайшего уровня. В 1972–1974 гг. он находился на дипломатической службе в Пекине в качестве эксперта-переводчика советской правительственной делегации на переговорах по пограничному урегулированию.

Н.А. Спешнев — автор многочисленных переводов на русский язык китайских прозаических и драматургических произведений, за что он был удостоен почетного диплома Союза китайских писателей (2007). Перу Н.А. Спешнева принадлежат 150 научных работ, в том числе несколько монографий. Он автор ряда университетских курсов, в частности: «Фонетика и фонология китайского языка», «Лексикология китайского языка», «Этнопсихология китайцев» и др.

С 1996 г. Н.А. Спешнев возглавлял Санкт-Петербургское отделение Общества российско-китайской дружбы. В 2005 г. ему присвоены звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» и «Почетный профессор СПбГУ», в 2008 г. он был награжден медалью «За заслуги в развитии российско-китайских отношений».

Николай Алексеевич отличали глубочайшая эрудиция, искрометное чувство юмора, артистизм и уважение к своим ученикам. Целые поколения воспитанных им китаистов помнят, как Николай Алексеевич мог продекламировать «сяншэнь», спеть детские песенки или частушки, характерные для пекинских «хутунов».

Светлая память о Николае Алексеевиче навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция и коллектив сотрудников ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

**Го Хэньюй,
профессор Свободного
университета Берлина**

16 мая 2011 г. в возрасте 81 года скончался профессор Свободного университета Берлина Го Хэньюй. За свою более чем 30-летнюю деятельность в восточноазиатском семинаре университета он внес неоценимый вклад в его развитие, в первую очередь, его китайского направления. Профессор Го Хэньюй был поистине пионером в области международного сотрудничества в исследовательской и преподавательской деятельности. Еще в 1980-е годы он заложил фундамент для успешного сотрудничества с Пекинским и Тайваньским университетами.

В 1983 г. он основал престижную серию «Berliner China-Studien», способствующую ознакомлению с исследованиями германских ученых о современном Китае.

Профессор Го Хэньюй инициировал международный исследовательский проект Свободного университета Берлина и Института Дальнего Востока РАН «ВКП(б), Коминтерн и китайская революция» и в течение ряда лет руководил группой германских ученых, участвовавших в его осуществлении.

Много внимания он уделял преподавательской деятельности, воспитанию поколения молодых китаеведов.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока, коллеги по работе над совместным проектом, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» глубоко скорбят о кончине глубокоуважаемого и незаурядного профессора Свободного университета Берлина Го Хэньюя и выражают соболезнование его близким.

* * *

Директору восточноазиатского семинара (китаеведения)
Свободного университета Берлина
Проф. Метхильд Лейтнер

Уважаемая профессор Лейтнер,

С глубоким прискорбием воспринял весть о кончине нашего дорогого друга и коллеги, Почетного Доктора ИДВ РАН профессора Го Хэньюя.

Профессор Го Хэньюй, замечательный человек и выдающийся ученый, обладал глубоким знанием и пониманием как путей развития своей великой страны — Китая, так и логики и исторической динамики развития отношений Китая с Россией и странами Запада.

Прекрасно сознавая, насколько важно донести до современного поколения историю событий, определивших судьбы разных стран мира, профессор Го Хэньюй инициировал уникальный научно-документальный проект Свободного университета Берлина и ИДВ РАН «ВКП(б), Коминтерн и китайская революция» и в течение нескольких лет принимал самое активное участие в его разработке как руководитель группы германских ученых.

Вы, уважаемая профессор Метхильд Лейтнер, а также Ваши коллеги проф. В. Крюгер, Т. Трампедас и покойный профессор Р. Фельбер, достойно продолжили и завершили эту миссию.

Профессор Го Хэньюй навсегда запомнится моим коллегам и мне как блестящий вдумчивый исследователь, как добрый друг и как человек, который обладал тонким ощущением единства и специфики различных культур и неустанно способствовал развитию взаимопонимания и взаимоуважения между научными и университетскими сообществами Востока и Запада.

Светлая ему память!

*От имени Дирекции, Ученого Совета и всего коллектива ИДВ РАН
Академик М. Л. Титаренко*

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.paukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала
Елене Александровне Лапшиной по телефону 8 (499) 124-02-15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Телефон (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru.
ISSN № 0131-2812

Стоимость подписки на 2011 год — 4400 руб.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 20.06.2011 г. Подписано к печати 17.07.2011 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отг. 9,2 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 584 экз. Зак. 1501

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 8 (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2011 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» принимают к публикации рукописи статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

- Объем публикации, как правило, не должен превышать 1 а.л. (40 000 знаков).
- Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее основных положений (около 600 знаков) и перечнем ключевых слов, отражающих ее содержание, на русском и английском языках.
- К статьям, присылаемым в редакцию, должны быть приложены сведения об авторах (ФИО, место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail). Все текстовые материалы представляются в электронном виде на дискете 3,5" с распечатками через 2 интервала
- Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi
- Китайские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Pinyin
- Все сноски и библиографические ссылки приводятся в конце статьи. Описания китайских, японских и вьетнамских изданий приводятся в транслитерации с последующим переводом на русский язык заглавия в квадратных скобках. Остальные печатные издания описываются на языке оригинала.

Правила оформления сносок:

Книги: Автор. Заглавие. Место издания, Год издания. С....

Публикации в периодических изданиях: Автор. Заглавие // Название издания. Место издания, год. Том, № (для газет – дата). С....

Составные части сборников и монографий: Автор. Заглавие. Место издания, год. С. ...

Материалы из WEB-сайтов описываются по тем же правилам, отделяясь от адреса сайта знаком (. –)

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (499) 124 09 02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.